

вышли изъ печати:
РУССКАЯ ИСТОРИЯ ВЪ КАРТИНАХЪ.
КАРТИНЫ ВЪ КРАСКАХЪ СЪ ТЕКСТОМЪ.

Составл. подъ редакціей

Истор. Ком. Учебн. Отд. Общ. Распр. Техн. Зн.
въ художественной части принимаетъ ближайшее участіе

Н. А. НАСАТКИНЪ.

ОТПЕЧАТАНЫ СЛѢДУЮЩІЕ ЛИСТЫ:

- Листъ I. **Начало Руси.** 3 картины: 1) Торгъ. 2) Печенье изъ стени.
3) Убієство Аскольда и Дира.
- Листъ II. **Первые князья.** 3 картины: 1) Полоцкъ. 2) Свиданіе Свято-
слава съ Цимисхіемъ. 3) Погребеніе знатнаго русса.
- Листъ III. **Крещеніе Руси.** 3 картины: 1) Праздникъ Купалы. 2) Убієство
христіанъ-варяговъ. 3) Крещеніе кіевлянъ.
- Листъ IV. **Татарская неволя.** 3 картины: 1) Владимирское разореніе.
2) Михаилъ въ Ордѣ. 3) Іоаннъ III точить басму.
- Листъ V. **Александръ Невскій.** 4 картины: 1) Ледовое побоище.
2) Пріемъ кардиналовъ. 3) Александръ въ Ордѣ. 4) Постриженіе
Александра Невскаго.
- Листъ VI. **Воззвиженіе Москвы.** 4 картины: 1) Софія Витовтовна.
2) Дмитрий Донской у свят. Сергія. 3) Куликовская битва. 4) Москва
прѣ Іоаннѣ III.
- Листъ VII. **Новгородъ Великій.** 4 картины: 1) Новгородская торговля.
2) Вѣче. 3) Уникубинки. 4) Наденіе Новгорода.
- Листъ VIII. **Іоаннъ IV Грозный.** 4 картины: 1) Рѣчъ Іоанна къ народу.
2) Взятие Казани. 3) Смерть митрополита Филиппа. 4) Запоеваніе Сибири.
- Листъ IX. **Борисъ Годуновъ.** 4 картины: 1) Отказъ Бориса отъ престола.
2) Убієство царевича Димитрия. 3) Борисъ разматриваетъ
карту. 4) Постройка въ Кремль при Борисѣ Годуновѣ.
- Листъ X. **Смутное время.** 3 картины: 1) Свержение самозванца. 2) Рѣчъ
Минина. 3) Осада Троїцкой лавры.
- Листъ XI. **Царскій обиходъ.** 4 картины: 1) Выборъ пейзажи. 2) Выход
на богослужбѣ. 3) Пріемъ пословъ. 4) Соколиная охота.
- Листъ XII. **Алексѣй Михайловичъ.** 4 картины: 1) Соборное уложение.
2) Запорожцы. 3) Алексѣй Михайловъ и Николъ. 4) Бояръ Морозова.
- Листъ XIII. **Юность Петра Великаго.** 4 картины: 1) Обученіе Петра
иностраницами. 2) Потѣхи Петра. 3) Казнь стрѣльцовъ. 4) Петръ I
Саарзамъ.
- Листъ XIV. **Царствованіе Петра Великаго.** 4 картины: 1) Полтавскій
бой. 2) Ассамблія. 3) Царевичъ Алексѣй. 4) Экзаменъ воинка.
- Листъ XV. **Екатерина II.** 4 картины: 1) Актъ въ Академіи. 2) Екатерина
II у Ломоносова. 3) Судъ Пугачова. 4) Суровъ.
- Листъ XVI. **Отечественная война.** 3 картины: 1) Сойти въ Филихъ.
2) Наполеонъ въ Кремль. 3) Старостиха Васильева.
- Листъ XVII. **Александръ II.** 3 картины: 1) На войну. 2) Чтеніе манифеста.
3) Торгъ.
- Листъ XVIII. **Александръ II.** 3 картины: 1) Дѣятели освобожденія. 2) Напорогъ школы.
3) Глашный судъ.

Цѣна каждого листа **20** ксн.

Издание Т-ва И. Д. Сытина.

Географическая Комиссія при Учебн. Отдѣлѣ Общ. Распр. Техн. Знаній.

Западная Сибирь.

Губ. ТОБОЛЬСКАЯ и ТОМСКАЯ.

СОСТАВИЛЪ
М. Летровъ.

плють стада съ мѣста на мѣсто ранище, чѣмъ животныя оцилюютъ весь мохъ, сохраняя этимъ тундру отъ истощенія.

Есть между зырянами и мастера-кустари. Вообще же они на всѣ руки хороши. Зыряне, живущіе въ Обдорскѣ, своихъ дѣтей непремѣнно посылаютъ въ мѣстную школу. Они такъ успѣшио борются за свое существованіе, что единственные среди всѣхъ инородцевъ Западной Сибири не вымираютъ, и даже увеличиваются въ числѣ. Съ сѣвера зыряне проникли къ югу и встречаются въ Западной Сибири повсюду. Ихъ насчитываются въ настоящее время около 10.000 человѣкъ.

Но благосостояніе зырянъ — исключение среди сибирскихъ инородцевъ.

Русскіе, проникнувъ въ чужіе сѣверные края, ничего нового и полезнаго имъ не принесли съ собою. Какъ говорилось выше, они сами скорѣе одичали отъ сосѣдства съ некультурными племенами.

Отъ столкновенія съ русскими пришельцами остыки и самоѣды утеряли даже то скучное благосостояніе, которое они сумѣли себѣ добыть до появленія колонизаторовъ.

Бѣдные дикари приобрѣтаютъ отъ русскихъ такія болѣзни, какъ сифилисъ, который имъ ранище не были известны. Вместо того, чтобы облагораживаться отъ сосѣдства съ европейцами-христіанами, инородцы видятъ съ ихъ стороны такъ много дурныхъ примѣровъ, что сами начинаютъ хитрить, лгать, обманывать и воровать.

Русскіе пріучили самоѣдовъ и остыковъ пить. Станованіе инородцевъ широко вдетъ по всей Сибири, окончательно убивая населеніе.

И все-таки обиженные и обманутые инородцы сумѣли, хотя съ грѣхомъ пополамъ, выжить въ этихъ суровыхъ урманахъ, тайгѣ и тундрахъ, въ тѣхъ далекихъ и дикихъ краяхъ, куда русскому человѣку еле открыть доступъ и гдѣ онъ — русскій почти не можетъ существовать.

Борясь съ окружающими неблагопріятными условіями, инородцы, конечно, не могутъ избѣжать губительныхъ послѣдствій этой неравной борьбы.

Инородческое населеніе повсюду въ Западной Сибири разоряется. Разореніе идетъ гдѣ быстро, а гдѣ и медленно, но вездѣ непрерывно. Особенно отъ него страдаютъ остыки по Иртышу и Оби. Разоряются инородцы и отъ эксплуататорской торговли съ русскими купцами, разоряются и отъ конкуренціи русскихъ промышленниковъ, занявшихъ лучшія мѣста вдоль рекъ и въ лѣсахъ.

Разоряясь, инородцы голодаютъ, болѣютъ и мрутъ. Губятъ инородцевъ заразныя болѣзни, пьянство. Инородческое населеніе становится все малочисленнѣе и малочисленнѣе.

Вымирание инородцевъ грозить сибирскому сѣверу полнымъ опустошеніемъ и безлюдьемъ.

Въ остыкахъ и самоѣдахъ урманы и тайга теряютъ своихъ главныхъ и привычныхъ обитателей.

въ теперешнюю Сибирь, и торговали тамъ. Но новгородцы не столько торговали, сколько промышляли оружіемъ среди мѣстного населенія — „югровъ“, которое было богато золотомъ и пушниной, какъ тогда говорилось, „мягкой рухлядью“. Но однако набѣги прекратились послѣ того, какъ пришли татары, заняли югорскія земли и даже побѣдили русскихъ, обложивъ ихъ тяжелою данью. Югорское илемя ушло отъ татаръ на сѣверъ. Но когда въ 1480 году татарская власть надъ Русью пала, снова потянулся народъ на востокъ, за Ураль.

Этимъ движеньемъ однако руководила не царская власть. Прослышавъ про богатства въ издрахъ Урала и про пушнину Сибири, купцы и всякие другіе предпріимчивые люди добровольно старались проникнуть въ новые края. По эту сторону уральскихъ горъ, въ теперешней Пермской губ., строились земледѣльческіе и торговые поселки. Нѣкоторые изъ нихъ огораживались и превращались въ крѣпости. Отсюда русскіе люди ходили къ сибирскимъ инородцамъ „торговать“; ихъ торговля скорѣе походила на разбой, и потому все инородцы: бугуры, остяки, черемисы и татары, — защищались отъ купцовъ оружіемъ и даже сами нападали на нихъ. При Ioаниѣ IV по Уралу основались братья Строгановы. Имъ московскіе цари предоставили огромную власть надъ всѣмъ мѣстнымъ населеніемъ: судить, казнить по своему произволу и даже держать собственныхъ войска.

Такими наемными дружинами были казаки. Составились они изъ русскихъ бѣглцовъ, которыхъ нѣкогда же были тогдание поридки: на силія воеводъ и бояръ, высокіе налоги. Иша-

свободы, они уходили въ черноморскія степи и на Донъ. Тамъ жили они почти независимо и вольно. Казаки частью разбойничали, грабя московскихъ купцовъ, частью совершили постоянные набѣги на татаръ. Всю свою жизнь они проводили въ бояхъ и, научившись владѣть оружіемъ, превратились въ прекрасныхъ, храбрыхъ воиновъ.

Окончательное покореніе Сибири началось съ походовъ дружины братьевъ Строгановыхъ. Въ то время за Ураломъ сидѣло иѣсколько татарскихъ князьковъ, которые правили самостоятельно. Въ каждомъ городѣ былъ свой царекъ: въ Тюменѣ, въ Туринскѣ — и такъ далѣе. Но самый сильный жилъ въ городѣ Сибирь или Искерь, стоявшемъ недалеко отъ теперешняго Тобольска. Звали этого воинственнаго хана Кучумомъ. Онъ былъ особенно беспокойнымъ сосѣдомъ братьевъ Строгановыхъ.

Въ концѣ концовъ Строгановы рѣшили двинуться за Уральскія горы вглубь на востокъ, чтобы сильнѣе поразить своего врага. Для этого кликули купцы кличъ среди казаковъ, опустошившихъ въ то время берега Дона и Волги. Отклинулись на призывъ Ермакъ Тимофеевъ и Иванъ Кольцо и вмѣстѣ съ тремя другими атаманами подняли знамя на Волгѣ; собрали изъ удалой вольницы дружины въ 850 человѣкъ и явились къ Строгановымъ. Хоть небольшое войско, но вооружено было ружьями и даже двуми пушками. Татары же и инородцы владѣли только стрѣлами и коньями. Нагрузили казаки сорокъ струговъ и подъ начальствомъ Ермака съ веселыми иѣсениями поплыли вверхъ по рѣкѣ Чусовой къ дикимъ Уральскимъ скаламъ. Бездѣ разбили враждебныя илемена, перегасивая свои суда изъ рѣки въ рѣку, добрались казаки до рѣки Иртыша, къ городу

Сибирь. Кучумъ не хотѣлъ отдавать своей столицы безъ упорного сопротивленія. Онъ прочно засѣлъ въ городскихъ укрѣпленіяхъ съ многочисленными татарскими ордами.

Сначала казаки поколебались и хотѣли отступить. Но Ермакъ употребилъ всю силу своего влиянія на товарищѣ и убѣдилъ принять бой. Битва была жестокая. Татары осыпали казаковъ тучами стрѣлъ, проявили отчаянную храбрость, но не устояли предъ дружиной Ермака и ся огнестрѣльнымъ оружиемъ. Кучумъ и его войско бѣжало, а Ермакъ вошелъ въ опустѣвшую столицу. Совершилось это завоеваніе 23 октября 1582 г.

Ермакъ попалъ дальше. Онъ не былъ жестокимъ завоевателемъ, и многія изъ покоренныхъ племенъ сами оказывали ему поддержку. Казаки проникли до береговъ Оби. Въ августѣ 1584 года Ермакъ съ товарищами попалъ въ засаду. Кучумъ со своими татарами цочью перерѣзаль всю казацкую дружину. Погибъ и Ермакъ, утонувъ въ бурныхъ водахъ Иртыша. Но со смертью Ермака движение казаковъ на востокъ не прекратилось.. Всѣхъ притягивала къ себѣ слава о сибирскихъ богатствахъ, и непрерывно шелъ русскій народъ въ неизвѣдомыя страны. Впереди были промышленники - казаки, а за ними двигались уже царскія дружины и строили крѣпости, „остроги“. Безъ нихъ трудно было обойтись въ только что покоренной странѣ, гдѣ инородцы всѣми силами сопротивлялись написку русскихъ, несшихъ имъ смерть и разореніе.

Въ концѣ-концовъ хозяева Сибири ничего не могли подѣлать съ непрерывнымъ русскимъ движениемъ. Можно было разбить казаковъ или царскую дружину, но со всѣмъ русскимъ народомъ,

потянувшимся на востокъ, бороться было не подъ силу. И покорились инородцы. Постепенно изъ крѣпостей выросли города. Такъ образовались Тобольскъ, Томскъ, Турицкъ, Каинскъ и другие. Началось „мирное“ завоеваніе новаго края. Изъ Россіи бѣжали въ Сибирь всѣ недовольные, обездоленные и притѣсняемые. Бѣжали безъ конца. Тутъ были раскольники, которыхъ преслѣдовали за вѣру, крѣпостные, ушедшіе отъ тяжкой рабской жизни, и много - много другихъ бѣглецовъ. Но московское правительство не любило этого самовольнаго переселенія и старалось всячески его задержать. Вместо него оно перевозило крестьянъ цѣлыми семьями и обществами „добровольно“, т.-е. не спрашивая даже ихъ согласія. Въ Сибирь ссылали изъ Россіи въ наказаніе за различныя преступленія, устроили тамъ каторгу, превративъ острожки въ тюрмы.

Кромѣ преступниковъ, ссылались на сѣверъ и востокъ всѣ тѣ, кто былъ не угоденъ правительству. Были тутъ разжалованые сановники и придворные, были илѣнныи иностранцы, были крестьяне, ссылаемые своими помѣщиками. Особенно много потомъ пошло политическихъ ссылыхъ. Политические ссылались за то, что были недовольны существующими порядками и требовали реформъ, полезныхъ народу.

Въ 1825 году Николай I отправилъ въ западную и восточную Сибирь первыхъ застушниковъ народа — декабристовъ. Они рѣшились требовать отмѣны крѣпостного права, ограничения власти чиновниковъ, конституціи и многаго того, что только недавно отчасти оказалось исполнено. Декабристы знали, что у нихъ неѣть силъ бороться противъ притѣснителей, но пожертвовали собою

за благо народное. Пять изъ нихъ: Рыльевъ, Пестель, Муравьевъ, Бестужевъ и Коховскій были казнены. Болѣе ста человѣкъ оказались въ Сибири. Живя въ пустынныхъ и тогда почти еще не заселенныхъ краяхъ, они принесли этимъ молодымъ владѣніямъ Россіи много пользы своими свѣдѣніями и своими выдающимися способностями. Декабристы учили дѣтей, просвѣщали взрослыхъ, разводили новые огородные овощи, придумывали иѣкоторые простыя и полезныя для края машины. А. С. Пушкинъ, бывшій другомъ иѣкоторыхъ изъ осужденныхъ, послать имъ въ Сибирь свое стихотвореніе. Въ немъ поэтъ говорилъ:

Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣніе,
Не пронаѣтъ вангъ скорбный трудъ
И душъ высокое стремленье...
Придѣтъ желанная пора,
Оковы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ, и свобода,
Вась приметъ радостно у входа.

Всѣдѣ за декабристами потянулся въ ссылку безконечный рядъ другихъ борцовъ, жертвовавшихъ свою свободу и даже жизнь за народное счастье. Всѣ они свято хранили въ своихъ сердцахъ память о первыхъ мученикахъ-декабристахъ!

Новые обитатели Сибири, всѣ эти переселенцы и ссыльные, съ течениемъ времени начали двигаться дальше на востокъ и сѣверъ, вынужденные невыносимо тяжелыми портуками, установленными съ проникновеніемъ въ Сибирь правительственныйми чиновниками и властей. Царскіе воеводы и другие представители правительства допускали такія злоупотребленія властью, обла-

гали народъ такими налогами, повинностями и взятками, совершили такія насилия и несправедливости надъ мѣстнымъ населеніемъ, что безобразное поведеніе чиновничества стало чѣмъ-то обычнымъ, вошло въ поговорку. Народъ, только что ушедший отъ произвола русскихъ властей, снова былъ принужденъ сниматься съ мѣста и ити дальше. Тогда воеводы, чувствуя, что Сибирь разбѣгается, начали жестоко преслѣдовывать уходящихъ наравнѣ съ раскольниками.

Сибирскимъ воеводамъ представлялись огромная полномочія и власть. Они неограниченно затѣживали всѣми частями управлій: войскомъ, судомъ, сборомъ налоговъ съ инородцевъ (ясакомъ), ссыльными и т. д.; кроме того, имъ поручались промышленныя казенные монополіи: торговля виномъ, табакомъ, ревенемъ, мѣхами, слоновой kostью и пр. Простору и случаевъ для грабежа за счетъ населенія было много. Сибирскіе правители часто не исполняли царскихъ приказовъ, конфисковывали въ свою пользу имущество состоятельныхъ жителей, заточали въ тюрмы, пытали, казнили кого хотѣли безъ суда и слѣдствія. „Нигдѣ самовласть не достигало такихъ отвратительныхъ формъ и размѣровъ, какъ въ Сибири“, говорить ся историкъ. Правители держали себѣ какъ цари, окруживъ вышиностью и почестями. Роскошные пиры и дворцы, богатыя приношенія и взятки, парадные конвои, гайдуки, торжественные встречи со стрѣльбой изъ пушекъ, даже царскіе троны и требование предъ собой колѣннопреклоненія сопровождали „правлѣніе“ этихъ деспотовъ.

Когда безобразія чиновниковъ превысили всякую мѣру, и, наконецъ, вѣсти о нихъ доходили до

правительства, посылались ревизіи, наводились слѣдствія. Часто и они ни къ чему не приводили, такъ какъ ревизоры и слѣдователи сами шли на всевозможныя продѣлки, брали взятки и доносили о всеобщемъ благополучіи. Но когда преступленія открывались, правительство для борьбы съ ними принуждено бывало прибѣгать къ самымъ суровымъ мѣрамъ. Напримѣрь, при Петре I воинъ и другихъ мѣстныхъ администраторовъ, уличенныхъ въ преступленіяхъ, ссылали на каторгу, били кнутами, рвали ноздри, рубили головы. Но даже эти мѣры не помогали: настолько чиновничество оказывалось развращеннымъ предоставленной ему властью. Дѣло доходило до того, что иногда правительство смѣщать и наказывать всѣхъ зарвавшихся агентовъ могло лишь съ помощью вооруженной силы, такъ какъ воинъ отказывались подчиняться и оказывали сопротивление.

Такъ заселялась Сибирь людьми самыми разнобразными: отъ каторжниковъ-убийцъ до честныхъ героевъ, защитниковъ народной свободы включительно.

Что же это за страна, куда издавна тянулся народъ и правительство? Много о ней писали и говорили, но до сихъ поръ всей еще подробно не изучили.

Сибирь въ разныхъ концахъ различная; поэтому про нее и ходить различные, часто разнорѣчивые слухи. Заѣзжие люди изъ Россіи попадали въ какую-нибудь одну часть, описывали ее, а выходило, какъ будто и вся Сибирь такова. То оказывалось, что тамъ не земля, а берега кисельные, не рѣки, а молочныя струи. То рассказывали, что Сибирь—это кромѣнныя лѣса и

болотистыя пространства подъ вѣчнымъ сиѣжнымъ покровомъ, гдѣ трещать лютые морозы, гудить выюга, да дикий звѣрь гуляетъ на просторѣ. Не мало повредила славѣ о Сибири каторга и ссылка. Всѣхъ пугали разсказы о тѣхъ мученіяхъ, которымъ подвергаются ссылочныхъ, пугали рѣки слезъ и крови народной, пролитыя въ этихъ далекихъ и чужихъ краяхъ. Само название „Сибирь“ казалось ужаснымъ, проклятымъ словомъ, обозначавшимъ мученіе. Одинъ изъ русскихъ помѣщиковъ даже называлъ Сибирью пустынное мѣсто въ Тверской губерніи, куда онъ ссылалъ для наказанія своихъ крѣпостныхъ.

Попемногу русскіе стали знакомиться со своими азіатскими владѣніями.

Съ 1891 года начала строиться изъ Россіи на востокъ, чрезъ Уральскія горы, желѣзная дорога, проходящая чрезъ всю Сибирь. Великій сибирскій путь протянулся на 8.000 верстъ, имѣя 45 большихъ мостовъ. Быстро отстроилась желѣзная дорога и стоила очень дорого—850.000.000 рублей. Во время работъ было много всякихъ неудачъ, перестроекъ и злоупотреблений.

Съ тѣхъ поръ, какъ по великому сибирскому пути открылось движеніе, прошло 6 лѣтъ, по уже многое въ порядкахъ и въ хозяйствѣ Сибири успѣло измѣниться. Въ будущемъ ее ожидаютъ еще большія перемѣны. Теперь же Сибирь стоитъ на границѣ между своей старой и новой исторіей.

Судьба Сибири тѣсно связана съ судьбой всей Россіи. Недостатки нашей родины отражаются съ особой силой на окраинахъ; ея обновленіе будетъ обновленіемъ и для окраинъ. Знаменитый географъ и ученый Э. Реклю писалъ:

„Какова будетъ въ исторіи роль, которая выпадетъ на долю Сибири, трудно сказать, но она зависитъ всецѣло отъ Россіи. Будущее же Россіи еще темно. Ея штыки и пушки и полицейской произволъ внутри не даютъ радужныхъ надеждъ, потому что не толпой вооруженныхъ людей измѣряется влияние народа въ общемъ ходѣ человѣческаго развитія, а измѣряется количествомъ законовъ справедливости, труда и жертвъ, принесенныхъ на пользу народнаго развитія и свободы!“ *).

Русскій народъ теперь проснулся; онъ началъ борьбу за свое обновленіе и освобожденіе отъ оковъ произвола. Будущее Россіи уже не такъ темно, а видѣеть съ нею, значитъ, и будущее Сибири.

ОБЩІЙ ОБЗОРЪ.

Азіатская Россія. Западная Сибирь, ея населеніе, поверхность, рѣки и природа.

За Уральскими горами, которыя зубчатою стѣною высятся на востокѣ Европейской Россіи, начинается Азія. Это огромная земля, въ $4\frac{1}{2}$ раза больше Европы.

Уральскія горы, по которымъ идетъ граница между Европой и Азіей, не велики; самыя высокія вершины едва достигаютъ полутора верстъ. Въ двухъ мѣстахъ, тамъ, где горный хребетъ понижается и образуетъ какъ бы проходъ или ворота, проложены желѣзныя дороги. Сѣверный путь лежитъ чрезъ городъ Екатеринбургъ на Тюмень, откуда по сибирскимъ рѣкамъ уже ходятъ пароходы; южный—это великий сибирскій путь. Чрезъ всю Россію идетъ желѣзная дорога на востокъ. Изъ Москвы и Петербурга чрезъ Самару и Челябинскъ въ Курганскъ и дальше; отъ Уральскихъ горъ она идетъ сначала почти по прямой линіи, а потомъ извивается змѣй чрезъ горы, рѣки и озера, вплоть до самого Великаго океана, на протяженіи 8.000 слишкомъ верстъ.

Когда подъѣздъ желѣзной дороги, выхтя и вздрагивая, медленно подымается къ перевалу по склонамъ Уральскаго хребта, на которомъ ле-

*) Э. Реклю. „Азіатская Россія“, стр. 697.

житъ граница между Азіей и Европой, то пасажиры съ любопытствомъ выглядываютъ изъ оконъ и толпятся на площадкахъ вагоновъ. Кругомъ видныются волнистыя горы, высится одинокіе утесы, обросшіе щетинистымъ лѣсомъ пихть и елей. Хоть и красиво, но однообразно, темно и мрачно. А если Ѣдешь осенью, то сѣрое небо и хмурыя тучи покрываютъ горы и брызжутъ мелкимъ частымъ дождикомъ. Картина еще унылѣе. Зимою лѣсь и горы покрываются покровомъ кристального снѣга... Вотъ поѣздъ на перевалѣ. Стоять столбы; на нихъ написано съ одной стороны Европа, съ другой—Азія. А кругомъ тѣ же горыя вершины и лѣсь! Слоны сразу становятся круче, и поѣздъ быстро скатывается внизъ, то скрываясь въ горныхъ выемкахъ, то снова появляясь на поверхности горъ; опь уже въ Азіи. Такъ проѣзжаемъ границу двухъ разныхъ частей свѣта, двухъ разныхъ міровъ. Большой перемѣны не замѣтно. Кругомъ, послѣ скаль и лѣсона, идутъ знакомыя поля и „российскія“ лица, только деревни попадаются извѣстручу уже иныя, съ большими постройками и относительно довольнонымъ видомъ, къ какому мы не привыкли у себя на родинѣ.

Послѣ Уральскихъ горъ не сразу начинается Сибирь. Поѣздъ еще иѣкоторое время идетъ по Оренбургской губ., часть которой вмѣстѣ съ частью Пермской заходить къ востоку за Уральский хребетъ. Только послѣ города Тюмени на сѣверѣ и Курганска на югѣ начинается Сибирь. Такимъ образомъ географическое дѣленіе между Европейской и Азіатской Россіей по Уралу не совпадаетъ съ административнымъ, т.-е. съ дѣленіемъ по управлению.

За Уральскимъ хребтомъ, гдѣ-нибудь на равнинахъ Иртыша и Оби или на холмистыхъ берегахъ Томи, замѣтно чувствуется разница въ людяхъ: другой говоръ, другой обычай, новый характеръ во всемъ. Сибирики—большіе патріоты, глубоко любящіе свою родину и гордящіеся ею. Россію они считаютъ для себя страной совершенно чужой. Въ разговорахъ постоянно слышно: „у васъ въ Россіи“ и „у насъ въ Сибири“.

Русскія владѣнія въ Азіи занимаютъ всю ея сѣверную часть. Отъ Уральскихъ горъ на востокъ, на разстояніе 7.500 верстъ вилоть до Тихаго океана, и отъ Ледовитаго океана на югъ, на 2.500—3.000 верстъ до средней Азіи и Китайской имперіи, все это принадлежитъ Россіи. Это необъятное пространство представляетъ изъ себя площадь въ 12.400.000 кв. верстъ. Чтобы ясно представить себѣ огромную величину Азіатской Россіи, достаточно сказать, что она равняется тридцатой части всей суши на земномъ шарѣ и въ 25 разъ превосходитъ Германію. Такъ какъ Сибирь тянется отъ 45° до 77° сѣверной широты и отъ 60° до 190° восточной долготы, то она проходить чрезъ различные полосы климата и природы.

Сибирь дѣлять на иѣколько частей: Степную область, Западную Сибирь, Восточную Сибирь и Амурскую область. Мы займемся здѣсь самой западной частью, нашей ближайшей соѣдкой за Уральскими горами.

Западная Сибирь среди всѣхъ частей Азіатской Россіи большие другихъ походитъ на соѣднія русскія губерніи: Архангельскую, Вологодскую, Пермскую и Уфимскую, судя по тому, на какой широтѣ лежать ея различныя мѣста. Климатъ

Западной Сибири очень близокъ къ климату этихъ губерній, только онъ континентальнѣе, т.-е. разница между лѣтнимъ тепломъ и зимними морозами рѣзче, а дождей и снѣга вообще выпадаетъ меньше, чѣмъ въ сосѣднихъ мѣстахъ Европейской Россіи.

Къ восточнымъ склонамъ Уральского хребта прилегаетъ обширная равнина; это западно-сибирская низменность. Отъ Урала тянется она на 1.500 верстъ до береговъ р. Енисея. На сѣверѣ низменность омыается волнами Ледовитаго океана, на югѣ она примыкаетъ къ киргизскимъ степямъ, а въ юго-восточномъ углу ея, на границѣ съ Китаемъ, стоять Алтайскія горы.

Отъ китайской границы цѣли этихъ горъ пользутъ во всѣ стороны, переплетаюсь въ безпорядкѣ другъ съ другомъ! Среди нихъ часто болѣютъ вершины съ шапкой вѣчнаго снѣга; оттуда сбегаютъ чистыя горныя рѣчки; быстро несутся они въ скалистыхъ берегахъ, часто превращаясь въ пышащіе водопады или вливаясь въ красивыя, спокойныя горныя озера. Съ алтайскихъ вершинъ спадаютъ главныя рѣки Западной Сибири.

Выйдя изъ горнаго царства, рѣки текутъ по плоской съ волнистыми холмами западно-сибирской низменности; дальше къ сѣверу, на ихъ течениі, уже не встрѣчается ни горъ ни скалъ. Земля рыхлая. Изрѣдка, по берегамъ большихъ рѣкъ, валяются валуны, занесенные съ вершинъ Алтая весеннимъ потокомъ. Эта низменность — одна изъ самыхъ большихъ на всемъ земномъ шарѣ; съ юга отъ Алтайской возвышенности она постепенно опускается къ Сѣверному Ледовитому океану такъ постепенно, что вода еле движется въ рѣкахъ и застываетъ въ болотахъ.

Когда-то Сибирь была дномъ большого моря, заходившаго на югъ до Алтайскихъ горъ. Алтай представлялъ тогда изъ себя скалистый полуостровъ. На дно постоянно осаждался иль и другіе морскіе осадки. Дно понемногу подымалось, вода уходила въ новыя мѣста, и изъ безбрежнаго моря появилась земля. До сихъ поръ продолжается медленное поднятіе дна; заливы Ледовитаго океана отступаютъ къ сѣверу, обнажая берега, оставляя послѣ себя озера. Въ глубокую старину ¹⁾ весь Алтай былъ покрытъ огромными сплошными полями и ледниками, изъ которыхъ вытекло потомъ такъ много воды, что она наполнила собою многія углубленія равнины, образовавъ прѣсныя озера и рѣки. Другія озера остались послѣ ушедшаго моря. Озера, находясь въ сухомъ степномъ климатѣ, теряютъ обыкновенно чрезъ испареніе большие влаги, чѣмъ ее получаютъ; въ такихъ случаяхъ происходитъ усыханіе и обмелѣніе озеръ. Во всякой водѣ присутствуютъ соли, даже въ прѣсной на вкусъ; но обнаружить соли, находящіяся въ небольшомъ количествѣ, можно только при помощи очень точнаго изслѣдованія, осолоненіе озеръ, не имѣющихъ стековъ, происходитъ оттого, что изъ почвы постоянно вымываются соли и съ водой попадаютъ въ водоемъ, непрерывно увеличивая количество его солиного запаса. Во время усыханія озера и его обмелѣнія первоначальный незначительный запасъ соли становится все больше и больше замѣтнымъ, такъ какъ разбивается уже

1) Сколько тысячелѣтій тому назадъ существовать этотъ такъ называемый „ледниковый периодъ“, точно указать невозможно, но ученые предполагаютъ, что для сѣверного полушарія ледниковый периодъ долженъ быть отнесенъ лѣтъ на 80.000 назадъ, по крайней мѣре.

меньшимъ количествомъ воды. Такимъ образомъ происходитъ постепенное осолоненіе водоемовъ.

Усыхаютъ не только озера, но и рѣчки. На мѣстахъ остаются тростниковые „займища“. Усыханіе происходитъ и периодическое и постоянное.

Озера часто подвергаются заболачиванию. Озеро зарастаетъ и покрывается торфомъ; вода въ такихъ заросшихъ озеркахъ становится мутной отъ отмершихъ частицъ растеній. Благодаря муты вода быстрѣе прогрѣвается и обильнѣе испаряется; озеро отъ усиленного испаренія, съ одной стороны, отъ заполненія торфомъ съ другой, мельчаетъ, уменьшается. Даже послѣ дождливыхъ, „смочныхъ“ лѣтъ такое заболоченное озеро не возстановляется своихъ прежнихъ границъ и продолжаетъ исчезать. Вода непроточныхъ озеръ богата питательными частицами для водяныхъ растеній; отъ этого и зависитъ быстрое зарастаніе озеръ Сибири.

Въ сѣверныхъ частяхъ измениности и въ полосѣ, поросшей лѣсомъ, влаги такъ много, а уклонъ такъ незамѣтенъ, что иногда на сотни верстъ залегли болота внеремежку съ маленькими и неглубокими озерами. Застоявшаяся вода безъ стока въ некоторыхъ мѣстахъ загниваетъ, отравляя воздухъ. Рѣчки, выходящія изъ такихъ гнилыхъ болотъ, несутъ съ собою испорченную воду, въ которой рыба не можетъ выжить и умираетъ. Поэтому, несмотря на то, что въ средней и сѣверной части Западной Сибири влаги слишкомъ много, людямъ воды иногда не хватаетъ.

Многоводная сибирская рѣка по веснѣ широко разливаются на все стороны, покрывая измѣнность часто на иѣсколько верстъ. Сибирские раз-

ливы бываютъ такъ обильны водою по слѣдующей причинѣ: на югѣ, въ верхнемъ теченіи рѣкъ, весна наступаетъ раньше, чѣмъ въ сѣверныхъ низовьяхъ, и здѣсь образуется пробка изъ крѣпкаго еще истронутаго весеннимъ тепломъ льда въ то время, когда наверху ледъ стаяль, и мчится съ горъ и отовсюду въ море вешняя воды; имъ стокъ прегражденъ, и онъ всей своей массой устрем-

Видъ на озеро Большое.

ляются на прибрежныя низины, размывая поля и пашни, засоряя ихъ иломъ. По широкимъ сибирскимъ рѣкамъ иногда проносятся бури. Какъ живая гѣнитяется тогда огромныя волны и хлещутъ о берега; въ это время много гибнетъ народу, особенно рыболововъ-инородцевъ, плавающихъ на грубыхъ, неустойчивыхъ челнокахъ.

Самая большая рѣка Обь состоялась изъ двухъ горныхъ алтайскихъ рѣчекъ, слившихся вмѣстѣ.

Онъ называются Бія и Катунь и значать на мѣстномъ языкѣ „женщина“ и „мужчина“. Всю равнину съ юга на сѣверъ прорѣзываетъ собою Обь. Кругомъ со всѣхъ сторонъ въ нее вливаются все новые и новые притоки; самый большой и широкий изъ нихъ, Иртышъ, самъ принимающій не мало большихъ и малыхъ рѣкъ, Тоболь съ рѣкою Тавдой и Турой, Ишимъ, Омь. Кромѣ того, въ Обь втекаютъ рѣки Томь, Кеть, Вахъ. Мягкій грунтъ сибирской низменности не выдерживаетъ многоводной Оби, и на южнѣмъ, даже на среднемъ ея теченіи образуются протоки. Ея ширина въ южнѣмъ теченіи съ протоками доходитъ до 30—40 верстъ, а глубина 10—15 саженъ. Протоки образуются и на другихъ, меньшихъ рѣкахъ. Случается, что вновь открытый послѣ разлива протокъ превращается въ новое русло, на несколько саженей даже верстъ отстоящее въ сторонѣ отъ старого, которое мельчетъ, усыхаетъ и совершенно глохнетъ. Такія старыя русла называются „старицами“. Вообще сибирскія рѣки, текущія по мало покатой равнинѣ, медленны; они и поглубоки: вода, размывая берега свободно разливается въ ширь; къ зимѣ главныя рѣки еще мельчаютъ, послѣ того какъ мелкіе притоки промерзаютъ до дна и прекращаютъ доставлять обычную воду. Берега подмываются очень сильно. Бывало, что городъ или село уходили отъ рѣчныхъ береговъ на новыя мѣста, иначе имъ грозила опасность обрушиться въ воду.

Одна изъ рѣкъ, какъ мы видѣли раньше, называется Иртышомъ, что въ переводѣ означаетъ землерой. Размываются обыкновенно, такъ же какъ и въ Россіи, правые берега, а на плоскій берегъ выбрасываются голые и обитые стволы

Большой Акъ-бонъ на Алтаѣ.

пихть, кедровъ и другихъ деревьевъ, засоряя русло и дно теченій рѣкъ.

Несмотря на обиліе рѣкъ Западной Сибири, плавать по нимъ не особенно удобно. Какъ видно по картѣ, рѣки, направляясь на сѣверъ, впадаютъ въ Ледовитый океанъ, прорѣзая его пустынныя побережья. Сѣверное море постоянно покрыто льдами, зимою же его берега ими совершенно затираетъ. Обь въ нижнемъ теченіи большую часть года стоитъ закованная въ ледъ, оттаивая на какихъ-нибудь четыре мѣсяца. Устьемъ для торговли и пристанью служить городъ Тюмень на рѣкѣ Турѣ, куда товары свозятся по рѣкамъ и съ сѣвера и съ юга. Самая многоводная часть Оби, ея низовья пропадаютъ даромъ; это быль бы хороший водный путь, если бы оказалось возможнымъ сообщаться по Сѣверному Ледовитому океану съ Россіей; доступъ къ ней моремъ до сихъ поръ почти недоступенъ. Нѣтъ точныхъ картъ, нѣтъ спасательныхъ станцій, нѣтъ складовъ топлива, провизіи и теплой одежды, словомъ, нѣтъ тѣхъ необходимыхъ приготовлений, безъ которыхъ мореплаватели не могутъ безъ большого риска отправиться въ путь по бурному, часто покрытому туманами морю. Впрочемъ въ разное время дѣлались попытки установить правильное сообщеніе между устьями сибирскихъ рѣкъ и Архангельскомъ. Очень много обѣ этомъ хлопоталъ покойный адмиралъ Макаровъ, который думалъ, что, при помощи двухъ хорошихъ ледоколовъ, можно поддерживать правильное лѣтнее движение съ устьями Оби и Енисея. Въ послѣдніе годы, послѣ войны съ Японіей, вновь заинтересовались „Сѣвернымъ“ путемъ и изучениемъ Карского моря, измѣнчивое и плохо изу-

ченное состояніе льдовъ котораго болѣе всего затрудняетъ торговое мореходство.

Многочисленныя рѣчки, притоки трехъ большихъ рѣкъ Сибири, между собою сближаются такъ близко, что по Сибири съ запада на востокъ возможно пройти на лодкахъ, перетаскивая ихъ чрезъ небольшіе „волоки“. Весною же въ разливы безъ пересадки удобно плыть даже чрезъ лѣса. Вся

Горная Алтайская рѣчка.

длина Оби достигаетъ 4.200 верстъ. Она находится въ числѣ самыхъ большихъ рѣкъ міра, а Западная Сибирь—одно изъ самыхъ богатыхъ водою мѣстъ на всемъ земномъ шарѣ. Наша Волга далеко не можетъ сравняться съ Обью!

Для Западной Сибири, конечно, большое неудобство, что рѣки, такие удобные дороги, текутъ съ юга на сѣверъ, а не съ запада на вост-

токъ. Другіе пути сообщенія мало удобны. Въ южной части равнины возможны желѣзныя и грунтовыя дороги, но въ лѣсахъ и болотахъ лѣтомъ другихъ путей, кроме рѣкъ и кое-гдѣ тропинокъ для верховыхъ лошадей, не существуетъ. При этомъ тропинки въ самомъ скверномъ состояніи, иѣздить по нимъ, да еще въ деревянныхъ сѣдахъ, невыносимое мученіе. Только зимой крестьянеѣздятъ на саняхъ, когда болота и рѣки замерзнутъ и покроются снѣгомъ; на лѣто перебираются въ лодки, на которыхъ и путешесвтуютъ, а лошадей иногда даже дома не держать, пускай ихъ пастись до осени на полной свободѣ.

По берегамъ сибирскихъ рѣкъ находять остатки огромнаго вымершаго животнаго—мамонта. Видомъ своимъ мамонтъ походилъ на слона, но быть еще больши и еще массивнѣе. Его клыки, которыми онъ ломалъ молодыя ели и сосны, чтобы добыть себѣ пищи и молодые побѣги, въ длину доходили до сажени. Мамонтъ быть покрытъ мягкой, пушистой шерстью; съ головы свѣшивались голыя уши, а на концѣ такого же голаго хвоста росъ пучокъ длинныхъ волосъ; по спинѣ и затылку шла большая, жесткая грива. Въ разныхъ мѣстахъ Сибири находять еще много остатковъ и другихъ вымершихъ животныхъ. Когда-то водились въ Сибири полярные быки, волосатые носороги; еще недавно на дальнемъ востокѣ Сибири попадалась морская корова. Это было большое животное, похожее на тюленя; длина морской коровы доходила до 4 сажень. Туша ея давала количество мяса, достаточное для прокормленія 50 человѣкъ въ теченіе 2 недѣль. Морская корова была довѣрчива и неосторожна.

Пользуясь этими ея свойствами, промышленники скоро совершенно уничтожили морскую корову.

Всѣ вымершія теперь животные погибали или отъ нерѣмѣнія климата или благодаря человѣку.

Въ предѣлахъ сибирской низменности и лежитъ Западная Сибирь. Состоитъ она изъ Тобольской и Томской губ. Они не сплошь заняты низменностью; на западѣ ея кусокъ принадлежитъ къ Пермской и Оренбургской губерніи, на востокѣ—къ Енисейской. Часть Томской губерніи сама выходитъ изъ границъ низменности и занимаетъ Алтайскій горный округъ.

Тобольская и Томская губерніи представляютъ изъ себя огромное пространство въ 2.200.000 квадрат. верстъ, т.-е. почти въ половину всей Европейской Россіи и въ 4 раза больше Германіи. Несмотря на больши размѣры, жителей въ Западной Сибири около 3.500.000. На каждую квадратную версту, если все населеніе разложить по-ровну, приходится всего по $1\frac{1}{2}$ человѣка. Количество пародонаселенія Западной Сибири все возрастаетъ, но сильно увеличиться оно не можетъ, потому что тамъ есть мѣста, совершенно непригодныя для человѣческаго существованія; главнымъ образомъ, заселены южныя части.

Тобольская и Томская губ., растянувшись широко съ сѣвера на югъ, лежать въ различномъ климатѣ, а значитъ, въ разныхъ полосахъ растеній и животныхъ.

По сибирской равнинѣ то раскинулись степи, безлѣсныя и сухія, то рощи вперемежку со степью, покрытой богатой растительностью, то густые, непроходимые лѣса—“тайга”, или болотистыя чащи—“урманы”, то, наконецъ, пустынныя промерзлые болота сѣвера—“тундра”. За-

наднюю Сибирь по ея климату, растеніямъ, животнымъ и населенію удобно раздѣлить на три части.

Южная часть, или полоса земледѣльческая, проходитъ чрезъ стени западно-сибирской низменности; съ ѿвера земледѣльческая область примыкаетъ къ лѣсамъ и даже частью ихъ захватываетъ. Это самая богатыя и самая населенія мѣста Западной Сибири.

Средняя—лѣсная полоса. Она вся заполнена лѣсами и болотами. Въ этой сырой области земледѣлемъ заниматься очень тяжело. Люди живутъ, главнымъ образомъ, охотой и рыбной ловлей.

Самая холодная и безлюдная часть—это ѿверная тундра. Здѣсь человѣку существовать крайне тяжело; въ суровомъ климатѣ хлѣбопашество невозможно; только инородцы чувствуютъ себя тамъ какъ дома и на голыхъ болотахъ тундры пасутъ своихъ оленей, да по рѣчнымъ безлѣснымъ берегамъ стоять рѣдкіе поселки рыболововъ.

Эти три полосы, постепенно, конечно, а не сразу, переходятъ одна въ другую.

Западная Сибирь отличается суровыми зимами. Путешественники съ восторгомъ описываютъ сибирскую зиму; сугробы серебристаго снѣга ярко блѣютъ днемъ подъ прозрачнымъ голубымъ небомъ, ночью небесный покровъ сверкаетъ поразительно блестящими звѣздами; воздухъ такъ тихъ и неподвиженъ, что не чувствуется всей силы мороза. Чѣмъ дальше къ ѿверу, тѣмъ суровѣ становятся холода. Зимою ужасны сибирские бураны. Среди равнинъ яростно бушуетъ выюга; ураганомъ крутится воздухъ, захватывая снѣгъ, куски мелкаго льда, песокъ, древесные

сучья. Въ такие бураны люди, не найдя себѣ мѣстечка, чтобы укрыться, гибнутъ.

Вообще большія площасти земли сильно охлаждаются зимою. Суровость зимъ сибирской равнины увеличивается, кромѣ того, тѣмъ, что она совершенно открыта къ Ледовитому океану. Его холодное дыханіе, въ видѣ пропизительныхъ вѣтровъ, доходитъ къ самымъ южнымъ частямъ Западной Сибири. Тёплые же западные вѣтры задерживаетъ Уральскій хребетъ.

Ближе къ Россіи и вмѣсть съ тѣмъ ѿвериѣ лежитъ Тобольская губернія, а дальше на востокъ и югъ—Томская. Среди населенія больше всего русскихъ, а потомъ уже инородцевъ, прежнихъ хозяевъ всей страны, которымъ принадлежали и степи, и лѣса, и рѣки, и тундры. Инородческое населеніе состоитъ изъ татаръ, остыаковъ, самоѣдовъ, vogulovъ и пришлыхъ изъ Россіи—зырянъ. Много приѣхало изъ Россіи въ эти края всякаго народа, разныхъ національностей и религій. Инородцамъ отъ нихъ приходится тяжело — особенно отъ русскихъ. Подъ напоромъ пришельцевъ, не выдерживая соперниковъ больше сильныхъ и хитрыхъ инородцы уходятъ все дальше на востокъ и ѿверь, покидая свои старыя угодья.

ЗЕМЛЕДЪЛЬЧЕСКАЯ ПОЛОСА.

1) Поверхность, климатъ, растенія и животныя.

Великій сибирскій желѣзодорожный путь проходитъ чрезъ южную часть Западной Сибири, чрезъ ся земледѣльческую полосу. Земледѣльческая полоса включаетъ въ свои предѣлы южный кусокъ Тобольской губерніи¹⁾ и среднюю часть Томской²⁾. Граница земледѣльческой полосы лежитъ по $58\frac{1}{2}^{\circ}$ сѣверной широты; но чѣмъ дальше къ востоку, тѣмъ ниже, южнѣе она опускается и доходитъ до 57° сѣверной широты. Эта часть Западной Сибири представляетъ изъ себя широкія степи³⁾, гдѣ повсюду зеленѣвѣтъ трава. Равнина до того плоская, а земля до того мягкая, что мѣстные жители могутъ прожить всю свою жизнь и не увидѣть не только скаль, но даже и камней.

¹⁾ Округа: Курганскій, Тюкалинскій, Ишимскій, Ялуторовскій, Тюменскій и южная части Турийского, Тобольского, Тарского.

²⁾ Округа: Канискій, Маріинскій и южная часть Томскаго.

³⁾ Степями называютъ безлѣсныя, сухія пространства, покрытые травянистою растительностью. Степиъ свойственны особая почва (черноземъ), природа, и даже люди въ характерѣ получаютъ рядъ особенностей, отличающихъ ихъ отъ живущихъ въ другихъ полосахъ. Слово „степь“ чисто русское, переведено даже въ иностранные языки.

Сначала, послѣ Уральскихъ предгорій, лежить сухая, особенно въ своихъ южныхъ частяхъ, Ишимская степь; ся огромныя пространства выходятъ изъ границъ Западной Сибири и на югъ сливаются съ безводными киргизскими степями. Рѣчки и озерка Ишимской степи богаты водою только ранней весною; въ половинѣ июля они уже подсыхаютъ, а по обнаженному дну раски-

Ковыльная степь.

дывается яркій пологъ зелени и полевыхъ цвѣтовъ. Кругомъ по степи колышется трава и отливается на солнцѣ сѣдиною ковыля; въ ней пестрѣютъ чашечки яркихъ цвѣтовъ; берега большихъ рѣкъ оттѣняются особенно густымъ и темнозеленымъ ковромъ растеній. Межъ лугами по степи широкими четырехугольниками тянутся тучныя пашни. Въ зелени утонаетъ все: и села и города. Сибирскія степи иѣкоторыми своими

свойствами отличаются отъ пашихъ южно-русскихъ степей. Если взглянуть вдаль, то легко замѣтить на горизонтѣ темную полоску, — это маленькия рощицы березы или, какъ ихъ тутъ называютъ, „колки“, разсыпались всюду по небольшимъ низинамъ сибирской равнины; они далеко, но ихъ много, и кажется человѣческому глазу, что тамъ, гдѣ сливается между собою небо съ землею — поросли лѣса; но пойдешь дальше, встрѣтишь прѣсколько живецкихъ березовыхъ рощицъ съ кудрявой, свѣтлой шапкой зелени и бѣлыми, тонкими, не толще оглобли, стволами, — а лѣса все шѣть, все онъ гдѣ-то впереди... Рощицы такія прѣжнія и свѣжія, что сами походятъ на высокую траву. Существование въ этомъ царствѣ травъ березовыхъ рощъ объясняютъ слѣдующимъ образомъ: въ почвахъ находятся много веществъ — известковыхъ и хлористыхъ солей, которая вредны деревьямъ. Лѣса разрастаются лишь тамъ, гдѣ соли обильною водою вымыты изъ верхняго слоя земли, т.-е. изъ самой почвы и верхнихъ слоевъ подпочвы. Но степной климатъ, сравнительно сухой, съ короткимъ промежуткомъ дождей, совсѣмъ не помогаетъ промыванию почвы. Лишь на низинахъ вода скопляется въ большомъ количествѣ, выщелачивание почвы идетъ гораздо энергичнѣе, и она освобождается отъ солей. На такихъ мѣстахъ поселяются „колки“. За эти рощи сибирскія степи называются „лѣсостепью“. Кромѣ березы, въ колкахъ попадаются осина и ива, и очень рѣдко липа.

Чѣмъ южнѣе Ишимская степь и меньше воды, тѣмъ рощи рѣже. Приходится рыть колодцы и съ сївера привозить лѣсъ. Есть и другая особенность у этихъ степей: онъ не гладкія, а вол-

нистые, покрытыя продолговатыми и покатыми холмами, которые называются „гривами“ и „островами“. Весной они действительно походить на острова, возвышаясь среди сплошныхъ озеръ воды, собравшейся между ними, въ „межгривахъ“, отъ талаго снѣга и разливовъ. Почти, всѣ холмы тянутся съ сїверо-востока на юго-западъ; они вообще не высоки — отъ двухъ до четырехъ саженъ; ширина ихъ бываетъ отъ 200 саженъ до двухъ верстъ. На „гривахъ“ лежитъ лучшая земля.

Чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ замѣтнѣе мѣняется степь, изъ Ишимской переходя въ Барабинскую, которая залегла отъ Иртыша на 600 верстъ до Оби и на 400 верстъ въ ширину до Алтая.

Озера попадаются чаще; среди нихъ много съ солено-горькой водой и съ берегами, покрытыми бѣлымъ налетомъ соли. Озера не глубокія, плоскія, похожія на блюдца. Они сильно заросли камышомъ; чистая поверхность воды иногда остается только на серединѣ, — сибиряки ее называютъ „стекломъ“; эти соленые озера — тоже одна изъ особенностей западно-сибирскихъ степей. Вода въ барабинскихъ озерахъ отъ гниющаго камыша коричневаго цвета. Самое большое озеро Чаны въ 2.870 кв. верстъ; мѣстные жители величаютъ его моремъ; но это жалкое море съ желтобутильною водою; оно усыхаетъ на глазахъ сибиряковъ. На островахъ озера Чаны стоять деревни, откуда крестьяне перѣезжаютъ на берегъ въ тельгахъ, въ бродъ, прямо по водѣ; чтобы выкупаться, приходится заходить чуть не на версту; самое глубокое мѣсто саженей 5—6. Вода въ озерѣ мѣстами соленая, а мѣстами

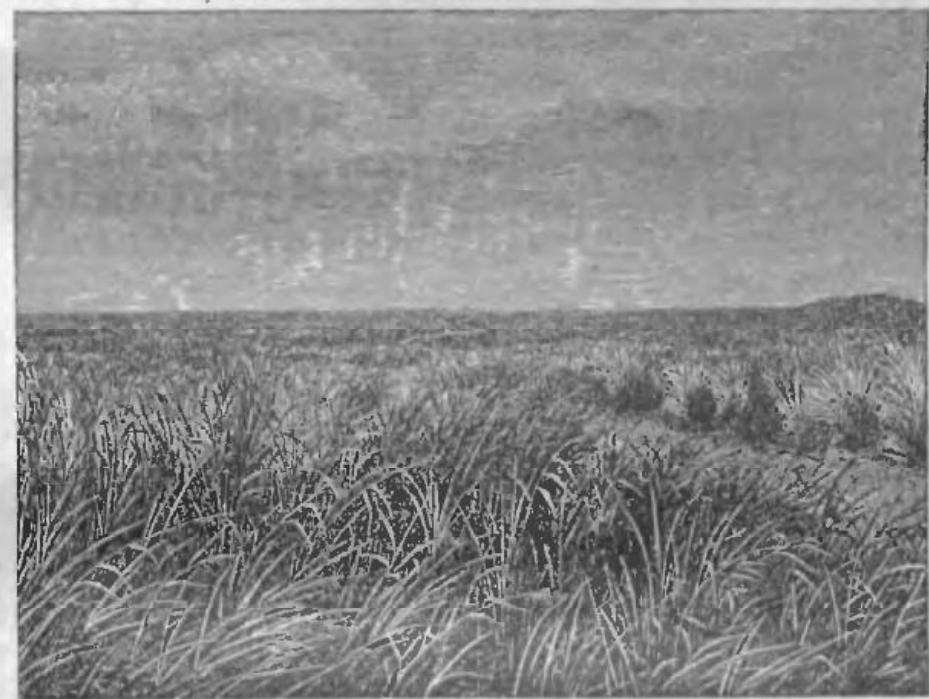
пресная; берега его страшно извилисты и пустыны, такъ что въ лодкѣ на немъ можно заблудиться.

Почва Барабинской степи влажная; крестьянамъ нужно рыть не колодцы уже, а канавы для стока воды и осушать землю. Несмотря на изобиліе влаги, населенію иногда ся не хватаетъ; вода случается то соленая, то горькая, то гнилая; какъ глубоко ни роютъ землю до свѣжей воды иногда добраться не могутъ. Березовая рощи становятся очень часты, и такъ густо зарастаютъ въ Барабинской степи, что ее называютъ „березовой степью“. Къ востоку, гдѣ ровище земля, гривы рѣдѣютъ и жмутся къ рѣчнымъ берегамъ. На гривахъ сухо, а въ равнинахъ или притаился солонецъ, то голый, то покроеній своеобразной растительностью съ сочными солеями на вкусъ стеблями и листьями, или стоять болотца съ озерами, или среди ковыльныхъ луговъ темнѣютъ все тѣ же березовые рощи. Солонцы, залегая на пизинахъ, на мѣстахъ заболоченныхъ озеръ образуютъ „займища“, густо заросшія тростникомъ.

Климатъ земледѣльческой полосы немного отличается отъ климата соседнихъ мѣстъ Европейской Россіи. Сибирскія степи являются почти продолженіемъ поверхности Европейской Россіи, отдѣленнымъ отъ нея низкими цѣнами Урала. Средня лѣтняя температура степей бываетъ $17,5^{\circ}$, съ самымъ жаркимъ мѣсяцемъ $+19,5^{\circ}$. Для Европейской Россіи соответственно будетъ на $\frac{1}{2}^{\circ}$ ниже. Полное тождество температуръ земледѣльческой полосы Сибири и соседнихъ россійскихъ частей оказывается въ 5-мѣсячный растительный (вегетаціонный) періодъ съ 18 апраля по 18 сен-

тября, которыя и тамъ и тутъ составляютъ $+15^{\circ}$. Этой близостью лѣтней температуры и объясняется сходство травяной растительности и хлѣбъ-бовъ сибирскихъ степей съ европейско-русскими.

Разница въ климатѣ зимою гораздо ощущительнѣе. Средня температура за это время года въ земледѣльческой полосѣ Западной Сибири дохо-

Барабинская степь.

дить до -17° , почти на цѣлыхъ 6 градусовъ холодаѣе, чѣмъ въ Россіи. Зимнія стужи (онѣ иногда достигаютъ -40°), не отзываюсь на хлѣбахъ и травахъ, вредно вліяютъ на деревья.

Лѣтомъ дождей выпадаетъ почти одинаковое количество съ тѣмъ, что и въ ближайшихъ мѣстахъ Россіи, но зимой снѣга бываетъ меньше на цѣлую третью съ лишнимъ.

Чемъ дальше двигаться къ востоку, тѣмъ больше разница въ климатѣ земледѣльческой полосы Западной Сибири и соседнихъ областей Европейской Россіи. Вмѣстѣ съ этимъ въ растеніяхъ появляется все больше и больше новыхъ видовъ.

Уже съ первого взгляда на степь замѣтно богатство ея растительнаго царства. Изъ густой зелени травы ярко выглядываютъ цѣлые кусты тюльпановъ, которые народъ здѣсь прозвалъ „огоньками“; красиво пестрѣютъ нарцисы, пионы съ крупными чашечками, а осенью много прекрасныхъ лилій; рѣчные берега поросли высокою, темною осокой, отливающей при заходѣ солнца коричневымъ цветомъ. На станицахъ желѣзной дороги ребятишки изъ соседнихъ поселковъ за грани прощупаютъ большие букеты прекрасныхъ цветовъ.

Въ западно-сибирскихъ степяхъ рядомъ съ травами, годными для корма животнымъ, въ большомъ количествѣ попадаются растенія вредныя, скотомъ не съѣдаемыя. Растеть, напримѣръ, огромная крапива, превышающая человѣческій ростъ, покрывающая собою иногда лошадь и веадника. Изъ волоконъ жгучей крапивы инородцы выдѣлываютъ нитку и пряжу для сѣтей и грубаго холста.

Характерными растеніями для степной полосы являются солянки, артемизіи (полыньковыя) и астрагалы. Они отличаются способностью переносить сравнительно долгіе промежутки времени безъ дождей, и отыскивать себѣ влагу глубоко въ почвѣ съ помощью длинныхъ, тонкихъ, далеко внизъ проникающихъ корней.

Среди лѣсовъ и цветовъ Западной Сибири преобладаетъ гранатникъ или грановикъ. Въ

разгарѣ лѣта грановикъ, точно сиѣгомъ, покрываетъ степь миллионами своихъ бѣлыхъ чашечекъ; цветокъ гранатника походитъ на раскрытый зонтикъ. Это растеніе служитъ для сибиряковъ признакомъ плодородія и предвестникомъ урожая, такъ какъ хорошо развивается во влажные, урожайные годы. Вмѣстѣ съ гранатникомъ повсюду попадаются мелкіе светло-полевые цветочки, свойственные только степямъ Западной Сибири. Затѣмъ растутъ желтый зонтичный морковникъ, стройный, ярко-голубой дельфиній, собачья ртуть съ блѣдо-розовыми чашечками; отливающей сѣдиною ковыль; въ южныхъ частяхъ степи, гдѣ попадаютъ „колки“, ковыли преобладаютъ надъ всѣми остальными травами; спутниками ковыля остаются кипецъ и степной овѣсть. Изъ кормовыхъ и полезныхъ травъ всегда можно встрѣтить: клубнику, землянику, чернику, бруснику, клюкву, костянку (которая въ Европѣ растетъ исключительно въ сосновыхъ лѣсахъ), дикий ленъ, подмореникъ, дикий лукъ и черемша—прекрасное средство отъ цыги, боданъ—употребляемый вмѣсто чая (чагирскій чай), карандысь, сернуха, кавря, ромашка, ревені, дикая мята.

На твердыхъ грунтахъ растутъ полынь, рожиникъ, гій, камышъ. Особенностью степей Западной Сибири можно считать присутствіе тростника; онъ хотя и немногочислененъ и пріуроченъ къ солонцамъ или почвамъ съ близкими грунтовыми водами, но для русскихъ степей онъ обычень линь на болотахъ и въ водѣ. Въ засушливые годы тростникъ идетъ въ Сибирь на сѣно.

На солонцахъ, кроме тростника, уживаются подорожники, полыни, сомянка, идущая на кормъ только верблюдамъ.

На почвахъ переходныхъ отъ чернозема къ солонцамъ „подсолонкамъ“, т.-е. подсолонцы, въ подпочвѣ обильно порастаетъ солодка. Съ помощью своихъ длинныхъ корней она проникаетъ въ подпочву и тамъ добываетъ нужные ей соли, которыхъ неѣть въ достаточно черноземномъ слоѣ почвы „подсолонокъ“. Поэтому рядомъ съ солодкой могутъ расти и другія травы, свойственные чернозему. Солодка цвѣтеть бѣлыми и лиловыми цвѣтами, собранными въ кисти; изъ корней ся получается лакрица.

Растительный покровъ этихъ двухъ почвъ бросается сразу въ глаза: солонцы съ характерными солончаковыми травами, съ сѣрой, безжизненной окраской, и „подсолонки“ съ яркою зеленою, гдѣ рядомъ съ солодкой разстилаются степная черноземная растенія, особенно ко-
выль.

Среди степныхъ травъ то тамъ, то тутъ выдѣляются кустарники: ракитникъ, бобовникъ, таволожникъ, жимолость, карагана, шиповникъ, ежевика, смородина, хмель, акація, дикая вишня. Степная вишня низкоросла, 1—2 аршина высоты; хотя она и похожа на обыкновенную вишню, но съ болѣе мелкими листьями, цвѣтами и плодами, очень кислыми на вкусъ.

Для того, чтобы иметь болѣе свѣжую траву, и желая вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить вредныхъ для земледѣлія насѣкомыхъ, сибирскіе крестьяне часто поджигаютъ степи. Эти пожары ужасны; отъ нихъ гибнутъ хлѣба, горятъ деревни. Огонь бѣжитъ по вѣтру днями, недѣлями, мѣсяцами, переходя изъ степной полосы въ лѣсную, до самаго сѣвера. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ пожара, среди бѣлаго дыма становится

такъ темно, что на десять саженъ невозможно различать предметы, а солнце мутнѣеть и кажется краснымъ кругомъ безъ лучей и свѣта. Вмѣстѣ съ травой гораютъ и березовая роща. По сѣверной части Барабинской степи рощи защищены отъ огня большимъ количествомъ почвенной влаги, остающейся въ видѣ болотъ и озеръ съ весеннихъ разливовъ и лишенней стока.

Степные колки проидаются не только отъ пожаровъ. Безжалостно вырубали люди деревья; съ тѣхъ поръ, какъ прошелъ рельсовый путь, порубка рощъ увеличилась; желѣзная дорога оказалась прожорливой.

Сѣверная желѣзная дорога изъ Россіи проиникаетъ въ лѣсистую земледѣльческую часть Западной Сибири. Около Урала она непривѣтливо встрѣчаетъ своими лѣсами, которые кажутся еще темнѣе посль сѣвѣжихъ панорамъ Волги и даже Камы. Но эти хмурыя картины недолго подавляютъ своею угрюмостью и скучой. Чѣмъ глубже проникать въ Западную Сибирь, тѣмъ привѣтливѣ становится окружающая природа. Корявую ель смѣняютъ красивыя сосновыя и березовые рощи, раскиданыя не то среди степей, не то луговъ. Кругомъ все оживаетъ разнообразiemъ и свѣтомъ. Къ рощамъ березы примѣшиваются новые сѣверные породы; они стучаются, переходятъ въ настоящіе лѣса. Такія мѣста лежать около Тюмени, гдѣ кончается желѣзная дорога; но уже и тамъ, въ пограицкыхъ съ лѣсной полосой краяхъ, деревья рѣдѣютъ, главныемъ образомъ, кругомъ городовъ и большихъ сель; въ Тюмень лѣсъ уже сильвияютъ съ сѣвера по рѣкѣ Турѣ, оттуда, гдѣ царитъ настоящая глуши.

Въ перельскихъ земледѣльческой полосы сначала встречаются древесные породы, знакомыя намъ въ Россіи, но, чѣмъ глубже забираться на востокъ, тѣмъ все большие и большие они пропадаютъ. Дубъ, орѣшникъ, яблоня и другія деревья замѣняются липой, осиной, ольхой, серебристымъ тополемъ, рябиной, ивой, вязомъ, бояркомъ, черемухой и хвойными сибирскими породами,—не пропадаетъ только береза.

Преобладаютъ лиственные деревья. Лѣсъ съ сѣвера языками проникаетъ въ степную полосу по течению рекъ. По Тоболу сосны встречаются у Кургана, по Ишиму—у Петропавловска, по Иртышу иѣсколько не доходятъ до Омска и, наконецъ, разселяются по Оби и ея притокамъ. Это движение деревьевъ объясняется тѣми же причинами, какъ и существование „колоколь“; прирѣчные берега лучше промываются отъ почвенныхъ солей, благодаря своимъ весеннимъ разливамъ, выходу ключей и крутому уклону.

Но если въ сухихъ областяхъ степной полосы лѣсъ ищетъ рѣчной влаги, то во влажной сѣверной части Барабы рощи спасаются отъ сырости и болотъ на холмахъ и прибрежныхъ „увалахъ“; деревья постоянно тянутся кверху; загнивая отъ сырости, они гибнутъ, уступая мѣсто кустарникамъ и болотистому мху.

На югѣ вредить засуха, къ сѣверу—сырость. Въ водѣ личинки насѣкомыхъ развиваются быстро, поэтому отъ сырости повсюду разводится немногимъ количествомъ оводовъ, слѣпней, комаровъ и всевозможныхъ монстровъ, такихъ мелкихъ, что не всякой сѣткой закроешь отъ нихъ свое лицо, и такихъ назойливыхъ, что никакъ не отбѣшься; не только людей, но и скотъ онѣ

буквально заѣдаются; несчастныя животныя лѣзутъ въ воду, откуда не смѣютъ показаться, находя въ рекѣ единственное спасеніе. Помогаютъ немногія костры изъ сухого навоза; подъ защитой ихъ дыма скоту кое-какъ возможно пастись, а людямъ—существовать. Мошка, которую сибиряки называютъ „гнусомъ“, часто прогоняется новыми переселенцами, испуганными такимъ страшнымъ и многочисленнымъ врагомъ, какъ „гнусъ“. Съ осушеніемъ земли и вырубкой лѣса рѣдѣеть и „гнусъ“. Самы сибиряки къ „гнусу“ отчасти привыкли; посматривая на постоянную борьбу, которую съ мошкой ведетъ переселенецъ, сибирякъ посмѣвается и даже недоволенъ его уничтоженіемъ! Одно изъ средствъ, къ которому прибегаютъ, чтобы хоть немногія уменьшить „гнусъ“,—это поджогъ травы; съ нею вмѣстѣ гибнутъ и личинки всякихъ мошекъ, оводовъ и комаровъ. Тучами летаетъ саранча съ кобылкой, пчели и пчелы. Водятся гадюки, ужи, ящерицы и лягушки.

Животныя земледѣльческой области Западной Сибири немногимъ отличаются отъ панихъ. Было время, когда птицъ, рыбъ и звѣрей было больше и водились тамъ чисто сибирскія породы; но обращались съ ними сибиряки такъ неосторожно и хищнически, такъ усердно били, ловили и стрѣляли, что теперь кусты и рощи удивительно молчаливы и степи пустыни. Даже мелкой птички не слышно. За десятки верстъ отъ селений не встрѣтишь куропатки; зато вредныхъ крысъ, мышей, сусликовъ, воронъ да галокъ сколько угодно,—немногимъ меньше, чѣмъ „гнуса“. Только тамъ, где гуще рощи, еще водятся птицы, но не пѣвчія. Старожилы вспоминаютъ, что

когда-то въ рѣкахъ и прѣсныхъ озерахъ рыба водилась въ такомъ изобилии, что ее „бабы лукошками ловили“; теперь во многихъ озерахъ она совершенно перевелась, а около человѣческихъ селеній въ рѣкахъ такъ порѣдѣла, что за порядочнымъ уловомъ приходитсяѣздить винзъ по течению иногда очень далеко отъ жилья. Кругомъ сель и деревень постепенно оскудѣваетъ природа: лѣсъ отодвинулся на сѣверъ; туда же и на востокъ переселяются звѣри и птицы; рыба ушла на рѣчные низовья.

2) Почва, переселеніе, сельское хозяйство.

Главное занятіе, которымъ живетъ населеніе земледѣльческой полосы,—это земледѣліе; имъ занято 75% жителей въ рабочемъ возрастѣ. Огромная равнина, пересеченная небольшими рощами, очень удобна для земледѣлія. Хотя пространства западно-сибирской низменности не сплошь пригодны для крестьянского хозяйства, и если выбрать плодородную, сухую почву¹⁾ на „гравахъ“ и другихъ мѣстахъ, то получится не больше $\frac{1}{2}$ части степной полосы, но все таки въ распоряженіи человѣка въ земледѣльческой области остается много пригодныхъ для обработки земель. По всему пути Великой Сибирской желѣзной дороги, съ двухъ сторонъ ея раскинулись черноземные пространства; на нихъ главнымъ образомъ и осѣло сибирское населеніе.

Черноземъ представляеть изъ себя темную, мягкую почву, образованную изъ богатыхъ

1) Почвой называется поверхностный слой земной коры материальной породы, измененный совокупной деятельностью климата, воздуха, животныхъ и растений.

питательными для растительной жизни веществами породъ земной коры, смѣшанную съ перегноемъ травянистыхъ степныхъ растеній. Главнымъ цѣннымъ веществомъ чернозема, которому послѣдний обязанъ своимъ плодородіемъ, является перегной, или „гумусъ“. Количество этого перегноя въ черноземной почвѣ бываетъ очень различно—въ среднемъ 6—10%. Также различна и глубина черноземного слоя, его „мощность“—4, 6, 8 и болѣе 10 ф. Черноземъ въ засуху легко распыляется вѣтромъ. Въ степяхъ онъ еще сдерживается травою, но посѣть распашки черноземная почва сухимъ вѣтромъ захватывается и уносится иногда въ видѣ темныхъ тучъ далеко въ сторону.

Черноземы Западной Сибири плодородны, но сравниться съ русскими они не могутъ. Хорошие урожаи, получающіеся на сибирскомъ черноземѣ, зависятъ, главнымъ образомъ, отъ двухъ причинъ: 1) продолжительности лѣтняго тепла и 2) отъ неистощимости почвы, которую человѣкъ еще не успѣлъ всахать до конца.

Въ западно-сибирскихъ степяхъ встречаются всевозможные черноземы: и чистые, и суглинистые, и супесчаные. Супесчаный—особенно рыхлый и легко выдувающійся вѣтрами; отъ него въ Сибири уже кое-гдѣ начинаютъ образовываться овраги, которыхъ такъ много въ Россіи и которые такъ мышаютъ хлѣбопашеству. Попадаются мѣста хотя и не лишенные чернозема, но совершенно негодные; сверху такихъ земли покрыты сѣткой мелкихъ трещинъ и щелей, доходящихъ до двухъ вершинъ шириной. Сибиряки такую почву прозвали „ицельникомъ“.

На солончаковыхъ земляхъ, когда соль промоется какъ слѣдуетъ дождями и весенними во-

дами, вырастает трава; она не такъ высока, какъ черноземная, отливаетъ красновато-сѣрымъ оттѣнкомъ и годится, особенно молодая, на кормъ скоту. Иногда крестьяне послѣ усердной обработки добиваются съ такихъ земель порядочныхъ урожаевъ. Солонцеватый же черноземъ по растительности и виѣшнимъ признакамъ трудно отличить отъ обыкновеннаго. Его главное свойство въ томъ, что онъ слабый, скоро истощается, и сибиряки говорятъ, что онъ „не терпитъ подолгу“.

Не мало мѣстъ и совсѣмъ безплодныхъ, покрытыхъ „злыми“ солонцами. Они бываютъ мокрые, и въ видѣ линкой грязи залегаютъ по дну сырьихъ котловинъ и по берегамъ степныхъ горькихъ озеръ; бываютъ сухие, твердые, чернаго цвѣта съ бѣлымъ налетомъ соли, оставшейся послѣ высохшихъ озеръ. Если на этой неблагодарной почвѣ вырастаетъ трава, то такая соленая и вредная, что на кормъ скоту совсѣмъ не годится. Солонцы, перемѣнившись съ черноземной почвой, сильно портятъ сибирские луга.

Лучшія земли лежать на „гравахъ“ и „островахъ“, повсюду разбросанныхъ по Ишимской и Барабинской степямъ. На высокихъ, широкихъ и пологихъ холмахъ расположена самый отборный черноземъ; на узкихъ и крутыхъ—уже суглинистый. На склонахъ гравъ, которые сибиряки называютъ „подгравками“, лежитъ „подсолонокъ“—солончаковый черноземъ, пригодный для хлѣбныхъ растений. Въ промежуткахъ между гравами почва плохая для земледѣлья; тамъ ковыльная степь, колки, болота и солонцы; среди нихъ иногда въ Ишимской степи попадаются мѣста, на которыхъ возможно земледѣлье—это подсолонокъ. Ишим-

ская степь—самый богатый край земледѣльческой полосы. Ея огромныя гравы тянутся иногда на пѣсколько верстъ, занимая пѣсколько десятинъ, съ отлогими скатами, удобными для стока воды. Крестьяне замѣтили, что на гребняхъ острововъ съ лучшимъ черноземомъ растетъ дикая вишня, и потому гдѣ только окажутся кусты дикой вишни, тамъ смѣло дозѣряютъ землѣ свой посѣвъ. На гравахъ Барабинской степи вишня совсѣмъ пропадаетъ, да и сами гравы становятся рѣже, мельче, круче, и земля на нихъ слабѣе. Сибирскимъ нашимъ большую услугу оказываютъ рощи, предохраняя хлѣба отъ рѣзкихъ, холодныхъ вѣтровъ.

Среди земель южной полосы Западной Сибири теперь совсѣмъ уже не осталось нови. Не только переселенцамъ, но и сибирякамъ мѣста начинаетъ не хватать, особенно въ западныхъ частяхъ, гдѣ утѣсненіе заставляетъ покидать свои надѣлы и уходить на сѣверъ или востокъ въ поискахъ за новыми свободными землями; но ихъ повсюду въ Западной Сибири становится все меныше и меныше, а въ земледѣльческой полосѣ иѣть совершенно.

Вся сибирская земля—казенная, принадлежитъ государству. Самая небольшая часть составляетъ собственность помѣщиковъ. Южный кусокъ Томской губерніи, такъ называемый Алтайскій горный округъ, принадлежитъ Государю; завѣдуется Алтайскими землями Кабинетъ Его Величества; эта часть—самые плодородные и богатые края Сибири, на нихъ никто никакихъ правъ имѣть не можетъ; Алтайскія земли называются „житницей Сибири“. На казенныхъ земляхъ Западной Сибири сидѣть крестьяне, работаютъ и уплачиваются по-дати-аренду. Въ послѣдніе годы правительство

призвало межевых инженеровъ для раздѣленія земли на участки и разъясненія, кому на какой землѣ слѣдуетъ работать. Во время межеванія оказалось, что отъ многихъ сельскихъ обществъ пришлось отобрать часть пахотной и другой земли, потому что они работали на ней, не имѣя отъ казны на то разрѣшения. Эти новые „отрѣзки“ давались прѣзжимъ переселенцамъ. Прежніе душевые надѣлы доходили до 17 десятины, а въ послѣдніе годы переселенцамъ наѣзывали не болѣе 14—15 десятины на душу; сюда входили, конечно, и неудобная земли. Вообще правильный расчетъ начался тогда, когда большинство земель оказалось разбранимыми.

Въ прежнія времена раздѣбывали себѣ земли по-иному. Приходящіе изъ Россіи выбирали себѣ мѣста лучшіе и начинали подыметь новь; они строились, обзаводились скотомъ и необходимымъ хозяйствомъ, рубили лѣсъ и рощи; такимъ образомъ появлялась земля. Земля принадлежала тому, кто на ней трудился, и до тѣхъ поръ, пока онъ трудился. Люди считали, что земля, тѣкъ же какъ вода и воздухъ, никому не принадлежитъ. Жили тогда люди вотъ по какому изречению: „селись, гдѣ хочешь, живи, гдѣ знаешь, паси, гдѣ лучше, паси, гдѣ любче, коси, гдѣ густо, лѣсуй, гдѣ пущио!“ О немъ до сихъ поръ помнятъ въ Западной Сибири. Но мало - по-малу земли становилось все меныше,—сначала въ пахотныхъ земляхъ, а потомъ въ пастбищахъ и лѣсахъ почувствовался недостатокъ. „Вольное“ пользованіе уступило мѣсто общенному. Теперь земля въ земледѣльческой полосѣ находится въ пользованіи поддеревеныхъ обществъ и въ рѣдкихъ случаяхъ волостныхъ общинъ.

Внутри постепенно устанавливаются наши русскіе, общіиціе порядки. Землю дѣлять между всѣми работниками общества, по не помошью жеребіевки, а по общему уговору, какъ говорять, „по торгу“. Смотрить на качество, количество земельнаго участка, далеко ли онъ лежитъ отъ села, города и желѣзной дороги. Въ земледѣльческой полосѣ „вольного“ землевладѣнія несть совершенію, мѣста осталось такъ мало, что въ иѣкоторыхъ случаяхъ на душу приходится 6—8 десятины, а это по сибирскимъ размѣрамъ и по сибирской почвѣ совсѣмъ не много. Общіиціе порядки переходятъ и къ ипородцамъ, конечно, къ тѣмъ, которые осѣли на землю и принялись за сельское хозяйство. Теперь Сибирь оживаетъ, и отъ крестьянъ для новыхъ проводящихся дорогъ часто отбираютъ землю изъ-подъ паненъ.

Новымъ переселенцамъ, новоселамъ, теперь уже совсѣмъ не осталось свободныхъ „отрѣзковъ“, отобранныхъ у сибирскихъ старожилъ, послѣ межеванія. Отрѣзки представляли изъ себя „мягкую“ землю, на которой человѣкъ уже успѣлъ потрудиться и подготовить ее для земледѣлья,—это была удобная почва. Вмѣсто отрѣзковъ прѣзжимъ крестьянамъ стали отводить залежь и залоги, и то, конечно, тамъ, гдѣ они еще оставались; съ залежью предстоитъ такой же трудъ, какъ съ подъемомъ цѣлины, которая съ болыни трудомъ поддается стараньямъ сибирского хлѣбопаница.

Несмотря на то, что запасъ свободной земли въ земледѣльческой полосѣ истощается, даже, за небольшими исключеніями, истощился, народъ изъ Россіи все идетъ и идетъ. Переселенцы сначала посылаютъ своего „ходока“ разыѣдать новыя мѣста, выбрать среди нихъ лучшіе. Ходокамъ,

а потомъ и переселенцамъ на желѣзной дорогѣ дѣлаютъ различные льготы: за проѣздъ берутъ въ три раза дешевле, по дорогѣ устраиваютъ пріюты съ хлѣбомъ, горячей пищей и больницами. У кого изъ переселенцевъ въ дорогѣ израсходуются средства, тѣмъ выдаютъ въ долгъ пособія, а очень бѣднымъ и совсѣмъ безвозвратно. Переселенцамъ помощь и льготы необходимы, потому что, уѣзжая изъ дому, они вообще достаткомъ не только не обладаютъ, а имѣютъ только самое необходимое—иначе чего было бы тащиться Богъ знаетъ куда, покидать родные края и отцовскія могилы. Свои небольшія сбереженія крестьяне въ дорогѣ окончательно теряютъ. Путь предстоитъ желающимъ переселяться очень трудный и длинный, Едутъ въ неудобныхъ грязныхъ товарныхъ вагонахъ, такъ называемыхъ четвертаго класса, набиваясь въ нихъ точно сельди, укладываясь на полу, простужаясь отъ большихъ раздвигающихся дверей. Всѣмъ переселенцамъ обыкновенно не хватаетъ мѣстъ, и они на промежуточныхъ станціяхъ цѣлымъ таборомъ ожидаютъ очереди. Жить въ это время приходится подъ открытымъ небомъ, въ палаткахъ, растрячивая постѣдніе гропи, болѣя и хороня своихъ дѣтей. Но теперь, съ проведенiemъ желѣзной дороги, условія путешествія еще улучшились; что дѣжалось въ то время, когда переселенцамъ приходилось плыть въ душныхъ, вонючихъ баржахъ по сибирскимъ рѣкамъ въ продолженіе 10—14 дней, застревая на пристаняхъ мѣсяцами,—этого передать невозможно. Крестьяне, имѣя малѣйшую возможность, покупали лошадь съ телѣгой и пускались въ путь по сибирскому тракту; этихъ переселенцевъ называли „самоходами“. Конечно, въ сравненіи съ преж-

ними бѣдами, теперешнее путешествіе кажется пре- восходнымъ.

Прибывая, наконецъ, на мѣсто своего назначе- нія, переселенцы или устраивались всей партіей сообща самостоятельно, или приписывались къ уже существующимъ старожильскимъ обществамъ, выплачивая за это иѣкоторую сумму. Вмѣстѣ съ земледѣльцами изъ Россіи очень часто выѣзжали

Новоселы въ Петропавловскѣ.

мастера и ремесленники, пытая со своими односельчанами счастья на чужой сторонѣ. Первые три года переселенцы освобождаются отъ налоговъ.

Но не всѣмъ уѣзжающимъ изъ Россіи оказы- валась помощь, ее получали только тѣ, которые были снабжены отъ своихъ властей разрѣшеніемъ на выселеніе изъ родной общины. Многимъ мало- земельнымъ крестьянамъ такихъ увольнительныхъ свидѣтельствъ раздобыть не удавалось: главнымъ образомъ, этому мѣшило правительство черезъ зем-

скихъ начальниковъ, боясь, что, если всѣ малоземельные крестьяне поразѣдутся изъ деревень въ Сибирь, то мало останется свободныхъ рукъ рабочихъ для обработки помѣщичьихъ полей, и на нихъ сильно подымется цѣна. Поэтому земскими начальниками и другимъ властямъ было приказано всѣми мѣрами задерживать переселеніе и отпускать только тѣхъ, которымъ чуть не грозила голодная смерть; переселяться такимъ особенно трудно, потому что на новыхъ мѣстахъ нужны хоть небольшія сбереженія, чтобы обзавестись всѣмъ необходимымъ. Часто крестьяне, не получая отъ начальства разрѣшенія, уходили тайкомъ, безъ всякой надежды на помоць въ дорогѣ или на новыхъ мѣстахъ, разсчитывая только на свои силы, а силы ихъ уже давно были подорваны постоянными недостатками. Самовольные переселенцы часто не находили мѣста, гдѣ бы сѣсть на землю, потому что имъ казна не отводила ни одного ариана. Мыкаются, мыкаются переселенцы - неудачники, теряютъ свое послѣднее добро, сами переболѣютъ, дѣти у нихъ перемрутъ, — и возвращаются обратно разоренными въ конецъ. Бываетъ, что и тѣмъ, кому посчастливилось получить разрѣшеніе и помоць, не удается устроиться на чужихъ мѣстахъ, возвращаются и они. Лучше другихъ уживаются тѣ изъ переселенцевъ, которые еще на родинѣ принадлежали къ разряду среднихъ по достатку крестьянъ, — они съ помоцью накопленныхъ запасовъ выдерживаютъ первыя неудачи въ борьбѣ съ неизвѣданный, частью суровой природой и постепенно обзаводятся хозяйствомъ.)

Въ 1903 году больше третьей части (36,2%) всѣхъ переселенцевъ, перѣхавшихъ черезъ Че-

лябинскъ, вернулось обратно! Послѣ того, какъ прошла желѣзная дорога, облегчившая проѣздъ и правительство свободнѣе стало выпускать крестьянъ изъ Россіи, — переселеніе быстро увеличилось. Въ 1900 году 200.000 человѣкъ перѣхало границу между Россіей и Азіей, по уже въ слѣдующемъ 40% изъ нихъ должны были вернуться, и съ тѣхъ порь переселенческий потокъ все мельчаетъ. Въ 1903 г. въ Сибирь прибыло только 77.000 человѣкъ. Это сокращеніе было

Новоселы въ степной мѣстности.

вызвано новыми запрещеніями и ограниченіями. Въ самое послѣднее время и правительство, и поддерживающіе его классы общества стали всячески способствовать переселенію крестьянъ изъ центральной и южной Россіи на окраины, надѣясь этимъ путемъ успокоить грозно вспыхнувшее недовольство крестьянъ. Изъ мѣстъ, наиболѣе страдающихъ отъ малоземелья, вновь хлынула переселенческий потокъ, и съ такой силой, что сибирскіе губернаторы очень скоро должны были просить правительство сократить число раз-

ѣшиеній: земель не хватаетъ. Впрочемъ, знающіе люди уже давно предупреждали правительство, что въ Сибири осталось мало пригодныхъ земель, и указывали, что, хотя, напр., въ Тобольскую губернію и идутъ переселенцы, но оттуда уже лѣтъ 15 идутъ свои крестьяне далѣе на востокъ.

Шли они, главнымъ образомъ, въ земледѣльческую область Тобольской и Томской губерній, но были такие, которые шли дальше на востокъ, на Амурь. Преобладали крестьяне изъ черноземныхъ и степныхъ губерній; свободные же участки въ земледѣльческой полосѣ остались въ самомъ небольшомъ количествѣ, и только на сѣверѣ, среди лѣсовъ; тамъ нашъ русскій южанинъ чувствовалъ себя совсѣмъ безнадѣйнымъ хотя среди переселенцевъ это вообще самый работающій и умѣлый народъ; русскіе же сѣверяне, т.-е. изъ центральныхъ и особенно заволжскихъ губерній, оказываются людьми слабыми, неустойчивыми и очень обезсиленными борьбой за существованіе еще на родинѣ; вообще на сѣверѣ очень трудно выѣхать на дорогу, и тѣ немногія земли, что тамъ еще остались, въ счетъ идти не могутъ. Такимъ образомъ хотя правительство и поощряетъ теперь крестьянское переселеніе и думаетъ оказывать ему еще большую помощь, то быть мѣстомъ, куда можно было бы переселить малоземельныхъ крестьянъ, Западная Сибирь не можетъ¹⁾.

¹⁾ Въ此刻ое время, какъ выше сказано, начиная съ января 1907 г., переселенческое движение начало снова расти. Провозило это подъ вѣнцемъ указа 19 сентября 1906 г. о продажѣ крестьянамъ «свободныхъ» земель въ Алтайскомъ горномъ округѣ и предоставлении для переселения «излишковъ въ земленодозованіи» мѣстного сибирского земледѣльческаго населения. Но общая сложность всѣхъ этихъ «свободныхъ» и «излишнихъ» земель такова, что ей хватить лишь на самый короткій промежутокъ времени. А затѣмъ снова хлынетъ на родину обратная волна переселен-

Собственно говоря, въ Сибири, конечно, еще очень много незаселенныхъ земель, но почти вся опѣ въ теперешнемъ видѣ непригодны для немедленной обработки. Въ однихъ мѣстахъ, степныхъ, надо приготовить колодцы, пруды, или, наоборотъ, отвести излишекъ воды; въ другихъ—лѣсныхъ—надо прорубить лѣса, осушить болота, проложить дороги, устроить сѣять для хлѣба и т. п. Очень часто все эти подготовительныя работы требуютъ громадныхъ затратъ и не могутъ быть выполнены полуразоренными или совершенно обнищавшими переселенцами—крестьянами. Это подъ силу только государству. Для того же, чтобы правильно вести подготовку земель для переселенія, надо изслѣдоватъ и изучить Сибирь,—а она еще очень и очень плохо изучена. Въ此刻ое время правительство предприняло и изслѣдованіе свободныхъ земель и подготовкѣ ихъ для переселенцевъ,—но все это ведется въ сравнительно маломъ размѣрѣ, очень недавно и очень неравномѣрно.

Въ Сибири сельское хозяйство еще не стало на прочную ногу. Въ различныхъ частяхъ земледѣльческой полосы существуютъ разные приемы обработки и сѣвооборота. Общий характеръ земледѣлія, однако, приблизительно одинъ и тотъ же и заключается въ слѣдующемъ: все крестьяне свой посѣянный хлѣбъ, главнымъ образомъ, довѣрятъ землѣ; самъ же человѣкъ на подготовкѣ почвы удобрѣніемъ силь своихъ не тратитъ; даже усиленное вспахивание сибиряками производится не для того, чтобы разрыхлять

цевъ, выгнанныхъ изъ родныхъ краевъ голодомъ и такъ легко-мыслью увлеченныхъ правительствомъ инструкции, несбыточными обещаніями «свободныхъ» земель въ далекую, чужую Сибирь!

нашию, а для того, чтобы бороться съ сорными травами, обильно порастающими около хлѣбовъ. Такое хозяйство, въ которомъ главное дѣло въ урожаѣ совершаѣтъ природа и земля, называется экстенсивнымъ хозяйствомъ. Послѣ подъема цѣлины хлѣба сѣютъ одинъ за другимъ иѣсколько разъ подъ рядъ, послѣ чего пускаютъ землю подъ черный паръ, т.-е. не даютъ пару зарастать травой, и чередуютъ посѣвы съ паромъ иѣсколько лѣтъ; когда земля истощается, ее бросаютъ въ залежь. На хорошихъ мѣстахъ снимаютъ съ участка 25—30 хлѣбовъ, прежде чѣмъ пустить ее въ залежь; на плохихъ 3—4. Земля отлеживается отъ 3 до 25 и даже 30 лѣтъ; попадаются мѣста, къ которымъ вторично и пе прикасались съ тѣхъ поръ, какъ оставили ихъ подъ залежь, а есть и такія, которыхъ совсѣмъ не оставили. Количество хлѣбовъ, чередование съ паромъ и продолжительность залежи,—все это зависитъ отъ качества почвы, а такъ какъ она въ земледѣльческой полосѣ неровная, то и порядки тамъ различные. Съвооборотъ же, главнымъ образомъ, двухпольный. Сибирскій теперешній способъ хозяйства уже не первобытный, „переложный“, которымъ онъ былъ въ старину, когда хлѣба засѣвали иѣсколько лѣтъ подъ рядъ до полнаго истощенія почвы, и только тогда ее надолго забрасывали; уменьшеніе земли привело сибирскихъ крестьянъ къ залежно-паровой системѣ, а теперъ заставляетъ ихъ бросать двухполье и переходить на наше русское трехпольное хозяйство съ удобреніемъ. Переселенцы, прѣѣзжавшіе съ привычкой къ трехполью и удобренію, скоро отъ нихъ отвыкали, поддаваясь влиянию сибиряковъ, хищно ведущихъ свое земледѣльческое хозяйство.

Хотя пашню и не упаваживаютъ, но возни съ нею много. Земля сибирская очень плотная, требующая большого старанья; пашутъ на 4—5 и даже 6 вершковъ въ глубину. Эта усердная распашка возможна только при большомъ количествѣ скота, которое и превосходитъ въ Сибири то, какое мы имѣемъ у себя въ Россіи. Въ соху запрягаютъ пару, а то и тройку лошадей. Тамъ крестьяне работаютъ съ сохами на колесахъ; особенно распространилась соха „пермянка“ по образцамъ изъ Пермской губерніи. Теперь въ западныхъ частяхъ Тобольской губерніи, около большихъ сель и городовъ, заготавливаются „пермянки“ на всю земледѣльческую полосу Сибири. Плуги идутъ плохо. Затѣмъ въ сибирскомъ хозяйстве встrebчаются все тѣ же русскія металлическія бороны (только болѣе тяжелыя), серпы, косы простыя и съ граблями, лопаты, цѣпи. Машинъ земледѣльческихъ имѣютъ мало успѣха среди тамошнихъ крестьянъ, но иностраннѣе купцы держать въ Сибири своихъ представителей и продаютъ машины изъ складовъ на выгодныхъ для земледѣльцевъ условіяхъ; въ послѣднее время крестьяне стали машинами больше интересоваться, чѣмъ раньше, и среди нихъ пошли въ ходъ иѣкоторые изъ земледѣльческихъ орудій. Около Томска уже въ очень большомъ ходу ручные вѣялки и молотилки, а еще очень недавно тамъ же молотили цѣпами, телѣгами и лошадьми. Однѣ фабриканты въ 1897 г. продѣль въ Сибири всего 40 жатокъ, а въ 1901 ихъ пошло въ ходъ уже 1500! Вообще около крупныхъ городовъ, въ оживленныхъ мѣстахъ, лежащихъ неудалекъ отъ желѣзной дороги, въ сибирское хозяйство болѣе входятъ въ употребление такія

орудія земледѣлія. Русскія фирмы ежегодно отправляютъ въ Сибирь огромное количество земледѣльческихъ орудій. Напримѣръ, еще въ 1902 году одна воронежская фирма продала сибирскимъ земледѣльцамъ машинъ на $1\frac{1}{2}$ миллиона руб. Агенты фирмъ указываютъ, что въ некоторыхъ уѣздахъ иѣть деревни, где бы имъ не приходилось продавать крестьянамъ тѣхъ или другихъ орудій. Среди сибирскихъ крестьянокъ образовалось даже серьезное движение въ пользу распространенія земледѣльческихъ машинъ и поощренія ихъ покупки, такъ какъ машины облегчаютъ трудъ крестьянокъ.

Быстрое проинновеніе сельско-хозяйственныхъ орудій въ среду сибирского крестьянства кажется особенно значительнымъ рядомъ съ медленнымъ распространеніемъ машинъ среди крестьянъ русскихъ.

Хлѣба воздѣлываются въ земледѣльческой полосѣ самые различные. Чѣмъ дальше къ сѣверу и чѣмъ хуже земля, тѣмъ проще хлѣба, менѣе прихотливы. На югѣ земледѣльческой области, гдѣ Ишимской степи, сѣется больше всего пшеницы, на востокѣ и на сѣверѣ хорошо родится яровая рожь, ячмень, а около Томска, т.-е. гдѣ сѣверо-восточномъ углу,—озимая рожь. Мѣстами сѣютъ просо, гречиху, горохъ, картофель и почти вездѣ ленъ и коноплю. Средніе урожаи пшеницы на плодородной землѣ 60—80 пудовъ съ десятины, ржи 60—90 пудовъ, ячменя 50—60 пудовъ, овѣсъ на парахъ даетъ 80—100 пудовъ, а на живахъ 40—50 пудовъ⁵). Однако сибиряки знаютъ и не такие урожаи. Въ южныхъ плодородныхъ мѣ-

⁵ Для Европейской Россіи средніе урожаи слѣдующіе: пшеница—31—32 пуда; рожь—38 п.; ячмень—36—37 п.; овѣсъ—36 п.

стахъ съ десятины снимали: 240 пудовъ пшеницы, 200 пудовъ ржи и 350 пудовъ овса!

Эти огромные урожаи поражали своимъ изобилиемъ прѣбывшихъ путешественниковъ; предполагая что такой сборъ хлѣбовъ бываетъ ежегодно, они повсюду и развезли рассказы о чудесномъ сибирскомъ хлѣбопашествѣ. Въ дѣйствительности такие урожаи и прежде бывали очень рѣдки: одинъ разъ въ 20—30 лѣтъ; послѣдний большой урожай случился въ 1894 году. Въ настоящее же время хлѣбъ рождается все хуже и хуже. Неурожайные годы следуютъ одинъ за другимъ три-четыре раза подъ рядъ. Случается, что крестьяне буквально ни одного колоса не ссыпаютъ со своей пашни. Вообще урожаи земледѣльческой половы западной Сибири удивительно неровны и переменчивы.

Въ этомъ иѣть ничего странного, если вспоминать, что сибиряки ведутъ свое хозяйство легко-мысленно и неразумно. Страдаетъ земледѣлецъ не только отъ истощенія почвы, но и отъ засухи и кобылки. Тучами кобылка ползетъ, летить и скачетъ на сибирскія поля, покрывая собою огромныя пространства; ее не остановятъ ни рѣки ни озера; кобылка гибнетъ, и все-таки ее остается еще много.

Другой врагъ крестьянскаго хозяйства—это сорная трава. Много труда приходится затрачивать земледѣльцу на борьбу съ нею; землю пашутъ и перепахиваютъ по многу разъ; яровые хлѣба приходится усиленно полоть.

Въ мѣстахъ, богатыхъ рощами, дурно отзыается на урожаяхъ влага. Повсюду вредить посѣвамъ поздніе заморозки весною и ранніе утрешники осенью; крестьянину вѣчно приходится зорко слѣ-.

дить, чтобы не поторопиться или не упустить удобного времени. Весенне разливы размывают наши, засыпают ихъ иломъ и пескомъ. Чѣмъ больше несчастій сыпается на крестьянскую голову, чѣмъ капризѣе природа, земля и климатъ, тѣмъ труднѣе хлѣбопашцу обходиться безъ машинъ и безъ удобрений.

Подъ вліяніемъ всѣхъ неудачъ и, главнымъ образомъ, въ виду истощенія почвы населеніе стало замѣнять нѣжные хлѣба болѣе грубыми, сѣверными. Крестьяне убеждаются, что имъ необходимо бросить старый нерасчетливый способъ хозяйства и приняться за удобреніе земли; съ удобрениемъ меняется и съвооборотъ. Съ переходомъ къ правильному хозяйству урожай становится ровище. Лучше всего это замѣтило на сѣверной границѣ земледѣльческой полосы, где раньше всего оказалось уѣсненіе и истощеніе и прежде перешли къ удобрению и трехполью. Тамъ, правда, хлѣбъ не рождается въ сказочномъ изобилии, но зато и не бываетъ полныхъ неурожаевъ.

Всѧ Западная Сибирь, т.-е. всѣ ея области съ Алтайскимъ Горнымъ округомъ, давала ежегодно 64.000.000 пудовъ разныхъ хлѣбовъ. Почти все это количество приходилось на земледѣльческую область. Изъ нихъ 13.000.000 пудовъ вывозилось въ Россію и заграницу. Вмѣстѣ съ неурожаями вывозъ становится все меньше и меньше. Прежнѣе хлѣбные запасы, которые давно скучили крупные купцы, всѣ вышли, а новыхъ урожаевъ вотъ уже сколько лѣтъ безилодно ждѣтъ сибирскій крестьянинъ. Желѣзная дорога повысила сначала вывозъ, такъ какъ сибиряки стали продавать послѣдній хлѣбъ, отрывая отъ своей семьи.

Барыни отъ продажи попали въ карманъ къ скупщику.

Огородничествомъ сибирскіе крестьяне такъ охотно, какъ хлѣбопашество, не занимаются. Въ деревняхъ они только удовлетворяютъ нужды самихъ сельскихъ жителей, и только около большихъ городовъ огородничествомъ занимаются для сбыта въ лавки и на базары.

Пользуясь обилиемъ хлѣба, сибиряки во многихъ мѣстахъ земледѣльческой полосы занимаются домашнимъ винокуреніемъ. Деревни въ Сибири вообще разбросаны рѣдко, и крестьянамъ при плохихъ еще дорогахъ затруднительноѣздить въ питейныя заведенія большихъ селъ за водкой; къ тому же казенное вино продается очень дорого: на заводѣ казнь ведро водки обходится около рубля, а съ крестьянъ казна за то же ведро беретъ уже около 8 рублей! Въ глухихъ мѣстахъ земледѣльческой полосы, где хлѣбъ очень дешевъ, и сбыть его на сторону трудно, сибиряки и занимаются тайнымъ винокуреніемъ. Свои маленькие водочные заводики, устроенные совсѣмъ первобытию, крестьяне ставятъ въ такихъ укромныхъ уголкахъ, куда полицейскому глазу трудно проникнуть. Такая домашняя водка называется „самосидкой“; она очень плохого качества, мутная, съ запахомъ сивушаго масла. Гонять водку артелями, иногда цѣлыми деревнями. Надъ самосидкой трудятся обыкновенно бабы. Если полиція накрываетъ тайное винокуреніе, то за это слѣдуетъ жестокое наказаніе, не по простушку, потому что „самосидку“ вообще сибиряки въ продажу непускаютъ, а выпиваютъ сами. Уменьшаются урожаи, вывозится и продается хлѣбъ—падаетъ и винокуреніе.

Кромъ заводиковъ „самосидки“, въ Западной Сибири существуютъ и настоящіе, явные большие винные заводы подъ наблюденіемъ начальства. Въ одной Томской губерніи построено 12 заводовъ для винокуренія, пиво- и медоваренія, на которыхъ въ 1900 году было выкурано одной водки 1.134.000 ведеръ.

Для нуждъ сельского хозяйства невдалекъ отъ рѣчныхъ пристаней, съ которыхъ хлѣбъ идетъ въ отправку, начинаютъ строить паровыя мельницы. Работаютъ они, главнымъ образомъ, на Сибирь, въ далекія же отправки хлѣбъ везутъ въ зернѣ, потому что промоль въ Россіи и заграждній дешевле, чѣмъ на мѣстѣ.

Есть въ земледѣльческой полосѣ заводы крахмальные, паточные, пряничные, но имъ приходится вырабатывать материала гораздо менѣе, чѣмъ водочными заводами, хотя рабочихъ участвуетъ въ этомъ производствѣ гораздо больше.

Вообще же если сравнить число всѣхъ заводовъ и фабрикъ, которые обрабатываютъ продукты земледѣлія, съ количествомъ снимаемыхъ ежегодно хлѣбовъ, то окажется, что эта отрасль фабричной промышленности находится въ западной Сибири еще въ зачаточномъ состояніи.

3) Скотоводство, маслодѣліе, фабричная и кустарная промышленности. Вліяніе желѣзныхъ дорогъ, торговля. Пути сообщенія. Второстепенные промыслы и наемный трудъ.

Земледѣльческая полоса Западной Сибири богата пастбищами. Сибиряки могутъ держать рабочий скотъ въ такомъ количествѣ, которое нашимъ русскимъ крестьянамъ недоступно. Въ хозяйствахъ средняго

сибирскаго мужика 2—3 лошади, 2—3 коровы и 5—6 овецъ—обычное правило, а зажиточныя семьи держать еще большие. Вообще считаются, что на каждые 100 жителей приходится 85 головъ лошадей. Гораздо хуже положеніе новыхъ переселенцевъ - новоселовъ; первое время имъ приходится перебиваться не только съ одной лошадью, но даже и безъ нея. Количество скота въ сибирскомъ крестьянскомъ хозяйстве зависитъ, кромѣ пастбищъ и крестьянскаго достатка, еще отъ нуждъ земледѣльческихъ: если земля плохая и требуетъ усиленной обработки или удобренія, то и скотъ содержать въ большемъ числѣ. Лошадей впряженіе въ соху, навозъ идетъ на удобреніе. Вообще же въ земледѣльческой полосѣ навозъ пропадалъ раньше даромъ; его выкидывали въ рѣки, сваливали за околицами сель; такое пренебрежительное отношеніе къ удобрению сначала сильно возмущаетъ новоселовъ, пока они сами не научатся такъ же вышвыривать его прочь. Сибирскимъ крестьянамъ хорошо было бы поучиться бережному отношенію къ удобрению у китайцевъ, которые не только домашній навозъ свозятъ на поле, но съ лопаткой подбираютъ остатки послѣ животныхъ и людей по улицамъ и дорогамъ.

Лошади нужны не только для одного земледѣлія. Въ мѣстахъ, лежащихъ по сосѣдству съ большими проѣзжими дорогами и трактами, лошади служатъ для извозчаго промысла на крестьянскихъ постоянныхъ дворахъ. Главнымъ мѣстомъ, где проѣзжала почтовая и пассажирская гоньба, прежде быть большой Сибирскій трактъ, по которому шло все движеніе въ Сибирь и чрезъ нее на Дальний Востокъ. Но вотъ застынетъ паровозъ, пролегли желѣзные рельсы—и замеръ

Сибирский трактъ; все отъ него отняла чугунка. Цѣлые хутора и поселки, жившіе извознымъ промысломъ, остались безъ заработка. Ища новой работы, люди обращались къ земледѣлію, уходили на сѣверъ, образовывали тамъ новые земли и подымали еще нетронутую цѣлину.

Сибирская лошадь сильно отличается отъ российской: она малоросла и несильна; зато неприхотлива въ пище и нитьѣ, вынослива и очень быстра на ходу; по порядочной дорогѣ эта лошадь „сибирка“ пробѣгаетъ скорымъ бѣгомъ въ день верстъ съ сотню безъ всякаго для себя вреда. Около Томска разводится и другой сортъ лошадей. Онъ крупный, сильный, предназначены для перевозки тяжестей и вообще для болѣе изнурительной работы.

Не лучшие лошадей и рогатый сибирский скотъ. Онъ и совсѣмъ не имѣть достоинствъ: мелкий, тощій, и даетъ совсѣмъ малый убой плохого, жидкаго молока; лѣтомъ корова приносить четверть ведра въ день, а зимой даже одну восьмую. Въ такихъ недостаткахъ больше всего виноватъ конечно, небрежный уходъ, по отчасти, въ слабости домашнаго скота повинна и сибирская трава, изъ которой получается не особенно питательный кормъ, а иногда даже вредный. Крестьяне къ своимъ домашнимъ животнымъ относятся часто невнимательно: лѣтомъ иногда ихъпускаютъ пастись безъ присмотра и охраны, на зиму оставляютъ небольшіе запасы корма, и въ ходъ идетъ подъ часъ не только сѣно, но и солома. Скотъ къ веснѣ истощается и едва держится на ногахъ, животныхъ приходится подымать на веревкахъ. Только черезъ два-три мѣсяца они поправляются на подножномъ корму и приходятъ въ себя. Литовскіе, латышскіе и даже малороссійскіе

поселки имѣютъ скотъ гораздо лучшій и здоровый. Эти крестьяне умѣютъ съ нимъ внимательно обращаться, ухаживать; имъ даже изъ русскихъ поселковъ отдаютъ на выкормку молодыхъ животныхъ.

Но въ некоторыхъ мѣстностяхъ земледѣльческой полосы всѣ свободные луга уже сибиряки использовали, такъ что даже при желаніи увеличить зимніе запасы корма они этого сдѣлать не могутъ. Улучшить положеніе скотоводства возможно расширениемъ пастбищъ, вырубая на сѣверѣ полосы лѣса, осушая болота, а на югѣ, вводя въ сѣвооборотъ кормовые растенія, посѣвныя травы и внимательно ухаживая какъ за скотомъ, такъ и за надѣльными лугами.

Въ послѣднее время крестьяне стали заботиться о молочномъ скотѣ гораздо больше, чѣмъ раньше. Эта перемѣна произошла, главнымъ образомъ, подъ влияніемъ спроса на молочные товары.

Въ 1893 году въ Тобольской губерніи окологорода Кургана впервые появились молочные хозяйства, а оттуда пошли по всей Западной Сибири. Молоко идетъ на выѣѣлку масла, которое вывозятъ въ Россію и, главнымъ образомъ, за границу. Первымъ открывшимъ вывозъ масла былъ одинъ датчанинъ, жившій въ Россії. Онъ воспользовался желѣзной дорогой и началъ доставлять масло въ Лондонъ. Датчане вообще давно уже и у себя на родинѣ завели доставку масла въ Англію. Для удобной перевозки по Великой Сибирской дорогѣ ходить особые поѣзда изъ нарочно для этой цѣли приготовленныхъ вагоновъ-ледниковъ. Представители русскихъ, и особенно иностраннѣй торговыхъ домовъ, постоянно живутъ вдоль желѣзной дороги, скучая готовое масло, открывая свои конторы. Чтобы поощрить сибиряковъ къ

маслодѣлію, скупщики продаютъ имъ въ долгъ маслобойки и другія принадлежности, необходимыя въ маслодѣліи. За эту помошь крестьяне обязуются сбывать масло только имъ и по назначеннемъ цѣнамъ, которыхъ скупщики понижаютъ, сколько возможно. Скупныхъ конторъ развелось множество, въ одномъ Курганѣ ихъ 13 штукъ. Другое бойкое мѣсто по вывозу масла — село Ново-Николаевское, въ Томской губерніи, въ томъ мѣстѣ, где желѣзная дорога пересѣкаетъ рѣку Обь.

Вырабатывать масло домашнимъ способомъ не выгодно. Самая хорошая хозяйка изъ пуда молока больше $1\frac{1}{4}$ фунта масла не взбѣть, продавая его, она больше 22 копеекъ за фунтъ не получить. Если же молоко отнести въ маслодѣлію, то за пудъ уплачиваются отъ 30 до 40 копеекъ, вмѣстѣ съ этимъ хозяйка избавляется отъ многихъ расходовъ, необходимыхъ при выработкѣ масла. Устройство маслодѣлій требуетъ денежныхъ затратъ, тяжелыхъ для крестьянинъ, поэтому маслодѣліи попадаютъ въ руки кулаковъ-предпринимателей, которые и закаблиаютъ себѣ населеніе. Они открываютъ при маслодѣліяхъ лавочки, продавая товары за дорогую цѣну, даютъ въ долгъ денегъ и пр. и пр. Въ конѣ-кошцовъ кулаки впередъ забираютъ весь уドой молока, сбивая его цѣну до 25 коп. за пудъ. Въ маслодѣлье устремились лавочники, писари, лѣсничіи, даже священники.

Чтобы избавиться отъ притѣсненія скупщиковъ, крестьяне стали устраивать свои артельныя маслодѣліи. Сейчасъ ихъ немногія, штука 20, по врядъ ли они пойдутъ въ ходъ, потому что средстія эти маслодѣліи требуютъ много, а достать ихъ сибирскому крестьянину неоткуда. Послѣдніе не-

урожай, а съ ними вмѣстѣ и распродажа скота, еще больше подрываютъ молодое молочное хозяйство Сибири. Пастбища уменьшаются. Не только крестьянское, но вообще маслодѣліе перестанетъ такъ быстро расти, какъ это было иѣсколько лѣтъ назадъ. Оно будетъ себѣ постепенно проникать къ сѣверу и въ тѣ мѣста, гдѣ молоко еще не нашло сбыта.

Сибирскій крестьянинъ теменъ, неразвитъ, онъ не умѣеть своего молочного хозяйства вести какъ слѣдуетъ. Желая увеличить количество продаваемаго молока, онъ покупаетъ столько коровъ, что имъ не хватаетъ корма. Скотъ начинаетъ давать молока еще меныше, оно становится ниже. Коровы тощаютъ, болѣютъ, вырождаются, приносятъ слабое потомство. Сибиряки, продавая все молоко на маслодѣліи, отнимаютъ его отъ своихъ дѣтей. Молоко послѣ выработки изъ него масла, снятое и водянисто-жидкое, возвращаются крестьянамъ подъ названіемъ „обрата“, и они этимъ „обратомъ“ кормятъ телятъ. Этотъ „обратъ“ не только полезенъ, но даже вреденъ, потому что въ немъ смѣшивается молоко всѣхъ коровъ и здоровыхъ и больныхъ, телята заражаются, хирѣютъ и мрутъ. Болѣютъ отъ недостатка молока и дѣти.

Сибирское масло не особенно хорошаго качества. На выставкѣ 1901 года золотая медаль осталась не присужденной. На изслѣдованіи масло оказалось слегка съ гнилымъ вкусомъ, нечистое, съ рыбнымъ, сѣрымъ привкусомъ и съ другими недостатками. Они происходятъ отъ неумѣлаго и неаккуратнаго приготовленія: плохо моютъ посуду и маслобойки, сохраняютъ сливки безъ льда, молоко привозятъ издалека на подводахъ, доставляя на маслодѣліи скисшимся и т. д.

Крестьяне увидѣли, что маслодѣліе приносить имъ не одну только пользу, но и вредъ, истощая ихъ семью. Они по своей темнотѣ начали даже присыпывать вліянію маслодѣлія такія бѣды, какъ засухи и неурожай! Сибиряки выдумали, что на маслодѣльняхъ, которая тутъ называются „молоканками“, выработкой мучатъ молоко, за что имъ въ наказаніе и посланы всякия бѣды. Крестьянское недовольство доходило даже до открытаго бунта, во время которого было разбито нѣсколько „молоканокъ“.

Маслодѣліе, истощая семью сибиряка и давая ему за это нѣсколько лишнихъ рублей въ годъ, дѣйствительно, приносить ему, пожалуй, больше вреда, чѣмъ пользы. Наживаются же на этомъ дѣлѣ конторы скунщиковъ да туча кулаковъ, содержателей маслодѣлень.

Въ сибирскомъ хозяйствѣ скотъ содержится еще для убоя. Мясо, сало и шерсть отправляютъ въ Россію, туда же и за границу вывозить кожи и живой рогатый скотъ. Для этихъ цѣлей разводятъ животныхъ только на югъ земледѣльческой полосы и въ соединихъ съ нею областяхъ киргизскихъ степей. Цѣны на живой скотъ и на убоину постоянно меняются, неурожайные годы и повальныя болѣзни среди животныхъ заставляютъ крестьянъ ихъ избивать массами. Сибиряки разумно разсуждаютъ, что все равно придется скотъ продавать въ уплату за недоимки или потерять его отъ болѣзней. А надежки тамъ бываютъ часты, и чума и сибирская язва¹⁾ тѣмъ же, чѣмъ дальше къ востоку.

¹⁾ Болѣзнь „сибирская язва“ заразительная, почти неизлечимая и губитъ животныхъ массами. Проявляется она въ опухоляхъ, въ кровавомъ ипоносѣ и полномъ истощеніи силъ. Смерть

Кожевенное производство поставлено въ Сибири очень слабо, работа повсюду происходитъ ручнымъ способомъ, заводы состоятъ изъ жалкихъ деревянныхъ и даже плетеныхъ зданий, часто безъ потолковъ и половъ, случаются и безъ крыши. Всѣ отбросы остаются валяться на дворѣ, гниютъ и заражаютъ воздухъ. Рабочие кожевенного производства не имѣютъ отдельныхъ помѣщений, а живутъ тамъ же, где выдѣлываются кожи, овчины и пр. Самый большой заводъ стоитъ въ Тюмени, въ Тобольской губерніи. Онъ производить товара ежегодно на нѣсколько сотъ тысяч рублей, въ той же губерніи, главнымъ образомъ, сосредоточены и остальные кожевенные заводы.

Вообще фабрично-заводская промышленность Западной Сибири обрабатываетъ сырье материалы мѣстного происхожденія: на винокуренные, пряничные и другіе подобные заводы уходить продукты земледѣлія, на кожевенные и суконные—продукты скотоводства. Другихъ фабричныхъ заведений совсѣмъ мало. Они не только не разрастаются, но даже существование рабоче въ послѣднее время разоряются и прогораютъ. До сихъ поръ сибирскіе заводы свои дѣла вели неважно. Ихъ владельцы точно у сибирскихъ крестьянъ учились неряшливости и неаккуратности въ хозяйстве. Часто управляющими заводовъ становились люди, совсѣмъ незнакомые съ порядками, которые требуются въ тѣхъ мѣстахъ. Когда за-

паступаетъ черезъ 8—30 часовъ. Иногда черезъ 3—5 часовъ появленія болѣзни, животное падаетъ, какъ пораженное молнией. Сибирская язва бываетъ и въ скрытой формѣ, въ этомъ случаѣ опухоли или не проявляются, или мало заметны. Сибирской язвой чрезъ царинны и небольшія ссадины отъ животныхъ заражаются и люди.

воды лопались, то выброшенными на улицу рабочими некуда было дѣваться, такъ какъ фабричныхъ заведеній въ Западной Сибири слишкомъ мало, а свободныхъ безработныхъ рукъ много. Вообще и въ будущемъ фабрично- заводская промышленность врядъ ли очень скоро пойдетъ тамъ на ладъ,—съ одной стороны, пѣть настоящихъ, умѣлыхъ, сознательныхъ рабочихъ тамъ, гдѣ опытныя руки необходимы, съ другой—послѣ проведения желѣзной дороги провозъ товаровъ изъ Россіи настолько удешевился, что сибирскимъ съ привозными спорить стало не подъ силу. Въ Россіи хоть и слабѣе заграницаго фабричная промышленность, но въ сравненіи съ сибирской она давно окрыла и потому можетъ свои продукты продавать дешевле.

Ввозъ русскихъ товаровъ въ Сибирь растетъ быстро и непрерывно. Особенно увеличился ввозъ керосина, который входитъ въ обычное употребленіе среди сибиряковъ земледѣльческой полосы, а оттуда проникаетъ и дальше на сѣверъ, отовсюду вытесняя старинную „лучину“. Изъ Россіи въ изобиліи везутъ сахаръ, бакалейные и мануфактурные, галантерейные товары, т.-е. съѣстные припасы, предметы одежды, обуви.

Было время, когда немногочисленное населеніе Сибири почти совсѣмъ не нуждалось въ привозныхъ мануфактурныхъ товарахъ. Все, что требовалось для домашняго обихода, изготавлялось каждой семьею на дому. Но постепенно крестьяне, увеличиваясь въ числѣ, улучшая хозяйство и приобрѣтая новые потребности, стали нуждаться въ иѣкоторыхъ покупныхъ товарахъ. Новые промыслы, въ родѣ извозчаго, и строящіеся города стали требовать многихъ предметовъ, изготавлие-

мыхъ крестьянскими руками въ сосѣднихъ салахъ. Стало выгодно заниматься кустарной работой.

Какимъ кустарнымъ производствомъ промышляли крестьяне, зависѣло отъ мѣстныхъ условій. Какой материалъ былъ подъ рукою, тотъ и шелъ въ дѣло, если на него бывалъ спросъ. Въ сѣверныхъ частяхъ земледѣльческой полосы, где деревни богаты лѣсомъ, лучше другихъ привилось производство деревянныхъ издѣлій: бондарный промыселъ, производство сить, точеной посуды, мебели, телѣгъ, саней, смолокуреніе. Въ южныхъ краяхъ, по соединству со степной полосой и съ богатымъ скотоводствомъ, хорошо наладилось шерстяное производство, изготовление валенокъ — „пимъ“, называющееся „пимокатиимъ“. Около Тюмени, откуда изъ Европы и съ юга Сибири на сѣверъ отправляютъ товары, особенно развились приготовленіе предметовъ, необходимыхъ для перевозки кладей и пассажировъ. Тамъ же работаютъ и сохи „пермяки“ и соиники, идущіе потомъ по всей земледѣльческой Западной Сибири. Въ этихъ мѣстахъ хорошо ткуть ковры, изготавляемые женщинами. Теперь коверницы покупаютъ шерсть, краски и рисунки отъ торговцевъ, но раныне краски оиъ составляли сами, и дѣло шло отъ этого хуже, выборъ цветовъ быть бѣдѣ, да и сами краски совсѣмъ не отличались прочностью. Кузничный, горшечный и кирпичный промыслы держатся кругомъ населенныхъ сель и городовъ. Въ западныхъ частяхъ Западной Сибири, по соединству съ Ураломъ, откуда добывается жѣлѣзо, основалось и жѣлѣзное производство. На сѣверѣ и востокѣ земледѣльческой полосы и въ предѣлахъ ближайшей лѣсной области распространилось изготавленіе сѣтей и певодовъ, потому

что въ сосѣднихъ лѣсныхъ и тундровыхъ краяхъ необходимые предметы рыболовства имѣютъ постоянный и широкій сбыть. Вообще кустари тяготѣются къ большимъ селамъ и городамъ, обезпечивающими имъ заработка. Чѣмъ дальше къ востоку, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ рѣже городскія и сельскія поселенія, тѣмъ менѣе народу занято въ кустарныхъ промыслахъ; характеръ сбыта здѣсь исклучительно другой: работаютъ только на окружающее мѣстное населеніе, не отправляя далеко своихъ товаровъ.

Кустарная промышленность Западной Сибири ведется первобытно: выдѣлку шерстяныхъ и пимокатныхъ товаровъ, напримѣръ, производятъ въ тѣхъ же комнатахъ, гдѣ живутъ. Работающіе крестьяне приуждены постоянно вдыхать шерстяную пыль, а это очень вредно отзыается на ихъ здоровье, люди ходятъ блѣдны, съ истощеннымъ видомъ. Отъ шерстяныхъ и кожевенныхъ промысловъ среди рабочихъ распространяется сибирская язва, потому что въ обработку пускаютъ пикуры и шерсть больныхъ животныхъ.

Постоянныхъ кустарей и немногого, они все запутались въ долгахъ у скупщиковъ, снабжающихъ ихъ впередь деньгами и товаромъ,— и выбраться изъ этихъ тисковъ очень трудно. Гораздо большие такихъ кустарей, которые своей земли не бросаютъ, а занимаются кустарнымъ промысломъ въ тяжелые годы неурожаевъ или другихъ неудачъ. Послѣдніе неурожай многихъ толкнули на кустарные заработки. Однако есть и богатыи - кустари, которыхъ тутъ называютъ „богатырями“, ихъ достаточно сложился не промыслами, а земледѣлемъ, которое они не покидаютъ и кустариви- чаютъ только въ свободное время для повышения

доходовъ. Обыкновенно каждымъ производствомъ занимаются пѣсколько семей сразу, даже цѣлое село.

Послѣ того, какъ прошла желѣзная дорога, упразднившая весь большой сибирскій трактъ, сильно пострадали кустари, работавшіе на извозный промыселъ. Вообще желѣзная дорога, открывшая широкій доступъ въ Западную Сибирь фабричнымъ товарамъ, убиваетъ кустарную промышленность, потому что привозные товары не только лучше качествомъ, но и дешевле.

Торговыя сношенія Сибири съ Россіей въ то время, когда Великой Сибирской желѣзной дороги не было и въ поминѣ, являлись дѣломъ труднымъ и не всѣмъ доступнымъ. Прежде всего они требовали очень большихъ средствъ, потому что товары приходилось покупать на русскихъ ярмаркахъ въ Ирбитѣ и въ Нижнемъ-Новгородѣ очень большими партиями: туда же въ огромномъ количествѣ свозились и сибирские товары. Затѣмъ крупные закупки частью водой, а частью по желѣзной дорогѣ или чрезъ Россію до Тюмени, а дальние пускались по сибирскимъ рѣкамъ, во время навигацій, и лошадьми, па саняхъ зимою, по большимъ городамъ. Тамъ товаръ лежалъ въ большихъ складахъ долго, пока его не раскупали мелкие торговцы, и небольшими партиями развозили на мѣстныя ярмарки и въ отдаленные уголки Сибири. Вся торговля была въ рукахъ немногихъ богатыхъ купцовъ, назначавшихъ на свой привозный товаръ цѣны и наживавшихся какъ угодно. Теперь дѣло сильно измѣнилось; русскіе фабриканты стали держать въ Западной Сибири своихъ представителей, и мелкие купцы могутъ свободно миновать прежнихъ посредни-

ковъ, покупая товаръ небольшими партиями изъ первыхъ рукъ; цѣны на товары упали; упало и значеніе ярмарокъ не только сибирскихъ, но даже Нижегородской.

Устраиваются же въ настоящее время ярмарки въ земледѣльческой полосѣ для сбыта произведеній сельско - хозяйственной промышленности. Но и мѣстные товары попадаютъ теперь прямо къ покупателямъ изъ Россіи безъ участія посредниковъ, чрезъ пріѣзжихъ представителей. Самая большая изъ такихъ внутреннихъ ярмарокъ зимою — въ городѣ Ишимѣ. Дѣлала она ежегодный сборъ въ $2\frac{1}{2}$ миллиона рублей, но и на ней сильно замѣтило паденіе ярмарочной торговли.

Путь, по которому или изъ Сибири товары, тоже рѣзко измѣнился. Все къ себѣ перетянула „сибирка“, и только такие грубые материалы, какъ кожи, провозятся еще по водѣ на Тюмень, и то потому, что рѣчными сообщеніемъ перевозка обходится дешевле.

Проходитъ чрезъ Западную Сибирь, желѣзная дорога бѣжитъ еще дальше на востокъ. Поэтому населеніе земледѣльческой полосы участвуетъ не только въ мѣстной торговлѣ, но и въ торговыхъ спошненіяхъ Россіи съ остальной Сибирью и Китаємъ. Больше всего съ востока привозится чаю. Въ 1899 г. чрезъ Челябинскъ прошло 1.594.000 пудовъ чаю разныхъ сортовъ. Сама Сибирь его поглощаетъ очень много; инородцы и даже крестьяне предпочитаютъ кирпичный, плиточный чай, который очень удобенъ при постоянныхъ передвиженіяхъ и охотахъ. Изъ степныхъ, киргизскихъ областей постоянно отправляютъ транспорты лошадей. Вывозная торговля, главнымъ образомъ,

Мостъ черезъ Иртышъ.

сейчасъ находится въ рукахъ иностранцевъ, которые раньше настъ обратили вниманіе на Сибирь и успѣли тамъ прочно устроиться.

Для тѣртовыхъ и пасажирскихъ сообщеній въ земледѣльческой полосѣ, гдѣ нѣтъ рѣчныхъ путей, проложены почтовые тракты — широкія грунтовыя дороги съ канавами по обѣимъ сторонамъ, съ довольно прочными деревянными мостами чрезъ ручьи и овраги и съ поромами чрезъ рѣки. Содержатся тракты довольно неаккуратно, но въ сухое время года ъѣзда по нимъ спосная, и сибирскія, шустрыя лошадки быстро несутъ по трактамъ дорожныя брички и шарабаны, называя малиновыми колокольчиками. Послѣ дождей по дорогамъ быстро выбиваются ямы, и къ осени ъѣзда по нимъ превращаются въ пытку; ямы полны густой грязи; выносливые лошади выбиваются изъ силъ, а ямщики уже не поютъ свои безнечные пѣсни и не помахиваютъ лихомъ вскоками. Около почтовыхъ дорогъ кормится много народа: кустари работаютъ телѣги, брички, упряжь и проч., крестьяне держатъ лошадей, открываютъ постоянные дворы.

Извозный промыселъ дурно отзыается на нравственности притрактоваго населенія. Легкіе заработки, постоянная встрѣчи со всевозможными людьми, среди которыхъ множество лицъ совершенно испорченныхъ, иаконецъ, столкновенія съ самыми разнообразными „начальствомъ“, которое кричитъ, командуетъ, а не такъ давно еще и дрались, — все въ конецъ изломало и испортило притрактовыхъ сибириковъ. Въ тамошнихъ селахъ живутъ самые испорченные, въ Сибири, крестьяне: среди нихъ сильное, чѣмъ гдѣ-либо, развито пьянство и другіе пороки; народился

даже совсѣмъ особый воровской промыселъ „частѣзовъ“. Въ зимнія темныя ночи чаерѣзы, закутавшись въ бѣлыя простыни, ложатся въ придорожные сугробы и ждутъ, когда появятся обозы съ часомъ; тогда чаерѣзы быстро вскакиваютъ и валятся въ розвалы, откуда еще быстрѣе срѣзаютъ иѣсколькою тюковъ-цыбиковъ чая. Этотъ промыселъ считался такимъ доходнымъ, что были села, сплошь занимавшіяся срѣзываніемъ грузовъ чая.

Самая главная отрасль промышленности земледѣльческой полосы — хлѣбопашество и скотоводство — ведутся безъ помощи наемныхъ рабочихъ рукъ. Кустарный промыселъ тоже лежитъ, главнымъ образомъ, на самихъ хозяевахъ, и только немногочисленные заводы и фабрики Западной Сибири требуютъ для себя рабочихъ. Такимъ образомъ рабочаго населенія въ земледѣльческой полосѣ не много. Оно состоитъ изъ обѣнившихъ мѣщанъ и крестьянъ, да изъ ссыльныхъ. Для пеимущихъ открылся новый заработокъ на желѣзной дорогѣ; вдоль всего пути требуются многие тысячи работниковъ. Среди рабочихъ особенно много ссыльныхъ, потому что другого способа прокормиться, кроме продажи своего труда, они не имѣютъ. Даже кустари охотно пользуются наемными рабочими изъ ссыльныхъ; съ ними вообще очень мало церемонятся и обращаются невнимательно и грубо.

Промыслы рыбные, охотничий и сборъ кедровыхъ ореховъ въ земледѣльческой полосѣ занимаютъ самое послѣднее мѣсто. Если крестьяне ими и занимаются, то только для личныхъ надобностей и большой торговли ни рыбой ни битой дичью и птицей не ведутъ. Въ прежний

времена рыболовство было богатое. Теперь оно отчасти сохранилось въ большихъ озерахъ. Напримеръ, въ озерѣ Чаны, которое вдоль идетъ верстъ на 60, а поперекъ на 30, сибиряки-таки не смогли переловить всей рыбы: до сихъ поръ прибрежные жители ловятъ очень много окуней, карасей, щукъ; среди нихъ попадаются очень крупные; караси доходятъ до 10 фунтовъ вѣсу. И звѣремъ и лѣсомъ сибиряки земледѣльческой полосы если и занимаются, то только зимою, когда освободятся отъ полевыхъ работъ; напримѣръ, рыбу ловятъ преимущественно чрезъ прорубь, когда ледъ не успѣлъ глубоко промерзнуть. Этими промыслами, чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ охотище занимаются крестьяне; тамъ же къ сѣверу и животныхъ водится больше, чѣмъ на югѣ, гдѣ они почти все перевелись.

Богатствъ ископаемыхъ земледѣльческая область почти не имѣеть. Кое-гдѣ добываются каменный уголь; на востокѣ, въ Марийскомъ округѣ и около Томска, разрабатываются бѣдныя золотые розыпи. Въ степныхъ озерахъ находится соль, но ея не хватаетъ даже для местнаго населенія. Всѣ эти промыслы ничтожны въ сравненіи съ сельскимъ хозяйствомъ.

4) Населеніе, городская и деревенская жизнь, старожилы, переселенцы, ссылочные, татары, евреи, иностранцы.

Земледѣльческая полоса — не только самая богатая, но и самая населенная часть Западной Сибири. Жители ея разбросаны по деревнямъ и селамъ, и только меньшинство, не болыше десятой части, постоянно устроилось въ городахъ;

многіе изъ городскихъ жителей продолжаютъ все-таки заниматься земледѣліемъ. Такое распределеніе населения объясняется тѣмъ, что огромное большинство его занимается сельскимъ хозяйствомъ. Города рѣдки, и народу въ нихъ живетъ немногого; но подъ влияниемъ желѣзной дороги вдоль пути городская жизнь быстро оживаетъ и населеніе городовъ увеличивается. Города растутъ такъ удивительно скоро, что, напримѣръ, тамъ, гдѣ въ 1898 году стоялъ поселокъ Ново-Николаевскій всего въ 3.000 жителей, въ 1902 году, т.-е. чрезъ 4 года, выросъ цѣлый городъ въ 25.000 человѣкъ! Населеніе увеличилось въ 8 слишкомъ разъ.

Сибирские города имѣютъ жалкій видъ. Вдоль узкихъ, пемощенныхъ улицъ, съ гнилыми деревянными тротуарами, тянутся покосившіеся дощатые заборы внеремеску съ низкими деревянными домами; переулки покрыты иногда на 8—10 вериковъ сѣвѣжимъ или перепрѣвшимъ навозомъ. Города малолюдны; наступившая почь загоняетъ всѣхъ жителей въ комнаты; закрываются ставни и жизнь замираетъ надъ пустыннымъ, почти неосвѣщеніемъ городомъ; только уныло перекатывается по дворамъ вой и лай многочисленныхъ собакъ. И русскіе провинціальные города не блещутъ красотою, но сибирскіе выглядятъ еще хуже, походя скорѣе на болыи села. Чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ грязище и бѣднѣе города.

Въ самые послѣдніе годы города начали понемногу отстраиваться и подчищаться, но тѣ, которые остались въ сторонѣ отъ желѣзоподорожнаго сообщенія и торгового обмѣна, постепенно замираютъ, напр., Тюмень, одинъ изъ древнѣйшихъ

русскихъ городовъ Сибири, основанный въ 1586 г.; раньше онъ считался „дверью“ въ Сибирь, къ которой подходила первая изъ Россіи желѣзная дорога; изъ Тюмени начинался водный путь по Тоболу и Оби; сюда стекались со всей Сибири хлѣбъ и другіе товары,ѣхали переселенцы, приходили грузы изъ Россіи. Теперь все это провозится по Великой Сибирской желѣзной дорогѣ, и на долю Тюмени остались только грубые товары, въ родѣ кожъ, которые двигаются водою. Это городъ, хотя и населенный 30.000 человѣкъ, даже первый по числу населенія въ Тобольской губерніи, но безъ прежняго оживленія и торговли.

Особенно замѣтнѣ упадокъ городовъ, оставшихся безъ желѣзной дороги на Тобольскѣ, самомъ сѣвериомъ среди большихъ сибирскихъ городовъ. Недалеко отъ него когда-то стояла татарская столица края—городъ Сибирь, и онъ самъ одно время считался столицею Сибири. Тобольскъ лежитъ на границѣ двухъ различныхъ частей западной Сибири: земледѣльческой и лѣсной полосы, и его жизнь связана съ одной и другой. Съ юга онъ получаетъ по Иртышу сибирскіе и русскіе товары, отправляя ихъ внизъ по Оби на сѣверъ или вверхъ по ней на востокъ. Въ городѣ живетъ много купцовъ и промышленниковъ, занимающихся торговлей съ сѣверными инородцами и рыбными промыслами. Упадокъ Тюмени и сосредоточеніе всей административной и торговой жизни на югѣ заглушили Тобольскъ настолько, что его населеніе почти не увеличивается. Городъ застроенъ грязными деревянными зданіями, по которымъ постоянно гуляетъ красный пѣтухъ. Старыхъ построекъ сохранилось по-

этому очень мало; какъ-то уцѣлѣли нѣсколько древнихъ церквей, кремль и ворота-башня, построена еще шѣстьнадцатью шведами во время Петра Перваго. Руками же этихъ шведовъ Тобольскъ былъ спасенъ отъ иогибели: берега, на которыхъ онъ выстроенъ, такъ подмывались водою, что рѣчное русло нужно было перенести на нѣсколько верстъ въ сторону. Эту тяжелую работу и выполнили шѣстьнадцать шведы, выкопавъ новый каналъ для рѣки Тобола.

Самый богатый и населенный городъ во всей Западной Сибири—Томскъ, въ которомъ считаются 56.000 жителей. Онъ хотя и лежитъ не на самой Сибирской желѣзной дорогѣ, но къ городу отъ нея проведена небольшая желѣзодорожная вѣтка. Томскъ разрастается. Тутъ театръ, университетъ, основанный въ 1888 г., технологический институтъ, три среднихъ учебныхъ заведенія, много специальныхъ, духовныхъ и изънѣхъ и воскресныхъ школъ. Всего 59 учебныхъ заведеній и 7.400 учащихся. З публичныхъ библиотеки, есть отдѣлы ученыхъ обществъ. Выходятъ 4 газеты. Это настоящій городъ, и сибиряки, которые вообще отличаются большимъ патріотизмомъ, утверждаютъ, что Томскъ не хуже Петербурга. Томскъ непрерывно увеличивается и улучшается. Особенно возросло за послѣдніе время торговое значеніе Томска, благодаря развивающемуся нароходству и денежнымъ и удобнымъ воднымъ путемъ сообщенія.

Если города Сибири невелики и неблагоустроены, то деревни ея гораздо лучше русскихъ; они выглядятъ многолюдными селами. Тутъ много красивыхъ, двухъэтажныхъ домовъ, вокругъ которыхъ тѣснятся угодья и службы; крыши этихъ

избъ-домовъ крыты тесомъ, а на нихъ и на выкрашенныхъ ставняхъ часто красуются рѣзные, деревянные узоры. Улицы хотя и кривыя, но широкія; ихъ главный недостатокъ заключается въ томъ, что сибирики, не сохранивши навоза, не вывозятъ его, а часто выбрасываютъ около жилья и засоряютъ улицу. Въ комнатахъ у крестьянъ чисто и уютно; поль хозяйка мететь иѣсколько разъ въ день, а мость его и скребеть ножомъ некрашеные столы и лавки не меньше, чѣмъ разъ въ недѣлю. Избы обыкновенно имѣютъ иѣсколько комнатъ, и только самые бѣдные живутъ въ одной. Стѣны и потолки выбелены; иногда стѣны оклеены обоями и почти всегда увѣшены разными портретами и картинами; полы устланы цыпковками, разноцвѣтыми половиками; на подоконникахъ стоять горшки съ цветами; въ чистыхъ горницахъ обязательны столы и стулья, даже диваны; широкая постель, съ тремя-четырьмя мягкими подушками въ не斯特рыхъ наволочкахъ, покрыта стеганымъ одѣяломъ изъ разныхъ кусочковъ ситца. Обстановка у богатыхъ еще лучше: мебель городской работы—диваны, кресла, зеркала; на окнахъ кисейная занавѣски; стѣны ипремѣнико оклеены; двери, печи, подоконники, окна, а иногда и потолки расписаны цветами, птицами, красными, синими и желтыми кружками, изображающими солище.

Особенно красивы селенія старовѣровъ и сектантовъ. Это—самый зажиточный и рабочий народъ въ Сибири; у нихъ чисто и уютно не только въ избахъ, но и спаружи, на дворѣ и на улицахъ; живониць и деревянная рѣзьба ипремѣнико и внутри, и на ставняхъ, на дверяхъ, на крышахъ.

Теперь лѣсу становится все меньше и меньше; скоро сибирскія деревни земледѣльческой полосы перестанутъ поражать обширностью своихъ построекъ.

Людскія селенія росли по берегамъ рѣкъ и озеръ. И теперь къ сѣверу и востоку по течению рѣкъ постоянно строятся новые прѣзжими переселенцами. Но деревни новоселовъ гораздо

Усадьба сектанта средней зажиточности.

малочисленнѣе и бѣднѣе, спаружи походя на тѣ мѣста, откуда выбрались переселенцы. Изъ Западнаго края, Прибалтийскаго и Малороссіи крестьяне ставить деревни чинѣ, удобнѣе; наши коренные русскіе приносятъ съ собою изъ дома прежнюю грязь и темноту, съ которой они уже тѣло сжились на родинѣ.

Сибирики—народъ темный и необразованный. Школъ и училищъ у нихъ еще меньше, чѣмъ у

русскихъ крестьянъ. Въ земледѣльческой полосѣ народное образованіе поставлено лучше, чѣмъ въ другихъ частяхъ Западной Сибири, но и здѣсь большинство школъ находится въ духовномъ вѣдомствѣ; эти школы страдаютъ отсутствиемъ денегъ, недостаткомъ книгъ и другихъ учебныхъ пособій; многія училища даже и существуютъ только на бумагѣ, а церковное начальство ихъ не думало открывать; къ этимъ школамъ вообще относятся невнимательно и небрежно, напимая, напр., учителей изъ отставныхъ солдатъ, сапожниковъ и даже изъ уголовныхъ ссылочныхъ. Для населенія не хватаетъ школъ, нѣть библіотекъ, читалень и книжныхъ складовъ; а сибиряки очень цѣнятъ образованіе и не только охотно посылаютъ своихъ дѣтей въ существующія школы, но и сами широко жертвуютъ на нихъ деньги. Напримѣръ, Томскій университетъ основанъ на деньги, наполовину пожертвованныя населеніемъ. Нѣкоторыя благотворительныя общества открывали для народа библіотеки, но начальство всѣми силами старалось препятствовать ихъ благому намѣренію; многимъ лицамъ оно прямо запрещало браться за это дѣло и повсюду не допускало въ библіотеки самыя лучшія и полезныя народу книги; всѣмъ политическимъ ссылочнымъ, среди которыхъ было очень много учителей и учительницъ, совершенно воспрещалось браться за народное образованіе. Если бы въ Сибири было земство и само населеніе имѣло бы право заботиться о народной грамотѣ, то школьнное дѣло пошло бы на ладъ. Въ Россіи, несмотря на помѣхи со стороны правительства, земство сумѣло открыть массу школъ. Въ сибирскихъ городахъ образованіе лучше, чѣмъ въ деревняхъ.

Въ прежнее время, когда земли у сибиряковъ было вдоволь и жить было легче, невѣжество не очень вредило крестьянамъ; а теперь, когда имъ приходится всѣми силами изворачиваться при неурожаяхъ, земельномъ уѣденіи и проч., отсутствіе знанія и просвѣщенія является для сибиряковъ большою бѣдою.

Отсутствіе земскаго самоуправленія отзвалось и на врачебномъ дѣлѣ. Больница и докторовъ такъ мало, что населенію совершенно не хватаетъ, и оно понуждѣнъ, какъ въ старину, подчасъ обращается къ знахарямъ и знахаркамъ и даже къ помощникамъ языческихъ, ишородческихъ колдуновъ-шамановъ. Болѣзней же всевозможныхъ среди сибиряковъ очень много, хотя вообще климатъ земледѣльческой полосы довольно здоровъ, но рѣзкія перемѣны отъ тепла къ холоду, который вредно вліяютъ на человѣческое здоровье, и въ особенности неряшливо и неумѣло устроенная жизнь и отсутствіе докторской помощи, вызываютъ заразы и заболѣванія дифтеритомъ, корью, тифомъ, скарлатиной. Переселенцы и пересыльные тюрьмы распространяютъ ихъ по всему краю. Около тѣхъ мѣстъ, где скопляются солдаты, свирѣпствуетъ сифилисъ,—опять и вообще пошелъ теперь по всей Сибири.

Крестьяне жарко натапливаютъ свои избы и разгоряченные выходятъ на морозъ; кроме того, окна никогда, даже лѣтомъ, не открываются и въ комнатахъ стоять постоянно спертый воздухъ. Рабочіе на заводахъ и въ мастерскихъ живутъ въ условіяхъ особенно вредныхъ: они спать часто тамъ же, где и работаютъ; все остатки и отбросы выбрасываются и гибнутъ гдѣ-нибудь подъ бокомъ, отравляя и безъ того испорченный

дыханиемъ воздухъ. Не удивительно, что отъ этихъ причинъ происходятъ постоянныя простуды и тяжелая болѣзни; смертность среди сибиряковъ гораздо больше, чѣмъ среди русскихъ. Особенно много мретъ народу въ сибирскихъ городахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣло дошло до того, что рождается дѣтей меньше, чѣмъ жителей умираетъ; и если бы не постоянный притокъ переселенцевъ, то населеніе такихъ городовъ вырождалось бы и вымирало.

Среди населенія земледѣльческой полосы больше всего русскихъ—2.000.000, которые раздѣляются на коренныхъ сибиряковъ—старожиловъ и прѣѣзжихъ—новоселовъ. Старожилы образовались изъ потомковъ казаковъ, первыхъ зѣбропромышленниковъ - переселенцевъ, бѣглыхъ крестьянъ и сектантовъ, давно поселившихся въ Сибири,—словомъ, старожилы представляютъ изъ себя наследниковъ старинныхъ завоевателей, покорителей и заселителей Сибири. Все это были люди очень разнообразные, поселившіеся въ различныхъ уголкахъ страны, занимающіеся иногда различнымъ дѣломъ; все - таки чрезъ нѣсколько сотъ лѣтъ изъ нихъ выработался народъ, схожий между собою и отличный отъ тѣхъ русскихъ, изъ которыхъ они сами когда-то вышли.

Сталкиваясь постоянно съ инородцами, сибиряки постепенно измѣнили свой языкъ, коверкая произношеніе и вставляя новые слова. Въ разговорѣ старожила входитъ не меныше 3.000 заимствованныхъ отъ инородцевъ или вновь составленныхъ словъ. Вмѣстѣ съ языкомъ сибиряки отчасти измѣнили свой видъ; къ ихъ русской крови примѣщалось не мало инородческой; это уже не пани голубоглазые блондины, а люди

смуглія, съ темными волосами и карими глазами; попадаются широкія скулы и узкіе глаза; растительности мало. Сибирячки не отличаются красотою.

Сибирякамъ изстари приходилось бороться то съ природой, то съ инородцами, устраиваться на новыхъ мѣстахъ, заводить новое хозяйство; поэтому у нихъ сложился крѣпкій, энергичный и предпріимчивый характеръ. На югѣ земледѣльческой полосы, гдѣ въ распоряженіи человѣка много земельныхъ угодій, сибиряки отличаются нѣкоторой безнечностью; отъ большихъ неудачъ у нихъ опускаются руки, и послѣ небольшой борѣбы, если земля имъ не поддается, и старые урожаи не возвращаются, сибиряки бросаютъ старую мѣсту, уходя искать нового счастья; но это качество временное, и по мѣрѣ того, какъ земля истощается, ее остается все меныше, а хозяйство приходится вести осторожнѣе — и крестьяне теряютъ прежнюю безнечность. Любовь къ труду у сибиряка проявляется во всемъ.

Если ему удастся научиться читать и писать, онъ всю жизнь интересуется книгами. Среди старожиловъ бывали удивительно способные самородки.

Такой же энергией и трудолюбіемъ отличаются сибирскія женщины; въ семье онѣ совершенно самостоятельны: съ мужьями держать себя гордо и не позволяютъ собою помыкать. Къ достоинствамъ сибирячки необходимо добавить смѣлость и чистоплотность.

Старожилы не знали крѣпостного права, угнетавшаго на Руси нашихъ дѣдовъ, убивавшаго въ нихъ гордость и человѣческое достоинство. Благодаря такимъ счастливымъ обстоятельствамъ

сибирякъ не такъ забить и униженъ, какъ нашъ российскій мужикъ. Онъ не привыкъ ломать шапку предъ бариномъ, гордъ и чувствуетъ себѣ такимъ же человѣкомъ, Божімъ Созданіемъ, какъ и всякий другой.

Зато сибирякамъ пришлось имѣть дѣло съ мѣстнымъ начальствомъ и чиновничествомъ, которое имѣло еще больше власти, чѣмъ у нась на родинѣ, и какъ мы видѣли выше, всячески насильничало надъ сибирскимъ населеніемъ, отданнымъ въ его полную, безконтрольную власть.

Правы сибирскіе подъ вліяніемъ административнаго произвола ожесточались, но велика и обширна Сибирь и не могло начальство вплотную подойти къ населенію; это спасло сибиряковъ отъ окончательной порчи.

Коренные жители научились тонко хитрить, стали очень осторожны и, какъ говорится, „себѣ на умъ“.

Къ религіознымъ обрядамъ сибиряки равнодушны. Роскошно украшенныя церкви встречаются очень рѣдко. И тутъ оказалось отсутствіе помощниковъ, подъ вліяніемъ, а иногда и на средства которыхъ строились въ русскихъ деревняхъ богатые храмы.

Въ Сибири много раскольниковъ, сектантовъ и вообще свободныхъ толкователей священнаго писания. Отношенія между различными религіозными теченіями терпимыя, мирныя. Даже между язычниками сибиряки относятся хорошо, за разнокрѣпие ихъ не гонятъ и не презираютъ.

Вмѣстѣ съ трудолюбіемъ, чувствомъ собственнаго достоинства и религіозной терпимостью сибиряки отличаются подвижностью и веселымъ

правомъ. Шутки, пѣсни, хороводы, лихое катанье зимой на хорошихъ жеребцахъ,— все это мило сердцу сибирской деревни.

Послѣднія черта въ характерѣ старожила, есть прямое слѣдствіе его довольного, сытаго существованія. Печать довольства и достатка лежитъ на всемъ распорядкѣ его жизни и быта.

Старожилы одѣваются всегда очень заботливо и подсматриваются надъ неаккуратностью русскихъ крестьянъ, называя ихъ „неумытыми“ и „необразованными“. Раньше въ сибирскихъ деревняхъ одежда была крестьянская, по теперъ пошла въ ходъ городского материала и покроя. Особенно любятъ пофрантить въ городскихъ юбкахъ и кофтахъ крестьянки. Сибиряки лаптей совсѣмъ не знаютъ и лѣтомъ ходятъ въ саногахъ; на зиму замѣняютъ ихъ „бронями“—высокими кожаными сапогами съ мягкою подошвой и съ завязками подъ колѣнками; одѣваютъ и „пимы“—черные или бѣлые узорчатые валенки.

Коренной сибирякъ любить хорошо поѣсть, а сибирячка умѣеть вкусно готовить; еще совсѣмъ недавно горячая пища бывала два раза въ день.

Обыкновенно зажиточные сибирики єдятъ пшеничный хлѣбъ, картофель, молоко, яйца, масло, мясо и рыбу; каждая достаточная семья мясо употребляетъ непремѣнно ежедневно. Блюда приготовляются жирныя. Особенно вкусенъ бѣлый хлѣбъ, который пекутъ, обмазавъ густой сметаной. Нѣкоторыя кушанья сибиряковъ даже известны въ Россіи. Чай выпиваютъ очень много; сибирякъ непремѣнно побалуется чайкомъ нѣсколько разъ въ день, при чемъ любить пить кирпичный, плиточный чай безъ сахара; въ каждой избѣ держать самоваръ.

Но теперь благосостояние сибирскихъ крестьянъ падаетъ: населеніе питается не попрежнему сытно; выводится мясо, и каждый работникъ его уже не съѣдастъ ежедневно по фунту; молоко уходитъ на маслобойни; отъ неурожаевъ хлѣба стало меньше. Но все-таки сибиряки и живутъ и выглядятъ гораздо доволыже русскихъ крестьянъ.

Земледѣльческая полоса въ послѣднее время стала сильно поддаваться вліянію Европейской Россіи. Населеніе земледѣльческой полосы увеличивается отчасти отъ переселенія, и новые люди, принося съ собою свои порядки и обычай, затираютъ коренныхъ жителей. Ихъ воздействиіе сильнѣе всего оказывается въ городахъ. Въ деревняхъ же переселенцы скорѣе сами поддаются мѣстнымъ сибирскимъ вліяніямъ. Но и тамъ новоселы долгое время сохраняютъ свой характеръ, особенно вышедшие изъ Западнаго или Прибалтийскаго края; поэтому въ земледѣльческой полосѣ встрѣчаются селенія, совершенно различныя между собою.

Хуже всѣхъ живется ссыльными, которыхъ тамъ очень много. Городъ Курганъ, напримѣръ, наполовину состоитъ изъ ссыльныхъ, ихъ потомковъ и семей. Въ Тобольской губерніи еще недавно на каждые 12 человѣкъ поселенія приходился одинъ ссыльный. За 45 лѣть, съ 1854 г. по 1899 г., по самому малому подсчету, сослано полтора миллиона человѣкъ, а на самомъ дѣлѣ гораздо больше.

Ссыльныхъ приписываютъ къ крестьянскимъ или мѣщанскимъ обществамъ, но не даютъ имъ никакихъ пособій на обзаведеніе самимъ необходимымъ для крестьянскаго хозяйства или для ремесла.

Большинство изъ нихъ, въ чужой сторонѣ съ суровымъ климатомъ, безъ привычки къ земледѣльческому труду и безъ всякой помощи, не можетъ выжить въ мѣстахъ прииски и сбѣгасть, тѣмъ болѣе, что тамъ само населеніе относится къ приписаннымъ очень недружелюбно. Живется настолько тяжело, что они бросаютъ осѣдлую жизнь и предпочитаютъ испытывать всѣ лишенія скитаній. Бездомные, голодные, холодные слоняются они изъ конца въ конецъ по сибирскимъ поселкамъ съ тощей котомкой за плечами и жестянкой вместо чайника; въ стужу и мицель они набиваютъ себѣ рубаху колосьями и соломой; это, конечно, не спасаетъ несчастныхъ, и они мерзнутъ гдѣ попало. И все-таки смерть имъ краше жизни на мѣстахъ ссылки. Такихъ бродятъ въ Сибири зовутъ „бродячей посельгой“; изъ жалости къ нимъ сибиряки на ночь выставляютъ за окно хлѣбъ, молоко, яйца, чтобы прохожий могъ подкрепить свои силы.

Убѣгая ссыльные стараются вернуться въ Россію. Чрезъ Сибирь имъ еще кое-какъ пробраться удается, но на западѣ чрезъ границу Россіи пройти очень трудно; тутъ ихъ и скапливается очень много. Безъ паспорта и пріюта, постоянно трепеща за свое существованіе, боясь попасться полиції, они работаютъ на пристаняхъ и желѣзодорожныхъ станціяхъ чирюрабочими и грузчиками. Ссыльные вообще пополняютъ собою ряды сибирскихъ рабочихъ по фабрикамъ, заводамъ и мастерскимъ; ведутъ они беспорядочную жизнь, прошивая свой заработокъ. Полиція, зная, что пребываніе ссыльныхъ выгодно куницамъ и фабрикантамъ, смотритъ на бѣглыхъ сквозь пальцы.

Уголовные ссылочные раздѣляются на отбывающихъ ссылку, какъ первое наказаніе, и на отбывающихъ ссылку послѣ каторги и тюремнаго заключенія. Обыкновенно ссылочные второго рода — народъ испорченный.

Ссылочный, вышедшій изъ тюрьмы и каторги, навсегда остается арестантомъ. Если до тюрьмы у человѣка оставалась хоть искра честности, то въ тюрьмѣ онъ проходитъ окончательную воровскую школу. За рѣшеткой лучше всего живется самымъ смѣлымъ и отчаяннымъ; ихъ боится, уважаетъ, имъ подражаетъ вся тюрьма; тамъ же люди учатся пить. Въ этой ужасной ямѣ водка — единственное наслажденіе. Но выходъ изъ тюрьмы имъ, какъ мы уже видѣли, устроиться невозможнъ; даже желаніе исправиться и зажить по-человѣчески совершино исполнимо. Такимъ образомъ армія голодныхъ чернорабочихъ и пьяныхъ, вороватыхъ бродягъ, по мѣстному прозвищу — „жигановъ“, растетъ непрерывно.

Поэтому воровство, убийства и особено коно-крадства по всей Сибири страшно часты. Въ некоторыхъ мѣстахъ они особенно многочисленны; напримѣръ, Тюкалинскъ — одинъ изъ самыхъ вороватыхъ городовъ; воровскіе порядки въ немъ такъ вкоренились, что полиція на жалобы пострадавшихъ отвѣчаетъ: „Что же теперь дѣлать, на то и Сибирь! Надо же ворамъ где-нибудь жить!“ Не даромъ о Сибири говорятъ, какъ о странѣ преступниковъ, въ которой ничто такъ дешево не цѣнится, какъ человѣческая жизнь. Есть тамъ такія мѣста, где не найдешь ариана земли, не обагренной человѣческой кровью, где не быть недѣли, въ теченіе которой не было бы совершено въ округѣ менѣе двухъ убийствъ.

Сколько ихъ остается необнаруженыхъ — одному Богу известно!

Присутствіе такого большого количества испорченныхъ людей дурно влияетъ на мѣстное населеніе, особенно на молодежь; объ этомъ часто заявляли въ своихъ приговорахъ волостные сходы. Сибиряки успѣли кое-гдѣ порядочно испортиться; вдоль проѣзжихъ трактовъ и около бывшихъ каторжныхъ заводовъ коренное населеніе отличается мошенническими наклонностями; есть цѣлые села, занимающіяся воровствомъ, кражами, срѣзаніемъ чайныхъ грузовъ и такъ далѣе.

Только недавно была отмѣнена ссылка по суду, но административная, т.-е. безъ суда, по одному распоряженію начальства, осталась и до сихъ поръ.

Положеніе политическихъ ссылочныхъ не менѣе тяжело, чѣмъ участъ уголовныхъ. Уже съ самаго начала имъ приходится гораздо хуже, потому что въ Сибирь, главнымъ образомъ, они попадаютъ не по суду, а по административному произволу.

Множество этихъ ссылочныхъ отправляло правительство въ Западную и Восточную Сибирь, а въ послѣдніе годы по 10.000 человѣкъ политическихъ съ женами и дѣтьми ежегодно перѣезжало уральскую границу.

Тутъ были рабочіе, крестьяне, студенты, учителя, доктора, мѣщане, даже священники — словомъ, весь, кто только рѣшился поднять свой голосъ противъ тяжелыхъ русскихъ порядковъ и чиновничьяго насилия. Весь они терпятъ въ Сибири большую нужду. Большинство не умѣеть заниматься ручнымъ трудомъ и земледѣлемъ, а всякие другіе заработки имъ запрещаются.

Для сибиряковъ ихъ ссылка не была ни тягостна ни непріятна; напротивъ, политические были первыми учителями грамоты въ далекихъ, дикихъ и темныхъ окраинахъ; часто случалось, что политические были единственными людьми, которые могли помочь населению въ его болѣзняхъ и разсѣять тьму невѣжества крестьянскаго. Напримѣръ, сосланные въ 1863 году поляки устраивали въ городахъ и деревняхъ промышленныя и торговыя заведенія; въ Тобольскѣ они открыли прачечную, столярную и слесарную мастерскую, котельный заводъ, булочную, столовую для больныхъ и престарѣлыхъ и т. д. Они же первые научили добывать масло изъ кедровыхъ ореховъ и въ сѣверныхъ уголкахъ сумѣли разводить пчель. Политические участвуютъ въ газетахъ и журналахъ, изучаютъ бытъ инородцевъ, описываютъ сибирское хозяйство, знакомя Россію съ нашей далекой колоніей; они служатъ въ городскомъ управлении и даже на государственной службѣ. Политические ссыльные приносили бы Сибири еще больше пользы, если бы правительство и мѣстная власти имъ всячески не старались мѣнять.

Среди ссыльныхъ лучше всѣхъ основались старообрядцы и сектанты, сосланные въ Сибирь цѣлыми обществами. Они сумѣли зажиточно устроиться, сохранить свои нравы и свой видъ неприкосновенными; въ жилахъ старообрядцевъ не было ни капли инородческой крови. Они выдѣляются среди сибиряковъ своей красивой, стройной фігурой; женщины миловидны и статны. Старообрядцы носятъ свои прежніе костюмы, помнятъ свои старинныя прѣсни и сохранили древнюю простоту въ обращеніи и обычаяхъ. Это

народъ степенный, трудолюбивый, трезвый и вообще зажиточный.

Изъ инородцевъ больше всего живеть въ землемѣльческой полосѣ татарь—75.000. Поселились они около русскихъ деревень и городовъ и гдѣ осѣли на землю, гдѣ еще кочуютъ по степи. Но вообще они забываютъ теперь свою прежнюю, привольную, кочевую и воинственную жизнь, строятъ деревни, занимаются торговлей, землемѣлемъ и извозомъ.

Въ предѣлахъ Тобольской губерніи до сихъ поръ живутъ потомки выходцевъ изъ бухарского ханства. Они были первыми проводниками среди сибирского населения мусульманскихъ правовъ и религій.

Татары въ древности были посредниками между сибирскимъ населеніемъ и между народами, жившими въ Средней Азіи. Чрезъ татарь оттуда въ Сибирь проникла магометанская религія, обычен и грамота; вся торговля съ Средней Азіей была въ ихъ рукахъ; многие изъ сибирскихъ инородцевъ такъ поддались татарскому влиянию, что перемѣнили идолопоклонство на магометанство и до того отатарились, что ихъ иначе, какъ за настоящихъ татарь, и не считаютъ.

Въ старину татары, проникнувъ въ Сибирь съ юга, оттѣнили коренныхъ инородцевъ на сѣверъ.

Вогъ уже лѣть сто, какъ часть татарь, живущая въ Тобольской губерніи, осѣла по деревнямъ и занялась, главнымъ образомъ, землемѣлемъ. Новая жизнь имъ плохо удается. Ихъ семьи малочисленны, бѣдны, неопрятны; хозяйство совсѣмъ скверное и терпить постоянный недостатокъ; даже и это скучное имущество по-

стоящю разоряется. Свои обычай и права они забываютъ, перенимая у сибиряковъ очень многое.

Иначе устроились татары Барабинскіе, т.-е. живущіе въ Томской губерніи, въ степяхъ Барабы. Здѣсь они кочевники и скотоводы, единственный народъ земледѣльческой области, занимающійся только скотоводствомъ и притомъ въ большихъ размѣрахъ.

Кочевники сохраняютъ свои прежніе обычай и права гораздо усиленнѣе, чѣмъ ихъ осѣдлые соглеменники, но все-таки выживать рядомъ съ русскими сосѣдями имъ очень трудно. Переселенцы постепенно занимаютъ въ Барабинской степи татарскія земли и непрерывно отѣсняютъ кочевниковъ на сѣверъ, въ мѣста неудобныя и пустынныя. Татарское населеніе становится тамъ съ каждымъ годомъ меныше.

Татары вымираютъ, и кочевые и осѣдлые. У сибирскихъ татаръ не такія рѣзкія черты лица, какъ у татаръ европейскихъ, напримѣръ, казанскихъ; особенно сильно измѣнились по наружности западные, осѣдлые татары. Вообще все они не выдѣляются такъ замѣтно среди мѣстного населенія, какъ, напримѣръ, въ восточныхъ губерніяхъ Европейской Россіи. Среди городскихъ жителей Сибири прѣжніе казанскіе татары гораздо скорѣе обращаютъ на себя вниманіе.

Осѣдлые татары смуглы, сухощавы, обладаютъ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ; у нихъ черные волосы и почти черные, продолговатые глаза. На кругломъ лицѣ замѣтно выдаются толстыя губы и прямой, довольно широкій носъ. Барабинскіе татары сохранили свой монгольский видъ гораздо болыше. Они смуглѣе, скулы шире, а глаза ко-

сые и еще уже. Барабинскіе татары способнѣе осѣдлыхъ, но зато лѣнивѣе ихъ; при движеніяхъ кочевники неповоротливы и по-восточному вилы.

Всѣ татары по своей религіи магометане. Они вѣрять, что существуетъ одинъ истиційный Богъ, Который все сотворилъ; что Онъ посыпалъ на землю Своихъ пророковъ, среди которыхъ былъ и Христосъ, но что главный, первый изъ нихъ— это Магометъ. Загробная жизнь имъ рисуется въ самыхъ привлекательныхъ, земныхъ краскахъ. До принятія магометанства татары знали русскихъ очень долго, но христианство къ нимъ совсѣмъ не пристало; до сихъ поръ православные миссионеры стараются о распространеніи среди татаръ православной вѣры, но изъ этихъ стараний ровно ничего не выходитъ; магометане крестятся такъ неохотно, что проповѣдь и обращеніе въ православіе надо считать совсѣмъ неудавшимися.

Татары живутъ въ своихъ деревняхъ отдельно отъ русскихъ; ихъ поселки называются аулами, а переносныя хижины кочевниковъ — юртами. Избы татаръ некрасивы и тѣсны. Вдоль передней стѣны, предъ входомъ, стоять „нары“ или широкій, въ человѣческій ростъ помостъ; онъ возвышается отъ земли на четыре-шесть вершковъ, устланъ рогожами и войлокомъ, а иногда тофяками и перинами; на нарахъ татаринъ проводить всю свою домашнюю жизнь: они ему служатъ и столомъ, и стуломъ, и кроватью ночью. Съ боку отъ наръ, у стѣны, на кирпичахъ устраивается камелекъ для приготовленія пищи, такъ называемый, „чуволь“; отъ него идетъ кирничная труба, чуволь постоянно дымить и мало грѣгть, хотя

и поглощаетъ много дровъ. Татары такъ привыкли къ своему чуволу, видять въ немъ столько уютности, что ии за что не хотятъ промѣнить его на русскую печь. Хлѣбъ пекутъ татары въ совсѣмъ отдельной печкѣ, которая стоитъ на дворѣ.

Хотя татары лѣнивы и неряшливы, зато очень честны. Убийства, кражи и мошенничества среди нихъ случаются очень рѣдко; ихъ религіозный законъ запрещаетъ пить вино, а иѣть пьянства,— и порядка и честиности у людей сохраняется гораздо больше. Между собою татары живутъ очень дружно, въ тяжелую минуту поддерживаютъ и заботятся другъ о другѣ; богатый всегда приходитъ на помощь своимъ пострадавшимъ соислеменикамъ: сгорѣвшіе, напримѣръ, аулы, почти всегда вновь обстраиваются татарскими богачами, отдающими свои средства безвозвратно.

Кромѣ татаръ, въ земледѣльческой полосѣ живутъ и другіе инородцы, но ихъ пребываніе здѣсь обыкновенно случайно. Вогулы, остыки, самоѣды и зыряне,— все это обитатели сѣверныхъ частей Западной Сибири.

Изъ Россіи прѣѣхало въ земледѣльческую полосу много евреевъ. Они устраиваются въ городахъ и на желѣзнодорожныхъ станціяхъ, живя торговлей и ремеслами. Здѣсь евреи гораздо сильнѣе сливаются съ населеніемъ; ихъ обособленность отъ русскихъ не такъ рѣзко замѣтна, какъ въ Россіи;ѣбоятию, это происходитъ отъ того, что въ Сибири на нихъ не открываютъ гонений и притѣснений, заставляющихъ евреевъ въ Россіи нынѣ сплотиться и обособиться.

Въ Западной Сибири много поляковъ, сыновей и внуковъ тѣхъ ссыльныхъ, которые въ 1831 и

1863 г. тысячами отрывались отъ родныхъ сель и городовъ и навсегда забрасывались въ чужую Сибирь; въ одномъ 1863 г. 18.000 поляковъ было сослано изъ Варшавы и другихъ мѣстъ. Многіе изъ сосланныхъ въ 60-хъ годахъ живы до сихъ поръ.

Кромѣ поляковъ, въ Тобольской губерніи живутъ еще потомки плѣнныхъ шведовъ, отправленныхъ сюда Петромъ Первымъ. Среди переселенцевъ земледѣльческой полосы попадаются эсты, латыши, бѣлоруссы, финны, армяне, мордва и другіе инородцы со всѣхъ концовъ необъятной матушки-Руси. Менѣе всего иѣмцевъ.

Въ послѣдніе годы потянулись въ Западную Сибирь иностранцы; они устраиваются въ ней временно, внимательно изучая ея порядки и хозяйство. Открывъ тутъ торговлю земледѣльческими машинами, скучая у сибиряковъ и увозя за границу хлѣбъ, масло, кожи и мѣха, англійскіе, американскіе, французскіе и другіе купцы уже теперь извлекаютъ изъ Сибири немалые доходы.

ЛЪСНАЯ ПОЛОСА.

1) Урманы, тайга, болота, климатъ, почва и земледѣліе.

Если отъ земледѣльческой полосы бхать къ съверу по широкимъ водамъ Иртыша или Оби, то перемѣна кругомъ становится все замѣтнѣе. Учащаются степные перелѣски; къ березѣ и осинѣ примѣшивается ель и кедръ, и, наконецъ, на береговыхъ возвышенностяхъ стоять уже хвойныя заросли, а на горизонте тянутся бесконечныя лѣса. Это началась уже новая сибирская полоса, область высокоствольнаго лѣса. Идеть она приближительно отъ 58° до 64° съверной широты — слишкомъ на 600 верстъ, гдѣ деревья начинаютъ мельчать, пріобрѣтать художесній видъ съ тонкими, точно болтыми, стволами.

Лѣсная область захватываетъ среднюю часть Тобольской губернії¹⁾ и весь обширный съверъ Томской, носящій название — Нарымскій край, что на мѣстномъ языке значитъ „болотный край“. Ея огромный пространства напоминаютъ собою некоторые мѣста Вологодской и Архангельской губернія, но они еще пустыннѣ и холоднѣ.

¹⁾ Съверные части округовъ Тюменского, Тобольского и Тарского и южная округа Сургутского и Березовского.

Видъ тайги.

Здѣсь уже иѣть желѣзной дороги; только внизъ и вверхъ по рѣкамъ изрѣдка бѣгаютъ пароходики, таща за собою караваны барокъ и баржъ.

Унылы берега сибирской красавицы Оби и ея притоковъ. На сотни верстъ одна картина: плоскій лѣвый берегъ и высокій, точно срѣзанный ножомъ, постоянно подмываемый водою правый. Все сѣро вокругъ. Сѣрыя безпредѣльныя воды рѣки, точно море, сливающіяся иногда на горизонтѣ съ небомъ; сѣрая даль, съ подернутыми дымкой лѣсами; сѣрыя хвойныя рощи, торчащи точно часовые по краямъ береговъ; сѣрыя поляны и болота между ними, а надо всемъ широкій небесный покровъ, такой же мутный и сѣрый... Даже люди, живущіе въ этихъ краяхъ, остыки, вѣчно пыриюще по рѣкамъ въ своихъ убогихъ чепокахъ, и они мелкие, молчаливые и блѣдные.

Не разнообразятъ рѣку и ея рѣдкіе, низкіе острова, поросшіе осокорью, мхомъ и красными, какъ сургучъ, прутьями прибрежныхъ кустарниковъ.

Взоръ отдыхаетъ только на холмахъ, лежащихъ вдоль береговъ; на нихъ мостятся рощи и лѣсочки, къ нимъ жмутся дровяные склады и бѣдныя лачуги рѣдкихъ деревушекъ, мало чѣмъ отличающихся отъ нашихъ сѣверно-русскихъ. Жилища инородцевъ еще пичтожиѣ и непрігляднѣ.

Скучно и утомительноѣздить по сибирскимъ рѣкамъ; пароходы ходятъ неправильно, остаются и отходятъ безъ расписанія и страшно опаздываютъ. Тамъ, где пароходы не ходятъ, путешествуютъ на лодкахъ и чепокахъ, пер-

таскивая ихъ съ рѣчки на озеро, съ озера на рѣчку. Въ старину казаки, таща по волокамъ свои лодки-срубы, прошли всю Западную Сибирь на востокъ и сѣверъ. Хоть и скученъ, медлененъ водный путь, но имъ только и возможно тутъ передвигаться.

Красный яръ на р. Коцѣ.

А если сойти на берегъ и пуститься чрезъ лѣса и болота, то отыщутся лишь рѣдкія, узкія тропки, доступныя пѣшеходамъ или верховымъ лошадямъ. Удобныхъ проѣздныхъ дорогъ неѣть въ этихъ сырыхъ, далекихъ мѣстахъ. Тѣ, кому приходилосьѣздить верхомъ по дебрямъ лѣсной полосы, рассказываютъ, какое это ужасное мученіе; сѣда деревянныя, лошади тряскія, ни посто-

ялыхъ дворовъ, ии удобныхъ почлеговъ; тропинки завалены пнями и стволами бурелома; чрезъ рѣчки переброшены шаткие мосточки, доски которыхъ вотъ - вотъ хотятъ подъ коньтами обвалиться въ воду. Эти лѣсныя дорожки - гати - прокладываются местные жители, живущие въ соседнихъ земляхъ; гати называются по фамилии семей, ихъ проложившихъ. Но зимою, когда болота подмерзнутъ, а кочки запесеть обильный снѣгъ, устанавливается конный путь на санихъ.

Чѣмъ дальше отъ упылыхъ береговъ пребываетъ внутрь лѣсной полосы, тѣмъ интереснѣе и разнообразнѣе картины окружаютъ путешественника; начинаются знаменитые, болотистые урманы и сибирская тайга. Урманъ на татарскомъ языке значить красный, хвойный лѣсъ. Тайга и урманы заросли по западно - сибирской равнинѣ внерѣмежку съ озерами, болотами, песками и прогалинами; они представляютъ изъ себя непролазныи чащи, гдѣ сучья кустарниковъ сплелись между собою плотной стѣной, а вершины деревьевъ смыкались въ красивый шатерь; тамъ невидно земли, засыпанией силою гнильимъ валежникомъ; тамъ топоръ еще не трогалъ могучихъ столѣтий елей, заросшихъ мохомъ, точно бородой.

Урманы стоять неподвижно и безмолвно: точно все вымерло въ ихъ таинственной глубинѣ; птичии голоса замолкаютъ въ ихъ чащѣ. Рѣдко рявкинетъ медведь - единственный господинъ сибирского лѣсного царства; еще рѣже застучить о вѣтки своими длинными рогами дикий олень, пронираясь сквозь заросли; среди безмолвной тишины далеко слышно, какъ щелкаетъ свои орѣхи

шустрая белка, и какъ подъ ея острыми когтями потрескиваютъ сухія вѣтки. Мало замѣтны въ этихъ необъятныхъ лѣсахъ птицы и звѣри.

Сибирекія заросли не похожи на наши русскіе живые лѣса; непривычному человѣку въ урманѣ становится жутко. А въ бурю опь совсѣмъ страшенъ; вѣтеръ реветь; деревья гнутся, стонутъ,

Заломъ на р. Ломованой.

точно жалуются и проклинаютъ; столѣтніе стволы трещать, валяясь на землю. Отъ бурь, ломающихъ деревья, дебри съ каждымъ годомъ становятся все менѣе и менѣе доступны для человѣка и большихъ животныхъ. У сибиряковъ сложилась даже такая поговорка: „Кто въ урманахъ не бывалъ, тотъ страху не видать“.

Урманы отличаются тѣмъ, что въ нихъ встречаются цѣлые рощи изъ кедра — этого самаго красиваго дерева Сибири. Кедръ огроменъ и могучъ, какъ нашъ русскій дубъ, а на его вершину одѣта раскидистая шапка темнозеленої хвои. Спокойнѣй и величественнѣй кедровикъ; его шумящія въ высотѣ вѣтви куполомъ покрываютъ человѣка и настраиваютъ на религіозныя размышленія.

Около гордыхъ кедровъ не выживаютъ другія деревья; сильный стволъ кедра убиваетъ и глушилъ сосѣдей, одинъ забирая себѣ и влагу воздуха, и соки земли, и скѣтъ солнца. Чѣмъ дальше къ востоку тѣмъ гуще лѣса, тѣмъ могутѣе стволы деревьевъ, а на трапецѣ съ Енисеевской губерніей идетъ уже настоящая сибирская тайга. Но къ востоку отъ рѣки Енисея лѣсъ снова начинаетъ мельчать и пронгрывать въ качествѣ.

Почти всѣ лѣса Западной Сибири принадлежатъ казнѣ: она обладаетъ 110.000.000 десятинъ урмановъ и тайги. Ихъ огромныя пространства, главнымъ образомъ, предоставлены дикой воли бурь и урагановъ. Тамъ много мѣстъ, куда не только русскій человѣкъ, но даже отважный обитатель урмановъ — инородецъ еще не рѣшался проникнуть.

Медленно пробирается къ сѣверу переселенецъ, выгнанный земельнымъ уѣвеніемъ изъ сѣдней земледѣльческой полосы или изъ Россіи. Онъ неутомимо борется съ природой, вырубаетъ лѣсъ, осушаетъ болота и основываетъ замкну. Но и переселенцу болота и холодъ ставить преграду и не пускаютъ глубоко на сѣверъ.

Куда смогъ пробраться русскій человѣкъ и началъ постукивать топоришкомъ, тамъ скоро

Привалъ въ лѣсу.

начинают таять лѣса. Но ни отъ одной человѣческой руки переводятся сокровища лѣсной полосы; загинаютъ стволы деревьевъ отъ слишкомъ обильной влаги; опустошаетъ урманъ червь-шелкопрядъ: съ совсѣмъ голыми деревьями безъ листьевъ и хвои, черные, точно скелеты, покрытые прахомъ вѣковъ, стоять мертвые лѣса на тысячи десятинъ, обѣденные червями. Но еще болѣе ужасный бичъ тайги и урмана—лѣсные пожары; въ некоторыхъ мѣстахъ, гдѣ они свирѣпствовали особенно сильно, отъ лѣсовъ сохранились только жалкіе остатки. Бывали пожары, продолжавшіеся по несколько лѣтъ подъ рядъ; огонь ходилъ въ ширину несколькиkh верстъ, перебираясь чрезъ широкія рѣки, точно чрезъ ручейки, и не потухалъ ни весной отъ талаго снѣга ни осенью отъ дождей; пламя тлѣло въ корняхъ и въ торфѣ и едва кругомъ становилось суще, оно съ новой силой вырывалось наружу; пожаръ отлично справляется съ лѣсной чащѣ, кося деревья точно траву или обжигая вѣтви, хвою и кору, губя сосны и кедры уже никогда; за тысячу верстъ до людей доносится запахъ гары и дыма, а ночами широко краснѣеть отъ зарева горизонтъ. Въ ужасѣ бѣгутъ отъ огня и зѣви и люди.

Пожары постоянны, но иногда они достигаютъ особенной силы, напримѣръ, страшно пострадали западно-сибирскіе лѣса въ 1900 и 1901 году. Возникаютъ лѣсные палы часто отъ неосторожности; иногда сами крестьяне, выжигая лѣсъ подъ пашню, не сумѣютъ охранить соѣднія рощи; еще чаще заходитъ огонь съ юга со стенныхъ пожаровъ. Бороться съ огнемъ нѣть средствъ; даже окапываніе не помогаетъ; иногда удается навстрѣчу пожару пустить поджогъ, который

уничтожаетъ нишу для подвигающагося огня и этимъ защищаетъ людей отъ гибели.

На мѣстѣ пожарища, чрезъ несколько лѣтъ, появляется молодая заросль, но прежней угрюмой

Кедръ.

и сѣдой тайгѣ здѣсь уже человѣкъ не даетъ вырасти.

Отъ всѣхъ причинъ вмѣстѣ довольно быстро пропадаетъ лѣсъ. Его граница отступаетъ къ сѣверу. Еще недавно на востокѣ Западной Сибири,

около Томска и южнѣе его, высилась Чулымская тайга; а теперь вокругъ желѣзной дороги стоять какія - то жидкія, искусственно сохраняемыя рощи.

Если бы не эти причины, то лѣсъ не только бы не уничтожался, но постепенно бы распостранялся къ югу. Мы уже видѣли, что по рѣчнымъ берегамъ, хорошо промытымъ отъ почвенныхъ солей, деревья уживаются и въ степной полосѣ. Эта борьба со степью идетъ по всей южной линіи лѣса. За зиму въ лѣсу залегаетъ огромное количество снѣга, и весною все эти запасы въ видѣ широкихъ потоковъ талой воды устремляются на лѣсныя опушки. Такимъ образомъ, почва прилегающихъ къ лѣсу частей степи усиленно выщелачивается, теряетъ вредныхъ для дерева составныхъ части, и молодая лѣсная заросль постепенно завоевываетъ степь, подвигаясь на нее.

Но урманы не такъ страшны своими дѣрями, какъ обширными болотами, громадными, бездонными топями и зыбуками. Въ Западной Сибири болота еще большие, чѣмъ лѣсовъ. Въ некоторыхъ мѣстахъ болота точно покрыты желто-зеленымъ покровомъ изъ толстаго пловучаго мха, посыпанаго падой хвоей; на мху иѣть ни травы, ни другой растительности, лишь валяется гнилой валежникъ. Болотная почва колышется подъ ногами человека, лошадь и лось проваливаются въ нее и тонутъ. До сихъ поръ подъ торфомъ находятъ хорошо сохранившіеся остатки погибшихъ такимъ образомъ животныхъ. Въ этихъ болотистыхъ мѣстахъ иѣть ни насѣкомыхъ ни птицъ, — имъ нечѣмъ питаться въ царствѣ лѣса и мха, лишеннаго травы. Среди безмолвія только

вѣтеръ колышетъ вершины деревьевъ и разносить кругомъ задумчивый, волшебный шопотъ сѣдыхъ вѣтвей.

Въ сибирской тайгѣ понемногу, мѣстами, гдѣ иѣть стока для воды, образуются новыя болота, происходитъ такъ называемое заболачивание лѣса. Дождевая вода, проходя чрезъ густой слой опавшей хвои, вѣтвей и другихъ остатковъ лѣса

Задимка.

ной растительности, обогащается кислотами, образующимися при гниеніи этихъ остатковъ. Проникая затѣмъ въ землю, эта подкисленная вода растворяетъ и выноситъ изъ верхняго слоя много составныхъ частей почвы. Такимъ образомъ на глубинѣ приблизительно $\frac{1}{2}$ аршина появляется сѣрый, обезцвѣченный слой земли, такъ называемый подзолъ. Нижне кислоты скрѣпляютъ, цементи-

рутъ подпочвенный песокъ въ твердую корку, образуя темно-бурое вещество, такъ называемый орштейнъ или рудякъ. Орштейнъ непроницаемъ для воды. Даже корни деревьевъ встречаютъ въ немъ непреодолимую преграду. Вода, лишенная стока, застаивается; корни деревьевъ не могутъ уже правильно питать дерево; оно сохнетъ, такъ какъ весной, когда верхняя части дерева уже ожили и испаряютъ влагу, его корни находятся еще въ промерзшей почвѣ, валится и затягиваются, въ концѣ-концовъ, мхомъ. На мѣстѣ лѣса воцаряется болото. Заболачивание происходитъ иногда посль порубки и пожаровъ.

Особенно велики болота Васюганской низменности, которая лежитъ на сѣверѣ Томской губерніи въ Нарымскомъ краѣ, по берегамъ рѣки Васюгана, между Иртышомъ и Обью. Эта болотистая низменность тянется тысячу на двадцать квадратныхъ верстъ. По Васюгану всюду разбросаны гривы и острова, или покрытые песками или, чаще, заросшіе рощами кедра, лиственницы и сосны. По этимъ кочковатымъ болотамъ инородцы перебираются съ помощью трехъ длинныхъ жердей: две перекладываютъ съ кочки на кочку, а третьей опираются; такъ проходятъ цѣлые версты.

Лѣтомъ Васюганъ очень красивъ; между лѣсистыхъ холмовъ и мхомъ тихо дремлютъ синія воды: то прозрачныя какъ зеркало, отражающія въ себѣ небо и рощи, то заросшія ярко-зелеными сочными травами. Вся эта мѣстность похожа лѣтомъ на огромное зеленое, дырявое покрывало, наброшенное на воду... Отсюда берутъ свое начало многія рѣчки. Постоянно стоящія болота

иногда загибаются, отравляя воду вытекающихъ рѣкъ и заражая окружающій воздухъ своими гнилыми испареніями. Въ Нарымскомъ краѣ водится масса болотной и рѣчной птицы. Весною и осенью Васюганъ всipyливается въ водѣ, становясь недоступнымъ, походя на сплошное, волнующееся море; его такъ и называютъ мѣстные жители: „Васюганское море“; а зимой сильный и морозъ открываютъ въ него свободный доступъ.

Лѣсная полоса занимаетъ гораздо болѣе холоднаго мѣста Западной Сибири, чѣмъ земледѣльческая. Средняя температура зимой стоитъ -20° , а лѣтомъ достигаетъ $+14^{\circ}$; въ сосѣднихъ же русскихъ областяхъ зимою бываетъ въ среднемъ -14° и лѣтомъ $+16^{\circ}$. Только самые теплые мѣсяцы здесь теплѣе, чѣмъ въ Россіи. Температура растительного периода держится около $+12^{\circ}$ и ниже, т.-е. менѣе благопріятна соответствующей въ Россіи, где она превышаетъ 12° и доходитъ до 13° . Дождей и снѣговъ въ лѣсной полосѣ выпадаетъ больше, чѣмъ въ земледѣльческой. Суровость климата сильно отразилась на деревьяхъ. Мы говорили уже, что въ части земледѣльческаго района, заполненной лѣсами, замѣчалась разница между породами Сибири и сосѣдней Россіи, усиливавшаяся по мѣрѣ удаленія отъ Уральскихъ горъ. Здѣсь же, на сѣверѣ, эта разница еще рѣзче. Въ лѣсной полосѣ деревья почти сплошь представляютъ изъ себя хвойныя породы: лиственницу, кедръ, сосну, ель и пихту. Широколиственные деревья не выживаютъ, благодаря глубокому промерзанию почвы, и только мелколиственные породы съ неприхотливыми березой, липой и осиной примѣшиваются къ хвоѣ по

опушкамъ и болотамъ, да и то въ южныхъ частяхъ лѣсной полосы.

Среди этого царства болотъ и лѣсовъ, особенно на югъ, встречаются возвышенія мѣста, куда весеніе разливы не достигаютъ. Въ этихъ сухихъ долинахъ лежитъ лучшая въ лѣсной полосѣ почва суглинистаго чернозема. Вдоль рѣчныхъ береговъ тянутся увалы съ такимъ же суглинистымъ черноземомъ, но только болѣе рыхлымъ. По откосамъ холмовъ, на такъ называемыхъ „ярахъ“, расположились самыя худшія земли. Такъ же, какъ въ земледѣльческой полосѣ, здесь на стлогихъ и широкихъ увалахъ расположилась почва, болѣе богатая черноземомъ, чѣмъ на крутыхъ и узкихъ. Въ лѣсахъ попадаются цѣлые площади земли, которая при обработкѣ можетъ дать небольшой урожай; ихъ называютъ „блѣликами“. Хотя вообще почвы лѣсной области гораздо хуже соединихъ южныхъ частей Западной Сибири, и чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ ихъ качество все понижается, но въ общемъ тутъ сеть мѣста, пригодныя для земледѣлія.

Лѣтняя температура дѣлаетъ кое-гдѣ вполнѣ возможнымъ земледѣліе, а на увальныхъ пашняхъ, защищенныхъ деревьями, даже сѣверный вѣтеръ не можетъ нанести своимъ холодомъ большого вреда. Хуже всего даютъ себя чувствовать лѣтніе и осеніе заморозки, непостоянство въ климатѣ и рѣзкое колебаніе между тепломъ и холодомъ. Вырубая линій лѣсъ и осушая болота, сибиряки отдѣляются отъ сырости и этимъ достигаютъ лучшихъ условій для земледѣлія; безъ удобренія и безъ осушительныхъ работъ хлѣбопашество тутъ, конечно, не мыслимо. Земля требуетъ серьезнаго ухода и старанія, и

На водораздѣлѣ между рѣками Аганочь и Вахомъ.

безъ пихъ въ лѣсной полосѣ крестьяне никогда не смогутъ добиться порядочнаго урожая. Отвоевывая шагъ за шагомъ отъ суперой природы удобные клочки земли, сибиряки и переселенцы проникаютъ довольно глубоко къ сѣверу; въ урманахъ, лежащихъ на востокѣ отъ рѣки Тары, въ послѣднее деситилѣтіе усердно рубился лѣсъ, падали старыя деревья, высыхали болота, а вмѣсто нихъ росли замки переселенцевъ или ушедшихъ съ юга и запада сибиряковъ. Среди переселенцевъ отваживаются ити въ эти далекіе края люди изъ сѣверныхъ мѣстъ Россіи, главнымъ образомъ, изъ Прибалтійскихъ и Прицелянскихъ губерній; эти хорошие и трудолюбивые переселенцы умѣютъ справиться съ тяжелыми обстоятельствами и поставить спосибо свое молодое хозяйство.

Огромныиъ препятствіемъ для земледѣлія, кромѣ влажности и климата, является еще недостатокъ луговъ, а благодаря этому и скота, т.-е. необходимаго удобренія. Земледѣльцамъ приходится заботиться не только о пахотныхъ земляхъ, но и о лугахъ, о травахъ, о сѣнокосахъ.

Хотя хлѣбопанцы работаютъ тѣмъ же самыми орудіями, что и въ сосѣдней южной полосѣ, но хозяйство тутъ уже другое: засѣваютъ сѣверные, грубые хлѣба, среди которыхъ лучше всѣхъ рождается овесъ. Много возятся здѣшние крестьяне надъ землей, добиваются того, что неурожаевъ большихъ не случается, но все-таки рѣдко гдѣ сможетъ одно земледѣліе прокормить человека, и приходится ему прибѣгать къ помощи другихъ заработковъ.

Въ среднихъ и сѣверныхъ частяхъ лѣсной полосы о земледѣліи народъ совсѣмъ не думаетъ.

Главными заработкомъ въ урманахъ и тайгѣ служатъ лѣсные промыслы—охота, кедровый промыселъ и рыболовство; инородцы же почти не занимаются земледѣліемъ.

2) Звѣри и птицы; охотничья и лѣсные промыслы; скупщики; падение промысловъ.

Необыкновенное пространства тайги и урмановъ, густа чаща ихъ лѣсовъ, но сравнительно немного всякаго звѣря и птицъ находить себѣ въ нихъ пріютъ и пропитаніе; такъ немного, что иногда охотникъ, идущій напрямикъ по лѣсной полосѣ, по пѣскольку дней подъ рядъ не встрѣчаетъ добычи. Густа лѣсная чаща, обиліемъ сиѣгъ, и дикому звѣрю пробраться сквозь нихъ очень трудно. Лѣсная полоса почти сплошь состоитъ изъ хвойныхъ деревьевъ; ихъ молодые побѣги и шишки могутъ служить кормомъ только нѣкоторымъ птичнымъ породамъ. Этими причинами объясняется то, что многіе птицы и звѣри не водятся въ сибирскихъ урманахъ.

Самая оживленная и населенная мѣста для животныхъ бываютъ на открытыхъ участкахъ лѣсныхъ опушекъ, вблизи прогалинъ и луговинъ и по рѣчнымъ берегамъ. Густыя заросли, стоящія рядомъ, кажутся еще пустынище отъ этого оживленнаго сосѣдства. Въ лѣсной полосѣ Западной Сибири встрѣчаются слѣдующія птичія породы: глухари, тетерева, рябчики, дикия утки, кулики, турчаны, совы, сычи, кречеты, орлы, коршуны, ястреба, воробы, дятлы и др.; пѣвчихъ птицъ не много; соловьи отсутствуютъ.

Весною и лѣтомъ жизнь животныхъ проходитъ на рѣкахъ, озерахъ, болотахъ и луговинахъ, а

къ осени звѣри и птицы перебираются дальше на лѣсныя опушки, тѣ разнообразиѣ деревья и кустарники и можно сыскать пищи побольше. Къ зимѣ тайга пустѣеть. Улетаютъ птицы, звѣри впадаютъ въ спячку; прячутся въ снѣгъ зайцы; глухари, тетерева и рыбчики, наѣвшись до сыта березовыхъ и иловыхъ почекъ, тоже съ размахомъ бросаются въ снѣгъ и зарываются въ немъ.

Въ тайгу повсюду бродить медведь—бурый и чёрный, да прыгаетъ бѣлка; часто пробѣгаютъ лисица и лось; встрѣчается рысь, выдра, росомаха, горностай, волкъ, бурундукъ, куница, заяцъ, ласка, барсукъ, хорекъ; рѣже попадается дикий олень, песецъ и соболь; совѣнье не водится теперь въ лѣсахъ Западной Сибири боберъ. Тѣ животныя, которыхъ нашли себѣ въ урманахъ удобный приютъ, сильно уменьшаются и рѣдѣютъ. Они уходятъ дальше на сѣверъ и востокъ или вымираютъ. Виноватъ въ этомъ, конечно, человѣкъ, но, кроме него, есть еще одна важная причина, отъ которой переводятся западно-сибирские звѣри,—это пожары; отъ нихъ гибнутъ всѣ звѣри, и молодые и старые, въ огромномъ количествѣ; огонь не щадить никого. Какъ бы ни торопилась шустрая бѣлка перепрыгивать съ вѣтки на вѣтку, огонь еще быстрѣе мчится по мху и валежнику и застигаетъ животныхъ; высоко старажается залетѣть тетерева и куропатки, но огонь взмываетъ къ самому небу и душитъ птицу.

Послѣ одного изъ такихъ пожаровъ двѣнадцать лѣтъ въ урманахъ Тобольской губерніи не водилось никакого пущисто звѣря, такъ что охотники поневолѣ стали заниматься рыбью ловлею. Вообще иѣть уже въ Западной Сибири прежнихъ богатствъ „пушного товара“ или, какъ

говорилось въ старину, „мягкой рухляди“. Уже бобры, напр., совершили перевесль въ лѣсной полосѣ Западной Сибири и перебрались на востокъ; куница стала такою рѣдкостью, что многие считаютъ ее тоже совсѣмъ пропавшей; только соболя еще съ очень большимъ трудомъ добываются западно-сибирскими охотниками.

Соболя прячутся въ самыхъ глухихъ мѣстахъ Тобольской губерніи и въ урманахъ Томской. Охота на нихъ идетъ два раза въ годъ—весной и поздней осенью; лучше всего охотиться за соболями по первому снѣгу. Быстро пагоняетъ охотникъ коротконогаго соболя, скользя по рыхлому покрову на лыжахъ, а если звѣrekъ залѣзетъ въ дупло, то отверстіе закутаютъ сѣткой, а его самого выкуриваютъ дымомъ. Теперь считается рѣдкой удачей, когда охотникъ за годъ сможетъ поймать семерыхъ соболей, но еще иѣсколько лѣтъ тому назадъ партия звѣропромышленниковъ въ 5—6 человѣкъ послѣ каждой охоты приносila съ собой 50—60 штукъ собольихъ шкуръ. Зато на нихъ сильно поднялась цѣна.

Больше всего достается отъ человѣка бѣлкамъ, которыхъ въ некоторыхъ мѣстахъ ходятъ тысячами стаями; кедровые лѣса до сихъ поръ еще удобныя мѣста для охоты на бѣлку; ее бывать где попало, сколько попало и какъ попало: повсюду межъ вѣтвей ставить сѣтки и силки, куда запутываются неосторожные звѣрьки; ловить ихъ на приманку изъ кедровыхъ орѣховъ всяческими удавками и западнями; стрѣлять изъ ружья и лука-самострѣла... Рѣкой льется бѣличья кровь!

Питается бѣлка молодыми побѣгами хвойныхъ деревьевъ и кедровыми орѣхами. Когда на нихъ случается неурожай, она начинаетъ есть орѣхи

изъ сосновыхъ шишекъ; ихъ смола залѣпляетъ щеки и горло голоднымъ животнымъ, и они окончательно дохнутъ отъ голода. Въ такие годы бѣлки стадами переселяются съ мѣста на мѣсто въ поискахъ за сытнымъ пріютомъ. Звѣропромышленники замѣтили, что когда бѣлка идетъ на сѣверъ, то она скоро вернется обратно, но если перебирается на югъ, то останется тамъ не сколько лѣть подъ рядъ, а въ тѣхъ мѣстахъ, откуда она ушла, уловъ пока будетъ скуденъ. Поэтому и заработка на бѣлку стоитъ не ровный. Въ удачные годы на каждого охотника, какъ говорятъ, „на ружье“, выпадаетъ отъ 300 до 350 штукъ; цѣна за каждую колеблется, судя по времени года и по мѣсту, отъ 8—9 до 16—18 копеекъ за штуку; на ярмаркахъ поднимается и до 22 копеекъ. Въ 1895 г. изъ всей Сибири вывезли 4.200.000 бѣлокъ, большая часть изъ нихъ пришлась на долю лѣсной полосы Западной Сибири.

Отъ пожаровъ, отъ неурожаевъ шишекъ и особенно отъ хищной охоты за нею бѣлка теперь переводится. Больше всего вредить размножению бѣлокъ весенняя охота въ февраль и мартъ, когда съ каждой убитой самкой гибнетъ отъ 25 до 40 штукъ ея будущихъ дѣтенышей. Хотя охота становится все ожесточеннѣе, но на мѣстныхъ ярмаркахъ числобитой бѣлки все уменьшается.

Много охотятся и на зайцевъ, шкура которыхъ цѣнится по 6—15 копеекъ штука. При удобной охотѣ человѣкъ за зиму бываетъ сотни двѣ зайцевъ.

Звѣрски нетреблютъ лосей и оленей изъ-за кожи и роговъ; лучшая части мяса съѣдаются, а то просто бросаютъ гнить въ лѣсу.

Весною, когда животные къ лѣту выходятъ на сѣверныя открытые равнины, или осенью, когда они обратно къ зимѣ скрываются въ лѣса отъ морозовъ и вѣтровъ,— охотники устраиваютъ на нихъ облаву; во время переправы оленыхъ стадъ чрезъ рѣки партия промышленниковъ перебирается иногда съ лодокъ и съ берега весь таборъ сплошь, окрашивая далеко кругомъ въ красный цветъ рѣчную воду кровью бѣдныхъ животныхъ. Эта охота, такъ называемый „плавъ“, теперь сильно сократилась.

На лося и оленя повсюду ставить лажимые снаряды и сторожевые самострѣлы, роютъ ямы, иногда строятъ длинныя изгороди, въ которыхъ и помѣщаются отъ 50 до 300 луковъ-самострѣловъ. Лосей еще подкарауливаютъ у воды и подстрѣливаютъ изъ засады. Но самое ожесточенное избѣженіе идетъ весною; оно называется „по насту“; верхний слой снѣга подтаиваетъ отъ весеннихъ лучей и, замерзая ночью, образуетъ изъ себя хрупкій ледяной покровъ; по этому мерзлому снѣгу охотникъ на лыжахъ передвигается очень быстро, а лось постоянно проваливается и вязнетъ; такимъ образомъ онъ выбивается изъ силъ, и ни одинъ звѣрь не уйдетъ отъ людей, которые его убиваютъ дубинами, не трата ни одного ружейнаго заряда. Теперь охота „по насту“ считается запрещенной, но, такъ какъ въ этой охотѣ заинтересовано само начальство въ деревняхъ и селахъ, то оно сквозь пальцы смотритъ на всѣ нарушенія закона. Лось страшно силенъ; иногда загнанный и обозленный, онъ въ отчаяніи бросается на своего преслѣдователя, старается удирить его своими рогами и иногда даже убиваетъ его.

Царемъ сибирской тайги считаютъ медвѣдя. Всюду возможно повстрѣчаться съ нимъ, и эта встрѣча для людей часто кончается очень неизвестно, потому что звѣрь ихъ свободно задираетъ.

Охотниковъ, которые рѣшаются итии на медвѣдя, сибиряки уважаютъ и называютъ храбрецами; это, дѣйствительно, народъ смѣлый, и промыселъ имъ даромъ не обходится. Въ лѣсной полосѣ нерѣдко встречаются охотники-инородцы, убившіе на своеи вѣку до 50 медвѣдей. Несмотря на весь свой опытъ, они все-таки не застрахованы отъ смерти, и многие изъ нихъ кончаютъ свою жизнь подъ когтями медвѣдя, въ его желѣзныхъ объятіяхъ.

Ходить на медвѣдей и съ рогатиной и съ ружьемъ—съ ружьями охотятся вообще на всякую дичь въ Западной Сибири даже инородцы. За шкуру берутъ рублей 6—12. Медвѣдь портитъ хлѣбъ, давить скотъ, ломаетъ амбары съ кедровыми орѣхами и брусицей. Все это заставляетъ сибиряковъ, несмотря на опасность, вести съ нимъ постоянную борьбу.

Такъ же непрерывно воюютъ съ этимъ хищникомъ и инородцы, боящіеся медвѣдя и видящіе въ немъ злого духа.

Постоянно промышляютъ въ лѣсной полосѣ рябчиковъ, куропатокъ, тетеревовъ, глухарей, перепелокъ, утокъ, лебедей, гусей и другихъ птицъ, живущихъ въ урманахъ, прибрежныхъ кустарникахъ и камышахъ. Сибиряки ставятъ огромныя сѣти, силки, стрѣляютъ изъ ружей. Больше всего ловить и бить рябчиковъ; приходится штука по 200 на каждого охотника въ годъ; продаютъ ихъ по 10—40 копеекъ пары.

Разной птицы ежегодно въ Сибири уничтожаютъ сотни тысячъ, можетъ-быть, миллионы штукъ. Ихъ не только убиваютъ, но даже Ѣздятъ по болотамъ и рѣчнымъ зарослямъ и тамъ собираютъ утиные и гусиные яйца.

Но звѣри и птицы бѣгутъ отъ человека, и ему, чтобы ихъ настигнуть, приходится много потрудиться и далеко заходить отъ своихъ деревень и сель. Для удобства русскіе охотники осеню, когда начинается лучшая охота, по пѣскольку человѣкъ соединяются между собою въ артель, запасаясь всемъ необходимымъ; берутъ винтовки, порохъ, свинецъ, топоры и ножи; неизменно лыжи и салазки; съ собою ташатъ провіанта на каждого человѣка: одинъ или полтора пуда ржаныхъ сухарей, шесть фунтовъ листового табаку и кирпичъ чая. Одѣваются охотники въ короткіе суконные запуны, онучи, суконные чулки, бродки и окутываются поги поверхъ всего пропитанными детемъ сыромятными кожами. Уходя на промыселъ охотники ставятъ въ лѣсной глухинѣ деревянныя избушки съ плохими печами, которыя дымятъ и покрываютъ коштою потолки и стѣны. А если приходится забираться еще дальше и переходить съ места на место, живутъ они еще хуже; располагаются станомъ, устраивая палашіи изъ жердей и бересты, и отсюда предпринимаютъ свои облавы. Но пѣскольку дней и недѣль подъ рядъ охотники спятъ, зарывшись въ сиѣгу, каждую минуту подвергая свою жизнь опасности погибнуть или отъ медвѣжихъ лапъ, или отъ морозовъ и бурановъ; они Ѣздятъ полусырыхъ блокъ и зайцевъ, заболеваютъ цингой, тифомъ. Многіе изъ нихъ не возвращаются въ станъ, да ихъ товарищи и не ищутъ; гдѣ

туть сыскать въ этихъ густыхъ чащахъ и глубокихъ сугробахъ! Всю добычу артель раздѣляетъ между собою поровну и за безцѣнокъ продасть скupщикамъ.

Инородцы на охоту уходятъ семьями, съ женами и дѣтьми, везя на санихъ, собаками, всю свою утварь. Это еще линия обуза въ дѣль; зато женщины инородческія охотятся не хуже мужчинъ и прекрасно стрѣляютъ изъ ружей. Много помогаютъ инородцамъ ихъ охотничыи собаки, которая на каждого звѣри лаютъ особымъ образомъ и показываютъ этимъ своему хозяину, за кѣмъ ведутъ охоту.

Лѣсъ кормить крестьянъ не только своимъ населенiemъ — животнымъ царствомъ; его густая нетронутая заросли представляютъ изъ себя цѣнныи, неисчерпаемыи богатства строевого материала и топлива; лѣсъ особенно необходимъ въ этихъ суровыхъ краяхъ, гдѣ зима длиннѣе лѣта, а ся морозы жестоки и трескучи.

Села и города, лежаще въ лѣсной полосѣ и въ соѣдниихъ южныхъ областяхъ, постоянно нуждаются въ деревѣ для постройки новыхъ зданий и отоплениія; сильно поглощаетъ лѣсъ желѣзная дорога; пароходы отапливаются дровами и ежигаютъ ихъ видимо-невидимо. Всё дерево идетъ изъ лѣсной полосы, потому что въ земледѣльческой лѣсе уже все сведены. Поставка лѣсного материала даетъ работу многимъ нуждающимся мѣстнымъ жителямъ. Вдоль рѣкъ поставлены лѣсные склады и запасные магазины, куда свозятся изъ глубины урмановъ дрова и лѣсъ. Заготовка — дѣло рискованное и берутся за него только зажиточные крестьяне или промышленники, которые и берутъ съ него главный барышъ, но,

въ качествѣ дроворубовъ, пильщиковъ и т. д. на лѣсныхъ промыслахъ работаетъ всякий. Близи отъ большихъ городовъ крестьяне и на свой рискъ возятъ въ городъ возы дровъ. Такъ дѣлаютъ, напримѣръ, деревенскіе жители около Томска, зарабатывая такимъ путемъ въ годъ линий 50 р. на каждый дворъ.

Въ урманахъ, стоящихъ недалеко отъ человѣческихъ селений, добываютъ смолу, деготь, уголь, собираютъ ягоды — бруслику и клюкву. Смолу выкуриваютъ изъ березы, растущей по опушкамъ, но, главнымъ образомъ, изъ смолистыхъ частей сосновыхъ деревьевъ. Деготь гонять въ ямахъ, почти нигдѣ не ставя печей. Бруслику выходить искать въ августѣ, собираясь цѣлой деревней въ одинъ и тотъ же день; родится она въ сосновыхъ борахъ очень хорошо, и въ урожайные годы собираютъ на семью отъ 80 до 100 пудовъ ягоды, стоящей на мѣстѣ 50—80 к. пудъ; отсюда ее въ замороженномъ видѣ отправляютъ на югъ; чрезъ 7—8 лѣтъ брусличинка опаливается, чтобы ягода родилась лучше. Клюкву ищутъ въ моховыхъ болотахъ урмана.

Но самое прибыльное занятіе доставляютъ сибиряку кедровая роща — кедровники. Въ нихъ крестьяне во множествѣ добываютъ кедровые орѣхи. Сборъ орѣховъ происходитъ по всей Сибири, но больше и удачнѣе всего этимъ промысломъ занимаются въ лѣсной полосѣ Западной Сибири. Населеніе здесь гуще, чѣмъ въ восточной, и потреблять орѣхи хищно, какъ попало, уже невозможно.

На сучьяхъ кедроваго дерева сидятъ большія шишки, полныя маленькими, черными орѣшками съ маслянистымъ бѣлымъ ядромъ. Это и есть

кедровые орехи. Сибиряки очень любят эти орехи, которые для нихъ то же, что для российскихъ жителей подсолнухъ. Тамъ ореховъ грызутъ такъ много и постоянно, ими щелкаютъ такъ ловко, что называютъ это занятіе „сибирскимъ разговоромъ“.

Кедровники принадлежать казнѣ, но между ними есть и такие, которыми владѣютъ крестьяне и инородцы; у каждого свои. Сибиряки своими кедровыми рощами распоряжаются сообща всѣмъ селомъ, а то и иѣсколькими селами за разъ, если кедровники очень велики. Инородцы же дѣлятъ рощи между родами и семьями. Кедровые лѣса бываютъ иногда огромны, раздѣляясь между собою трудно проходимыми болотами; есть кедровники, занимающіе силы до 10.000 десятинъ.

Собираютъ орехи иногда иѣсколько разъ въ годъ. Въ опредѣленное время, начиная съ конца июля или начала августа, цѣлые деревни: и мужики и бабы, и старь и малъ, верхомъ и на конѣ, большими караванами двигаются въ кедровники, запасшись колотушками на длинныхъ шестахъ. Этими колотушками сибиряки стучать по древеснымъ стволамъ; отъ ударовъ содрогаются кедры, покачиваются ихъ раскидистыя вершины и сыплются съ нихъ сѣлья пишки.

По стволы кедровъ бываютъ очень высоки, и приходится людямъ иногда лѣзть наверхъ, чтобы ударъ достичь до вершины и расщепить вѣтви. Забираются по ровному кедровому стволу съ помощью деревянныхъ крючковъ—„кошекъ“, надѣваемыхъ на ноги; этотъ способъ добычи кедровыхъ ореховъ называется „лазомъ“. Огнь очень опасенъ, и не мало такихъ лазковъ обрывается

сверху и разбивается о землю вдребезги. Съ дерева на дерево перебираются, часто не слѣзая внизъ, а зацепившись за сучья соѣднихъ кедровъ. Въ то время какъ одинъ сшибаютъ пишки, а другіе ихъ подбираютъ, треты строятъ шалаши-амбары, куда собирашія пишки и сносятъ. Тамъ огнь слегка загниваютъ, какъ говорятъ сибиряки, „портятся“, чтобы орехи можно было легче выбить валькомъ изъ шелухи пишечъ. Отѣянные орехи или выносятся изъ лѣсу въ мѣшкахъ, или лежать на мѣстѣ до зимы, когда ихъ и вывозятъ на санихъ. Дома ихъ моютъ и просѣиваютъ. Сборъ идетъ мѣсяца два. Поздно осенью пишки опадаютъ сами, а весною ихъ подбираютъ.

Въ хорошие, какъ говорятъ, „орѣшные“, годы каждый лазокъ съ двумя помощниками собираетъ до 100 пудовъ ореховъ; на каждый дворъ вообще приходится пудовъ 50, а при большой семьѣ такъ и 100. Весь собранный орехъ, который не идетъ на домашнее употребленіе, продаютъ скучицамъ. Они всѣми силами стараются понизить цѣну, но все-таки плата стоитъ хорошая: отъ 1 р. 80 к. до 3 р. 50 к. за пудъ. Чѣмъ дальше къ востоку, тѣмъ орехи цѣнятся дороже, но добываются ихъ больше, почему и заработокъ отъ нихъ становится еще прибыльнѣе. Ежегодно въ лѣсной полосѣ собираютъ тысячу трехста пудовъ ореховъ, большие чѣмъ на миллионъ рублей. Многія кедровые рощи до сихъ поръ еще остались сибирякамъ неизвѣстны, потому что добраться къ нимъ очень трудно, иѣ никакихъ дорогъ. Но кедровые сборы не всегда бываютъ одинаково доходны; большия урожаи ореховъ случаются одинъ разъ въ 10—15 лѣтъ. Въ послѣдніе годы неурожай сдѣлались очень

часты. Кедровники еще давно начали рѣдѣть, потому что сибирики прежде, добывая орѣхи, рубили всѣ деревья подъ рѣдѣ; хотя теперь этотъ хищническій способъ въ Западной Сибири почти оставили, но рощи гибнутъ отъ другихъ причинъ; прежде всего отъ частыхъ пожаровъ. Нинки выклевываетъ птичка-кедровка подъ называемъ „ронжа“; въ некоторыхъ мѣстахъ нинка держится на вѣткахъ очень слабо, она спадаетъ на землю, гдѣ ее истребляютъ различные животныя, потому что до орѣховъ лакома не одна бѣлка.

Кедровымъ промысломъ занимаются и русскіе и инородцы, потому что онъ очень легокъ и выгоденъ. При сборѣ орѣховъ всѣмъ находится дѣло: и мужчинамъ и женщинамъ, и старикамъ и дѣтямъ. Если бы имъ занимались какъ подсобнымъ дѣломъ, то это было бы очень хорошо и облегчало бы крестьянское хозяйство, но въ погонѣ за легкой наживой сибирики совсѣмъ забрасываютъ землю и занимаются только кедровниками. Это ремесло портить населеніе, потому что пріучаетъ къ безнечности и надеждѣ на легкую, богатую добычу; сибирики втягиваются въ долги и отвыкаютъ отъ серьезнаго прилежащаго труда. Промышленная земледѣліе на кедровый промыселъ, крестьяне совершаютъ плохую сдѣлку, потому что земля хоть и не такъ богата вознаграждаетъ за трудъ, зато отъ нея доходъ болѣеѣрный и правильный. Сборщикъ же орѣховъ всегда находится въ рукахъ случая, и можетъ случиться, что при неурожаѣ онъ не получитъ и одного рубля заработка.

Какъ въ лѣсистыхъ частяхъ земледѣльческой, такъ и въ лѣсной полосѣ крестьяне занимаются

кустарнымъ ремесломъ. Изготавливаютъ деревянныя издѣлія: телѣги, мебель и проч. Всюду въ лѣсной полосѣ распространено рогожко-мочальное производство. Въ мѣстахъ, богатыхъ кедромъ, приготовляютъ масло изъ кедровыхъ орѣшковъ. Хорошо идеть продажа сѣтей и другихъ снастей, необходимыхъ для рыболовства, потому что въ лѣсной

Смолокуреніе.

полосѣ и особенно въ сосѣдней єїверпой — въ полосѣ тундры живетъ масса рыболововъ.

Рѣки лѣсной полосы богаты рыбой. Многія инородческія племена, живущія по Оби, только и занимаются рыболовствомъ, но большинство населенія примѣшиваютъ рыболовство къ охотѣ и къ другимъ занятіямъ. Только на крайнемъ єїверѣ лѣсной области въ нижнемъ течении Оби, гдѣ невозможно уже земледѣліе, а охота пропа-

дастъ уменьшениемъ лѣсовъ и травъ, и въ полосѣ тундры рыболовство—самый серьезный, а иногда и единственный промыселъ населенія.

Все, что послѣ огромныхъ трудовъ, лишений и опасностей удастся сибиряку и инородцу раздобыть отъ суровыхъ урмановъ и тайги, въ концѣ концовъ, попадаетъ въ руки скучниковъ и куп-

Приготовление корзинъ изъ сосновой дранки.

цовъ. Такъ какъ дороги въ лѣсной полосѣ совсѣмъ плохія, — во многихъ мѣстахъ люди сообщаться между собою могутъ только въ пѣ-которые времена года, а остальное время сидятъ отрезанные отъ всего мира; наконецъ и пароходы по рекамъ ходятъ кое-какъ, а ихъ хозяева не только что съ товаромъ, но и съ пассажирами совсѣмъ не церемонятся, — поэтому сибиряки не могутъ оградить себя отъ произвола и хищничес-

Рыбопромышленное заведеніе на р. Оби.

ства купцовъ и продаютъ свой товаръ за безцѣнокъ. Если скунщикъ самъ не явится къ охотнику или не приѣдетъ на ярмарку и не скупить товаръ, то его промышленнику все равно сбыть съ рукъ некуда. Купцы проникаютъ во всѣ уголки урмановъ и забираютъ оттуда всѣ богатства лѣсной Сибири; на пароходахъ, лодкахъ и саняхъ разыѣзжаютъ представители крупныхъ купцовъ и мелкіе скунщики и сбываются, сколько могутъ, цѣну на товары. Самы звѣропромышленники-охотники давно уже въ долгу у скунщиковъ; они забрали у купцовъ впередъ въ счетъ будущей добычи за дорогую цѣну порохъ, патроны, соль, одежду и другие припасы, необходимые въ хозяйстѣ, которыми торгуютъ скунщики. Особенно тяжело приходится инородцамъ, которыхъ еще обжигаютъ самы наглымъ образомъ. Въ конѣ-концовъ, сами труженики-звѣропромышленники попадаютъ въ полную кабалу пауковъ-купцовъ.

Сидя гдѣ-нибудь въ Томскѣ или Тобольскѣ, купцы вытягиваютъ къ себѣ все, что добыто трудомъ и лишениемъ чужихъ рукъ, и везутъ продавать свой выгодный товаръ на Ирбитскую ярмарку и въ Москву, откуда отправляются сибирскія богатства за границу. Чрезъ одинъ Челябинскъ, станцію Великой Сибирской желѣзной дороги, въ 1899 г. провезли въ Россію 66.000 пудовъ битой дичи и 102.000 пудовъ кедровыхъ ореховъ, — а это еще для нихъ былъ неурожайный годъ! Кромѣ того, часть товаровъ, особенно пушной, или мимо желѣзной дороги по сибирскимъ рѣкамъ чрезъ Тобольскъ и Тюмень, оттуда по желѣзной дорогѣ въ Пермь и дальше рѣчнымъ путемъ по Россіи.

Плохіи дороги мѣшаютъ населенію лѣсной области воспользоваться выгодами сибирскаго желѣзодорожного пути и, миновавъ крупныхъ купцовъ, сразу обратиться къ покупателямъ въ Россіи и за границей, какъ это дѣлаютъ уже сибиряки, живущіе въ земледѣльческой поселѣ.

Тобольскъ.

Лѣса теперь съ каждымъ годомъ уменьшаются. Они сгораютъ, падаютъ подъ тоноромъ земледѣльца и лѣсопромышленника. Охота становится труднѣе и рискованнѣе; зѣви мрутъ отъ голода или, скрываясь отъ истребленія человѣкомъ и пожаромъ, отступаютъ къ востоку въ такую глухину, куда охотнику съ его ружьемъ и силкомъ уже не пробраться. Нечезаютъ кедровники и чаще

становятся неурожай ореховъ. Вмѣстѣ съ гибелю лѣсовъ и животныхъ падаютъ и промыслы населенія лѣсной полосы Западной Сибири.

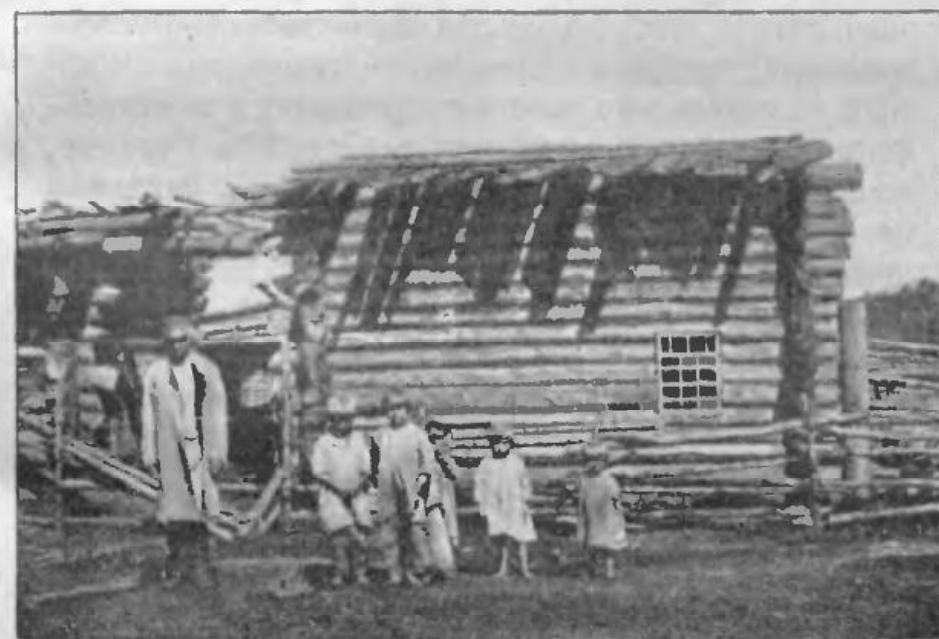
3) Населеніе: русскіе, инородцы, вогулы, остыки. Положеніе инородцевъ.

Въ лѣсной полосѣ русскихъ живеть уже не много. Русскіе переселенцы — это земледѣльцы; поэтому они и заняли южныя степнныя мѣста по обѣимъ сторонамъ теперешней желѣзной дороги, гдѣ для хлѣбопашства бытъ недавно еще полный просторъ. Тамъ они, вытѣснивъ инородцевъ къ сѣверу, стали полными хозяевами и работниками на землѣ. Совсѣмъ иное дѣло въ лѣсной полосѣ; здѣсь тайга и урманы, въ которыхъ земледѣльцу, да еще плохому и темному, какъ нашь русскій переселенецъ, дѣлать почти нечего. На югѣ лѣсныхъ пространствъ они еще кое-какъ хлѣбопашствуютъ, вырубая деревья и осушая болота; но эта тяжелая работа вообще имть не по плечу. Да и то одна земля не прокормить крестьянина.

Поэтому русскому населенію лѣсныхъ пространствъ выгоднѣе устроиться иначе. Если они выживали инородцевъ съ юга, занимая ихъ земли, то тутъ русскіе стараются извлечь пользу отъ сосѣдства съ инородцами. Иногда цѣлые деревниѣѣдѣть къ инородцамъ и скучаютъ у нихъ товаръ, сильно наживаясь на ихъ счетъ. Въ рукахъ русскаго населенія и ружья съ порохомъ, и всякия соблазнительныя для совсѣмъ темныхъ инородцевъ товары, и главное — водка. Владѣя всемъ этимъ, русскіе сѣдѣались на сѣверѣ Западной Сибири полными хозяевами труда и

даже жизни инородцевъ; тутъ русскіе уже не столько хозяева-работники, подобно тому, какъ это мы видѣли въ земледѣльческомъ краѣ, сколько хозяева-притѣснители.

Земледѣльцы лѣсной полосы уже не пользуются тѣмъ достаткомъ, который выпалъ сибирякамъ сосѣдней южной полосы. Хотя мѣстное хлѣ-

Новоселы въ лѣсной местности.

бопашество и ровище, безъ большихъ неурожаевъ, но оно не прокармливаетъ крестьянъ, и они становятся промышленниками. Русскимъ приходится близко подходить къ инородцамъ, перенимать у нихъ приемы борьбы съ суровой природой, учиться хитрить съ осторожнымъ зѣремъ, выслѣживать его и ловить. Чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ больше русскіе занимаются лѣсными промыслами.

Характеръ сибиряковъ лѣсной полосы болѣе суро-
вый и предпріимчивый, чѣмъ у степныхъ жителей
Сибири. Отъ продолжительной жизни въ лѣсахъ и
отъ постоянной борьбы съ природой и малоялодород-
ной землей коренное сибирское населеніе этой поло-
сы стало грубымъ и настойчивымъ. Часто обманывая
инородцевъ, сѣверные сибиряки привыкли вообще
къ хитрости и осторожности въ обращеніи, кото-
рая стала ихъ главнымъ качествомъ. Русское
населеніе, поддаваясь влиянию инородцевъ, нача-
ло отвыкать отъ многихъ привычекъ и потреб-
ностей, свойственныхъ ему прежде. Въ Сургутѣ,
одномъ изъ городовъ лѣсной полосы, сибиряки
не знаютъ, какъ пилить бревна, а женщины и
попятія не имѣютъ о пряжѣ. О хлѣбонашестіѣ
тамъ слышали по разсказамъ, и одному пустыннику сургутине говорили: „Всю жизнь
хлѣбъ Ѵдимъ, а не знаемъ, изъ чего мука дѣ-
ляется!“ Но влияние близости къ инородцамъ
сказалось не только въ характерѣ, но и въ бытѣ,
даже видѣніи видъ, отъ частаго смѣшанія русской
крови съ инородческой, измѣнился мѣстами очень
замѣтно. Потомство у русскихъ получается смуглое,
черноволосое и черноглазое, хотя иногда
съ очень пріятными и даже правильными чертами
лица. И чѣмъ дальше въ глушь, тѣмъ замѣтнѣе
мѣняется видъ сибиряка. Въ Западной Сибири
русскія лица съ инородческимъ видомъ называ-
ются „калмыковатыми“.

Въ лѣсной полосѣ города становятся совсѣмъ
рѣдки, и при этомъ они очень мало отличаются
отъ деревень. Нарымъ, Сургутъ и Березовъ—вотъ
и все города лѣсного края; изъ нихъ Березовъ
лежитъ даже на границѣ между лѣсами и тун-
драми. Сургутъ, напримѣръ, представляеть изъ

себя горсточку почернѣвшихъ отъ времени до-
мовъ, пріотившихъ на обрывистомъ берегу Оби,
вокругъ ветхой небольшой православной церкви.
Вотъ и все! Ничѣмъ отъ Сургута не отличаются
и Нарымъ съ Березовымъ; это тѣ же запущен-
ныя, глухія села, куда изъ сколько разъ въ годъ
съезжаются инородцы и окрестные жители для
закупки товаровъ и продажи пушинъ или рыбы.
Для этого въ Сургутѣ устраивается ярмарка.
Нарымъ во время наводненій заливается водой и
по улицамъ жители Ѵдятъ на лодкахъ.

И здѣсь, въ лѣсной полосѣ, какъ и во всей
Западной Сибири, русское населеніе растетъ и
распространяется по рѣчнымъ берегамъ, клиномъ
проникая между лѣсами и дебрями, гдѣ переме-
жается съ инородческими поселками.

Первые инородцы, съ которыми прежде дру-
гихъ столкнулся Ермакъ, были вогулы. Они и
прежде и теперь ближе всѣхъ живутъ къ Россіи
по склонамъ Уральскихъ горъ лѣсной полосы.
Всего ихъ около 5.000 человѣкъ.

Вогулы среднаго роста, коренастаго тѣлосло-
женія. Ихъ лица круглые и скулы немнogo вы-
ступаютъ впередъ; носы хотя и широкіе, но не
плоскіе какъ у татаръ. Глаза круглые и не ма-
ленькие; волоса темно-русые, даже бываютъ
свѣтлые; вогулы часто заплетаютъ ихъ въ косы.
Вся ихъ приземистая фигура, съ слегка кривыми
ногами, производить бодрое, здоровое впечатлѣ-
ніе. У нихъ нѣтъ и слѣда той вялости, которая
проглядываетъ въ каждомъ движеніи другихъ
инородческихъ племенъ Западной Сибири.

Вогулы—зѣрловы, рыболовы и отчасти оле-
неводы, но главное ихъ занятіе все—таки
зѣрловство. Среди инородцевъ они не да-

ромъ слывутъ за первыхъ охотниковъ, прекрасно изучившихъ нравы и уловки животныхъ. Замѣтивъ свою добычу, вогуль ужъ ее никогда не упустить. Больцою силою вогулы похвалиться не могутъ, но зато они выносливы и при всей своей неуклюжесть обнаруживаютъ много ловкости и отваги въ погонѣ на лыжахъ за звѣремъ, или во время рыбной ловли въ не-

Вогульская юрта на р. Соснѣ.

устойчивомъ челнокѣ на гребняхъ волнующейся рѣки. Челноки свои вогулы дѣлаютъ изъ цѣлыхъ стволовъ и осины, выдалбливая ихъ внутренность и расширяя поперечными брусьями, чтобы не коробило. Лодки получаются крайне неустойчивыя. Если бы не нынѣшество, которое среди вогуловъ распространено такъ же, какъ и среди остальныхъ ипюродческихъ племенъ, то вогулы

были бы еще лучшими звѣропромышленниками. Пируютъ не только мужчины, но даже женщины и дѣти.

Вдоль рѣкъ, по возвышеннымъ мѣстамъ, защищеннымъ отъ наводненія, эти ипюродцы ставятъ свои небольшія деревянныя хижинки-юрты, крытые корой или тесомъ. Въ нихъ вогулы про-

Летняя берестяная юрта (на р. Вахѣ).

водятъ зиму, а на лѣто перебираются въ юрты-лѣтники, сдѣланыя изъ бересты. Несколько такихъ хижинъ—три-четыре жилища уже составляютъ селеніе, называющееся на языкѣ вогуловъ „поуломъ“. Обыкновенно каждое новое поколѣніе строитъ новую юрту. Такимъ образомъ растетъ „поуль“.

Вдѣль вогулы лѣсную дичь и рыбу, накладывая пищу въ посуду, сдѣланную изъ бересты. Только для варки идутъ глиняные горшки; вся остальная утварь деревянная.

Вогулы одного происхожденія съ остыками. Между ними большое сходство. Русскіе знали о вогулахъ еще раньше, чѣмъ Ермаку и казакамъ пришлось выдержать съ ними первое кровопролитное сраженіе. Свое название вогулы получили отъ другихъ соѣдніхъ инородцевъ—зырянъ, на языкѣ которыхъ вогуль значить „дикій“. Но они теперь совсѣмъ уже не такие дикіе, какими были раньше. Среди инородцевъ вогулы больше другихъ поддали подъ влияніе русскіхъ и переняли у нихъ много привычекъ и обычаевъ. Хижинъ свои вогулы начали строить такъ же, какъ и русскіе; внутри имѣется и поль и потолокъ; въ окна вставляютъ стекла. Безъ хлѣба и безъ соли вогулы, живущіе южнѣе, совершенно обойтись не могутъ. Живутъ они вообще гораздо чище, чѣмъ ихъ соѣди—самоѣды и остыки. До сихъ поръ во многомъ они сохранили свои собственныя понятія и обычай. Напримеръ, разстояніе ими измѣряется оленымъ бѣгомъ, т.-е. тѣмъ пространствомъ, которое можетъ пробѣгать олень безъ отдыха; болѣе длинные концы считаются дневнымъ переходомъ на лыжахъ; короткіе промежутки времени мѣрять варкой пищи, считая за единицу время промежутка, необходимый для того, чтобы сварить въ котлѣ пищу.

Другое племя одного происхожденія съ вогулами—это остыки. Ихъ насчитываютъ всего въ Западной Сибири около 20.000, изъ которыхъ большая часть поселилась въ лѣсной полосѣ, а остальная—среди сѣверныхъ тундръ. Раздѣляются

остяки на сѣверныхъ—въ Березовскомъ округѣ, восточныхъ—въ Сургутскомъ и Нарымскомъ и на юго-западныхъ или Иртышскихъ въ сѣверной части Тобольского округа. Остыки и вогулы принадлежать къ угро-фишскимъ народностямъ. Когда-то у остыковъ и вогуловъ былъ общий языкъ, но со временемъ онъ у каждого племени слегка измѣнился. Слова произносятъ остыки и

Лининские вогулы (сзади видна хижина).

вогулы мягко, приспѣтывая, шепелявя и слюсюкая. Остыки говорятъ не на одномъ нарѣчіи; въ разнахъ мѣстахъ у нихъ есть свои небольшія отличія въ произношеніи и словахъ. Вогулы и остыки часто называютъ себя одинаково—„моңс“ или „моңсъ“. Название „остякъ“ объясняется двоякимъ образомъ: или съ остыцкаго слова „асъякъ“, что значитъ „народъ Оби“,

или съ татарскаго слова „уштаикъ“, обозначающаго „варваръ“.

Остяки разселились вдоль рѣчныхъ береговъ, по опушкамъ и прогалинамъ; ихъ поселки теперь повсюду встречаются на берегахъ Оби и Иртыша, откуда остяковъ еще не успѣли вытѣснить русскіе. Раньше это племя жило гораздо западнѣе, тамъ, гдѣ теперь остались vogулы. Вѣроятно, и тѣ и другіе попали въ Сибирь изъ Россіи, откуда ихъ очень давно вытѣснили славяне и другія племена, постепенно проникавшія на сѣверъ Европы. Сталківаясь съ русскими еще за долго до покоренія Сибири, остяки уходили отъ нихъ вліянія. Московскіе священники всегда старались подействовать на восточныхъ язычниковъ и обратить ихъ въ христіанство; миссіонеры ходили къ инородцамъ съ проповѣдью православія. Но язычники бѣжали отъ этихъ пастырей; на Руси во времена московскихъ царей и даже много позже ихъ права были такие жестокіе и грубые; люди, даже священники, такъ привыкли къ насилию, что и эти проповѣдники водворяли среди язычниковъ христіансскую вѣру не столько смиреніемъ и примѣромъ, сколько грубой силой. Христіане-русскіе, бывши на глазахъ у инородцевъ, вели жизнь распущенную, развратную, совѣсъ не христіанскую. Когда среди остяковъ пошла татарская проповѣдь магометанства, то она оказалась гораздо счастливѣе христіанства, и инородцы массами переходили изъ язычниковъ въ магометанскую вѣру, такъ что теперь въ Западной Сибири есть много совершенно отатарившихся остяковъ, настолько отатарившихся, что ихъ и за остяковъ никто не считаетъ. Отъ православія же они бѣжали съ Урала все дальше

Сургутские приобскіе остяки.

на востокъ. Это бѣгство еще усилилось съ тѣхъ порь, когда въ Сибирь двинулись казаки утверждать огнемъ и мечомъ русское могущество въ полюсныхъ странахъ.

Съ собою русские приносили инородцамъ гибель. Они накладывали на остяковъ такія тяжелыя подати — „ясакъ“, которыя отказывались уплачивать даже эти напуганные, беззащитные люди. За „бунты“ и „непокорность“ ихъ, конечно, жестоко казнили. Покорители съ инородцами обращались по-звѣрски, отнимая ихъ имущество силой или нагло обманывая при торговлѣ. Ихъ спаивали водкой, заражали всевозможными болѣзнями, о которыхъ инородцы раньше и понятія не имѣли: осипой, тифомъ, сифилисомъ и такъ далѣе; отъ нихъ остатки гибли массами, гибнутъ и до сихъ порь. Воеводы и правители сибирскіе посыпались русскими царями на востокъ съ полной, неограниченной властью; и если надъ русскимъ населеніемъ воеводы и губернаторы чинили насилия, то съ инородцами они обращались безъ зазрѣнія совѣсти. Дѣло доходило до того, что крестившихся инородцевъ брали себѣ въ кабалу точно рабовъ. Много выпадало бѣдъ на голову несчастныхъ остатковъ отъ этого ига начальства, проповѣдниковъ, купцовъ, казаковъ и даже простыхъ поселенцевъ.

Теперь остатки — это жалкий, темный и забитый народецъ, покорный своей судьбѣ и готовый переносить все, что бы ни исходило отъ русскихъ. За 100 лѣтъ это племя не двинулось ни на шагъ впередъ.

Большинство остатковъ на бумагѣ считаются христіанами, а на самомъ дѣлѣ все они сохранили свои прежніе языческие обычай и суевѣрія.

Остяки-православные не только не знаютъ главныхъ христіанскихъ догматовъ и не понимаютъ, во что это они вѣрятъ, но даже не исполняютъ необходимыхъ требъ: ни крещенія, ни брака, ни погребенія. Церкви и священники обыкновенно далеко отъ остатковъ, такъ что и при желаніи имъ трудно быть исполнительными христіанами. Священники сами разѣзжаютъ среди остатковъ, совершая за разъ всѣ требы надъ давно родившимися, давно женившимися и давно умершими;

Остяки Березовского округа.

въ эти объезды священники главнымъ образомъ заняты сборомъ поборовъ, при чемъ остатки всеми силами стараются обмануть своихъ пастырей и веунуть имъ бѣлку съ попорченой шкуркой и т. д. Не соблюдая христіанскихъ обрядовъ, остатки сохранили свои языческие и смѣшили ихъ съ православными; еще въ старину за новокрещенными инородцами сибирское начальство устранило надзоръ, но какъ эти сыщики-надзиратели ни старались и къ какимъ насилиямъ ни прибегали —

это все плохо помогало. И до сихъ поръ въ убогой головѣ остика все перемѣшалось, и язычество и христіанство. Если разпросить самыхъ смѣтливыхъ среди остиковъ, то окажется, что ихъ вѣра заключается въ слѣдующемъ.

Медвѣдь—это сынъ божій, свергнутый съ неба за гордость. Онь упалъ на землю голымъ и долго пролежалъ между деревьевъ на одномъ мѣстѣ не шевелись; такъ долго онъ лежалъ, что, наконецъ, все его тѣло обросло волосами. Видя все это, богъ, наконецъ, сказалъ: „Будеть тебѣ лежать, ходи хоть медвѣдемъ“. Съ тѣхъ поръ сынъ божій и сдѣлался медвѣдемъ, царемъ сибирскихъ чащъ. Встрѣчаясь съ человѣкомъ, медвѣдь подымается на заднія лапы и спрашивается у бога, нужно ли этого человека задавить? Остики считаютъ медвѣдя всевѣдущимъ и всеслышищимъ, и говорятъ шепотомъ, когда хотятъ что-нибудь отъ него скрыть. Слово „медвѣдь“ они боятся произносить, называя въ своихъ разговорахъ медвѣда „онъ“; совѣтъ такъ, какъ у насъ, иногда въ темныхъ деревняхъ говорятъ о нечистой силѣ. Самыя страшныя клятвы остиковъ произносятся на медвѣжьей лапѣ, медвѣжьимъ именемъ: „Если я не правъ,—говорятъ остики,—пусть медвѣдь задеретъ меня“. Когда московскіе цари хотѣли окончательно покорить себѣ остиковъ, то они заставляли ихъ клясться на медвѣжьей шкурѣ. Клятвопреступникъ твердо уверенъ, что ему не миновать желѣзныхъ объятій медвѣдя; поэтому онъ боится уходить далеко въ лѣсъ и живетъ подъ страхомъ наказанія.

Молитвы инородцевъ очень простыя: „Золотой богъ, мать и отецъ, миѣ звѣря пошли“. Вотъ и все, о чёмъ просятъ остики.

Представления о загробной жизни у остиковъ тоже смутны и первобытны. Они предполагаютъ, что человѣкъ послѣ смерти будетъ нуждаться въ тѣхъ же предметахъ, которые ему необходимы и въ земной жизни. Думая такъ, остики кладутъ въ гробъ къ своимъ покойникамъ одежду, охотничью принадлежность, лыжи, чайникъ, пищу, даже „обласокъ“, т.-е. чепчикъ, на тотъ случай, если покойникъ вздумаетъ вернуться къ своимъ живымъ родственникамъ. Всѣ эти вещи кладутся самого хорошаго качества. Дѣти страшно боятся, что ихъ отцамъ будетъ неудобно путешествовать на томъ свѣтѣ и они за это отомстятъ оставшимся въ живыхъ, потому что тамъ ничего уже нельзя будетъ купить, и купцовъ не встрѣтишь. Чтобы покойникамъ легче было прорицаться чрезъ горы и чащи, имъ на грудь кладутъ ногти, обстриженные при жизни. Эти языческіе обряды исполняютъ даже тѣ остики, которые постоянно живутъ около русскихъ и по видимости стали какъ будто совсѣмъ настоящими христіанами.

Вогулы и остики считаютъ высшаго бога недоступнымъ для себя, поэтому они въ своихъ молитвахъ-жертвоприношеніяхъ обращаются къ меньшимъ богамъ, духамъ. Этихъ духовъ множество; всѣ они живутъ на земль повсюду, и въ животныхъ, и въ деревьяхъ, и въ камняхъ. Поэтому остики устраиваютъ свои моленія предъ животными, деревьями и сдѣлаными идолами въ священныхъ мѣстахъ. Мѣста своихъ молитвъ они стараются скрывать отъ русскихъ. На святые предметы, напримѣръ, деревья, накѣшиваютъ цветные тряпочки, кладутся монеты, чай и проч. Предъ ними убиваютъ оленей, лошадей и съз-

даютъ ихъ мясо тутъ же послѣ жертвоприношения. Остятскія моленія и жертвоприношенія бываютъ очень часто; они молятся, собираясь вмѣсть нѣсколькими семьями и порознь. Во время общественныхъ служеній своимъ духамъ остыки стараются узнать, хороши ли будуть промыслы, или въ чёмъ заключается причина ихъ неудачъ и несчастій. Предъ началомъ охоты и промысла приносятъ жертвы тѣмъ духамъ, которые хождяющаи въ лѣсахъ и рѣкахъ; эти жертвы могутъ быть не только убитымъ звѣремъ, но и трипками, водкой и проч. Остякъ, не принесши ничего въ даръ, съ опаской идетъ на промыселъ: онъ увѣренъ, что его ожидаетъ не только неудача, но даже гибель. Иногда мастерить изъ соломы чучело и сжигаютъ его, обливая предъ сожженiemъ водкой; соломенная кукла считается ангеломъ, который въ видѣ дыма взлетить на небо, и тамъ у бога будетъ просить удачи бѣднымъ, обиженнымъ остыкамъ. Всѣ обряды и моленія сопровождаются пьянствомъ, которое не только не считается порокомъ, но даже смерть въ пьяномъ видѣ, по ихъ понятіямъ, самая блаженная смерть.

Самымъ главнымъ лицомъ въ языческой религіи и въ ея обрядахъ является шаманъ. Этотъ человѣкъ исполняетъ дѣло священника, и вмѣсть съ этимъ остыки считаютъ его святымъ, который только одинъ можетъ имѣть сношеніе съ загробными духами. Шаманъ — и колдунъ и врачи; къ нему обращаются, когда нужно узнать причину несчастія или пропажи какой-нибудь вещи, когда надо вылечить больного. Съ шаманомъ постоянно имѣютъ дѣло и язычники и крещеные инородцы. Даже русское населеніе обращается иногда за

помощью къ шаману. Шаманами бывають не только мужчины, но и женщины. Всѣ эти жрецы такъ же плохо понимаютъ свою вѣру, какъ и простые остыки.

Свои обряды и молитвы шаманъ совершаеть подъ музыку, съ пѣніемъ и пляской. Въ избѣ, почти среди полной темноты, онъ долго сидить на полу, на бѣлой оленьей кожѣ и неподвижно, безмолвно молится. Почти всегда предъ молитвой шаманъ съѣдаетъ сущевый мухоморъ, который его одурманиваетъ. Остыки и самъ шаманъ воображаютъ, что это сходитъ сила небесныхъ духовъ. Потомъ совершишо тушатъ огонь и среди жуткаго ожиданія, съ какимъ инородцы благоговѣйно ждутъ окончанія церемоніи, раздается музыка шамана. Онъ спачала тихо и нѣжно наигрываетъ легкую дробь на бубнѣ, точно комаръ жужжитъ. Но потомъ все громче и нервиче. Дробь растетъ и уже шумитъ какъ буря, раскатывается громомъ, сливается въ одинъ гулъ съ бубенчиками, которые звенять не умолкая. Среди этого шума и треска произительно кричитъ шаманъ, подражая чайкамъ, воронамъ и другимъ дикимъ птицамъ. Нѣсколько разъ шаманъ свои заклинанія начинаетъ сначала, пока ему покажется, что духъ на него снизошелъ. Тогда шаманъ вскаиваетъ и танцуєтъ по юртѣ среди всѣхъ молящихся инородцевъ, при свѣтѣ вновь раздутаго костра. Онъ прыгаетъ и кривится, громко поетъ и безъ-устали бьетъ въ бубень; по его лицу проходятъ судороги, изъ перекошенаго рта бѣжитъ пѣна. Остыки увѣрены, что такимъ образомъ на шамана сходятъ небесные духи, что они сообщаютъ ему все, что нужно: какія причины вызвали болѣзнь, какія жертвы нужны бо-

гамъ, чтобы избавиться отъ несчастья. Остятскій шаманъ поетъ въ заклинаніяхъ о томъ, что онъ съ помощью опущеной съ неба веревки подымается туда; зѣзды, которыя ему заграждаютъ путь, онъ отстраниеть; на небѣ шаманъ плаваетъ въ лодкѣ и па ней же потомъ спускается по рѣчкѣ на землю съ такою быстротой, что вихрь произаетъ его насквозь; затѣмъ, съ помощью крылатыхъ дьяволовъ онъ опускается подъ землю и вступаетъ въ переговоры съ мрачнымъ духомъ „Ама“—съ матерью шамановъ и устраиваетъ такимъ образомъ людское благополучіе, здоровье и прочее.

Такъ какъ сибирики и сами подчасъ прибѣгаютъ къ помощи шамановъ, то въ Западной Сибири русскіе исконечно не презираютъ остыковъ за ихъ язычество. Зато остыки искренно считаютъ себя „христіанами“ и соѣдніхъ восточныхъ инородцевъ тунгузовъ считаютъ „нехристями“ и „дикими“, относясь къ нимъ съ открытымъ презрѣніемъ.

Шаманство и почитаніе медвѣдя развито среди всѣхъ инородцевъ-язычниковъ не только Западной, но и Восточной Сибири. Но, несмотря на почитаніе и страхъ, съ которымъ относятся къ медвѣжьей породѣ, ее всѣ безжалостно избиваютъ и думаютъ, что этимъ творятъ волю своихъ божествъ.

Если внутри медвѣдя отыщется клубокъ волосъ, думаютъ инородцы, значитъ, онъ задралъ человѣка и за это всю тушу, вмѣстѣ со шкурой, надобно сжечь. Убивъ медвѣдя, инородцы приносятъ ему жертву, устраиваютъ вокругъ пляску, подражая его движеньямъ. Этотъ „праздникъ медвѣдя“ существуетъ у всѣхъ инородцевъ. Шкура

убитаго звѣря высоко цѣнится и сохраняется съ поченіемъ.

Жизнь остыцкая такая же простая и бѣдная, какъ и вѣра. Съ виду остыки очень некрасивы: сутуловатые, низкорослые, тщедушные, съ маленькими ногами и длинными руками. Они очень блѣдны и слабосильны, точно заморены. Носы у остыковъ маленькие и широкіе, глаза узкіе; выраженіе лица какое-то задумчивое; съ головы космами спускаются черные, жесткіе, всегда нечесанные волосы; такія же космы разсыпаны по плечамъ. Борода и усы не растутъ, а если покажется чахлая растительность, то ее обыкновенно выщипываютъ. Всѣ они страшно грязны и почти никогда не умываются. Женщины еще неопрятнѣе мужчинъ и лицомъ на нихъ очень похожи; въ зимнихъ костюмахъ, когда остыки съ головы до ногъ закутаны въ шкуры и видно только одно лицо, мужчину трудно отличить отъ женщины. Не только сами остыки, но даже ихъ лошади, которыхъ вообще они держать очень рѣдко, малы и слабосильны, точно игрушечныя. Ледъ, который свободно выдергиваетъ остыка и его лошадку, трескается подъ русскимъ человѣкомъ.

Остыки—народъ не только слабый, но и вялый, неподвижный. Но когда русскіе брали къ себѣ остытскихъ дѣтей, кормили, пили и одѣвали ихъ какъ слѣдуетъ, то маленькие остыки крѣпли, поправлялись и становились живыми ребятишками. Возвращаясь домой, они снова худѣли и превращались въ обычновенныхъ безсильныхъ остыковъ.

Жилища остыковъ очень грязны и бѣдны. Они похожи на хижину вогуловъ, и такъ же, какъ у

иныхъ, называются юртами. Остяки ставятъ свои поселки въ 3—4 хижины на возвышенныхъ мѣстахъ и ярахъ, гдѣ не опасно наводненіе. Зимнія юрты бревенчатыя, крытыя дерномъ или деревомъ. Внутри устроены пары и при входѣ въ углу, обмазанномъ глиной, примостился очагъ—“чуволь”; отъ него подъ потолокъ идетъ прямая желѣзная труба, чрезъ которую, въ отверстіе въ крылѣ улетаетъ дымъ; дыра на крылѣ закрывается кускомъ дерна. Поль земляной, иногда деревянный. Въ стѣнахъ продѣланы маленькия окна, затянутыя пузыремъ или вставленными кусками льда. Лѣтнія юрты строятъ изъ жердей, покрытыхъ берестой, оставляя вверху дыру для выхода дыма. Во время рыбной ловли на низкомъ, ровномъ рѣчномъ берегу, какъ тамъ называютъ, на “пескахъ”, остяки ставить легкіе шалани, закрывая ихъ берестянымъ павѣсомъ съ одной стороны. Эти рыболовныя пристанища имѣютъ совсѣмъ нищенскій видъ.

На деревянныхъ крюкахъ на огонь въ чуволь подвѣщивается жестяная или глиняная посуда для варки пищи. Едятъ остяки, главнымъ образомъ, сырную и варенную рыбу, сырое мясо убитыхъ животныхъ, похлебку изъ муки, жира и мяса, ржаныя лепешки, пить чай. Мука всегда покупная.

Лепешки, напримѣръ, пекутъ слѣдующимъ образомъ: остячка на голой колѣнѣ, прямо на немытомъ тѣлѣ, начинаетъ мѣсить прѣсное тѣсто; каждую лепешку она приклеиваетъ слюнами къ деревянной лопаточкѣ, которую ставить надъ огнемъ очага. Когда тѣсто начинаетъ пузириться, повариха, поклевывая на руки, приглашиваетъ лепешку. Во время стряпни остячка тѣми же

руками продолжаетъ ковыряться въ головѣ, вылавливаетъ оттуда насѣкомыхъ и скигаетъ ихъ въ очагъ.

Въ жильѣ стоитъ воючій воздухъ и страшная грязь. Пища часто бываетъ испорченная. Бѣднымъ, голоднымъ остякамъ не приходится выбирать, и чтобы не умереть съ голоду, они радъ даже гнилой пищи. Въ Сургутѣ русскіе выбираютъ порченую рыбу за городъ, остяки же ее подбираютъ и съѣдаютъ. Мясо такъ же, какъ и рыбу, часто єдятъ сырьимъ. Они очень долго могутъ терпѣть голодъ, но когда добираются, наконецъ, до пищи, то умѣютъ наѣдаться такъ, что дышать силъ не хватаетъ. Голодъ среди остяковъ царствуетъ постоянно, но иногда онъ бываетъ особенно сильнымъ. Напримѣръ, лѣтъ 12 тому назадъ остяки вымирали сразу сотнями.

Одѣваются они очень плохо, или добывая себѣ одежду у русскихъ, или сшиваю ее изъ бѣлыхъ и оленыхъ шкуръ. Путешественники рассказываютъ, что остяки ходятъ прямо въ лохмотьяхъ.

Вообще остяки неумѣлы и нехозяйственны. Совсѣмъ взрослая дѣти, неумѣющія заботиться о своихъ выгодахъ. Въ послѣднее время жители некоторыхъ остяцкихъ поселковъ, стоящихъ недалеко отъ русскихъ, начинаютъ подражать имъ правамъ. Остяки перенимаютъ русскую одежду изъ привознаго фабричнаго товара, строятъ свои избы по нашему образцу. Пиджаки, жилеты и брюки на выпускъ такъ и нестряпть на широкихъ. Кое-гдѣ по праздникамъ даже слышны звуки гармошки. Нѣкоторые хозяйственныя остяки ставятъ амбары для запасовъ и снастей, строя ихъ на высокихъ столбахъ, чтобы защитить отъ звѣрей.

Въ дикихъ и пустынныхъ краяхъ, гдѣ живутъ остыки, не легко чему-нибудь научиться. Многіе русскіе совсѣмъ не стараются помочь бѣднымъ остыкамъ. Имъ даже выгодно, что инородцы ничтѣмъ, кромѣ охоты зимой и рыбной ловли и кедроваго промысла лѣтомъ, занимаются не приспособлены. Остыки неумѣлы и темны во всемъ. Лѣчатся, напр., они, смазывая жиромъ убитаго олена большая мѣста, или же шаманъ прикладываетъ къ нимъ свой ротъ и дѣлаетъ видъ, будто вытаскиваетъ что-то зубами, иногда даже вынимаетъ черви, книзу или жилу, что должно изображать вытащенную изъ человѣка болѣзнь.

У этихъ инородцевъ нѣть своей азбуки. Они очень любятъ пѣть, по бѣдны и однообразны мотивы ихъ совсѣмъ, а слова совсѣмъ дѣтскія. Плыть себѣ по рѣкѣ остыкъ въ легкомъ, неустойчивомъ обласкѣ, помахиваетъ однимъ весломъ и напѣваетъ:

Лодка моя,
Берегъ мой,
Рѣка моя,
Солнце мое и т. д.

Все, что имъ попадается ему на глаза, называетъ своимъ, тянуть заунышную поту и счастливъ. Среди сѣверныхъ кочевыхъ остыковъ многіе занимаются разведеніемъ оленей. Эти инородцы—уже совсѣмъ дикий народъ.

При своей убогости остыки, привыкши къ русскимъ обычаямъ, къ ружьюмъ, соли и пороху, страшно нуждаются въ привозныхъ товарахъ, которые имъ доставляютъ купцы и скунщики пушинны, орѣховъ и рыбы. При этомъ инородцы отдаютъ свое добро за безцѣнокъ, главнымъ

образомъ, за водку и табакъ. Русскіе стараются навязывать остыкамъ самые ненужные предметы, въ родѣ украшений и духовъ, которымъ инородцы совсѣмъ и цѣны не знаютъ, но добыть которое невозможно безъ купцовъ. До чего доходитъ при этомъ обманъ, видно по слѣдующему разсказу одного скунщика: „Напалъ онъ въ юрту одного остыка, у которого ломило ноги. Купецъ далъ ему банку десятикопеечной помады и посовѣтовалъ ею растереть на ночь ноги. Оказалось, что это помогло, т.-е. отъ растиранія боль стихла. Обрадованный остыкъ сейчасъ же рассказалъ о своемъ лѣченіи всему поселку. И вотъ къ купцу потянулись все мѣстные инородцы съ просьбой дать лѣкарства. Ловкий торговецъ продалъ всѣ свои помады, духи, мыло, пудру и прочее, прописывая этотъ безполезный материалъ отъ всевозможныхъ болѣзней. Такимъ образомъ за свой товаръ цѣною на 1 р. 50 к.—2 р. онъ получилъ съ несчастныхъ, довѣрчивыхъ остыковъ бѣдныхъ шкуръ на 150 р.!“

Скунщики запутываютъ остыковъ въ долгахъ, закуная впередъ всю будущую пушину и рыбу. Инородецъ по невольѣ подчишается тѣмъ цѣнамъ, которая установилъ купецъ, потому что ему некуда дѣваться съ его товаромъ. Русскіе охотники и рыболовы тоже находятся въ рукахъ у скунщика, но они свои дѣла поправляютъ на инородцахъ, обманывая ихъ въ свою очередь.

Такимъ образомъ остыки, да и вообще всѣ инородцы, страдаютъ вдвое: и отъ мелкихъ русскихъ промышленниковъ и отъ крупныхъ купцовъ.

Въ торговлѣ никакихъ расписокъ не полагается. Берутъ деревянный обручикъ и насыкаютъ на

немъ мѣтки—воть и расписка. По такому обрубку имѣютъ и должникъ и заимодавецъ. Остяки и другіе инородцы были такими честными людьми, что за долги отца уплачивалъ сынъ, внукъ и все его потомство. Не уплатить долга считалось позоромъ и грабежомъ. Кромѣ долговъ, инородцевъ опутываетъ еще водка. Они такъ научились пить, что уже безъ вина жить не могутъ. На весь Нарымскій край, гдѣ живутъ тысячи остяковъ, непьющихъ считаются не больше 60 человѣкъ. Остальные всѣ и мужчины и женщины, даже дѣти, пьютъ и упиваются водкой. Въ маленькомъ городкѣ Сургутѣ, въ какихъ-нибудь полторы тысячи жителей, открыто два винныхъ склада, которые торгуютъ на славу; водочныхъ запасовъ даже не хватаетъ. Купцы вино развозятъ по деревушкамъ и поселкамъ, торгуя имъ, обмѣнивая на товары. Это продѣлываютъ, однако, не только купцы и скупщики, а всякий, кому придется. Вотъ, напр., что рассказываютъ путешественники: идетъ по Оби пароходъ; навстрѣчу въ маленькихъ челиокахъ „обласкахъ“ появляются остяки. Они окружаютъ пароходъ, входятъ на палубу и предлагаютъ повару парохода стерлядей и другую пойманную рыбу. Поваръ покупаетъ все за нѣсколько рюмокъ водки. Мѣна не обходится безъ криковъ и толкотни; скоро всѣ остяки пьянутъ, и вслѣдъ уходящему пароходу, съ качающіхся на волнахъ челиоковъ, несутся пьяные пѣсни, похожія на вопли.

Остяки не только честны, но и добры. Если у бѣднаго не хватаетъ спастей для рыбной ловли или ружья для охоты, то другіе остяки даютъ на время все необходимое безъ всякаго вознагражденія. Когда пользуются безъ спроса хозяина,

то потомъ отдаютъ ему половину добычи. Остяки очень гостепріимны и весело добродушны. Убийство и другихъ преступлений у нихъ бываетъ очень мало, несмотря на то, что водка побуждаетъ людей вообще на драки и другія пьяныя безобразія.

За преступленія остяки строго наказываются, потому что считаютъ ихъ наважденіемъ злого духа. Больные и сумасшедшиѳ совсѣмъ не отвѣчаютъ за свои проступки. Тѣмъ же, кто рѣшился пойти на худое дѣло отъ голода или совершилъ преступленіе печально, прощаются. Всѣхъ пьяныхъ и здоровыхъ судятъ и наказываютъ по своимъ обычаямъ; только за убийство караются по русскимъ законамъ. Виноватый остякъ своимъ раскаяніемъ и исправленіемъ всегда можетъ заслужить себѣ прощеніе. Вообще же это народъ совсѣмъ не жестокій; его обычай, права и обращеніе другъ съ другомъ очень мягки.

Если въ южной, земледѣльческой полосѣ, гдѣ народу гораздо больше и живутъ, главнымъ образомъ, русскіе, просвѣщеніе стоять совсѣмъ плохо, то ужъ адѣсь, въ лѣсныхъ краяхъ, о грамотности населенія почти и говорить не приходится. Ни вогуламъ ни остякамъ недоступно русское чтеніе и письмо, потому что школъ совсѣмъ нѣтъ. Кое-гдѣ, куда высыпали политическихъ, ссыльныхъ учителя, доктора и студенты пробывали по своему желанію заняться съ инородцами, но эти отдельныя попытки считать нельзя; къ тому же и правительство ихъ стѣсняетъ. Вообще же, даже въ существующихъ инородческихъ школахъ, обученіе русскому языку не ладится прежде всего потому, что и остяцкой-то грамоты не существуетъ, нѣтъ остяцкой азбуки,

Потомъ школьное ученіе плохо идеть оттого, что оно сразу начинается на русскомъ языкѣ, а русского языка инородческія дѣти не понимаютъ, никогда дома не слышать и привыкнуть къ нему не могутъ. Даже тамъ, гдѣ понемногу остики справляются съ русскимъ нарѣчіемъ, всей пользы школа не можетъ принести, потому что нѣть такихъ книгъ, которые были бы интересны инородцамъ и пріучили бы ихъ къ чтенію. Въ концѣ - концовъ, инородцы замѣтили, что, даже посылая дѣтей своихъ въ школу, гдѣ она стоитъ близко, имъ отъ этого получается мало пользы.

Вмѣстѣ съ русскимъ языкомъ плохо прививается остикамъ и христіанство потому, что до сихъ порь, точно 300 лѣтъ тому назадъ, нѣть среди инородцевъ хорошихъ русскихъ православныхъ проповѣдниковъ-миссіонеровъ. Священники приходятъ къ остикамъ, не зная ни ихъ языка, ни ихъ вѣрованія, ни ихъ обычаевъ. Свою проповѣдь ведутъ по-русски, чрезъ малограмотныхъ, темныхъ переводчиковъ, которые сами-то еле разбираютъ русскую рѣчь проповѣдника. Переводчики, конечно, сильно коверкаютъ въ своей передачѣ ученіе Христа. Но даже и такихъ священниковъ совсѣмъ не хватаетъ среди огромныхъ пространствъ лѣсной полосы и вообще всего сѣверного края Западной Сибири.

Докторовъ и больницъ совсѣмъ мало. Всевозможный болѣзни косятъ сибиряковъ тамъ совершенно свободно направо и налево, доставляя инородцамъ, главнымъ образомъ, большія мученія. Охота на мерзлому воздуху, ичевки среди сибирговъ и бурановъ,— все это вызываетъ всевозможные простуды и ревматизмы. Однообразная, жирная и сырая пища разстрѣливаетъ желудокъ,

засоряетъ кишечки, способствуетъ заболѣванію глистами и распространяетъ цынгу; болотистые урманы насыщаютъ воздухъ мерзлыми испареніями, отчего среди жителей болотистыхъ мѣстъ постоянно бываетъ перемежающаяся лихорадка. Докторовъ такъ немного, что поспѣть вездѣ, гдѣ въ нихъ чувствуютъ нужду, да еще при плохихъ

С. Максимкинъ-Яръ.

дорогахъ, они окончательно не могутъ. Инородцы не боятся русскихъ врачей и часто сами обращаются за помощью и лѣкарствомъ, если имъ удается встрѣтиться съ докторомъ. Но чаще по неволѣ лѣчателъ у шамановъ, которые часто являются единственными спасителями въ дикихъ урманахъ лѣсной полосы. И не одни инородцы, а и русские подчасъ спрашиваютъ советъ у язы-

ческихъ знахарей, а иначе пришлось бы умирать безо всякой помощи. Во время большихъ заразныхъ заболеваний люди тамъ мрутъ сотнями, особенно остики, которые исчезаютъ прямотаки на глазахъ. Напр., за 50 лѣтъ въ Нарымскомъ краѣ остикское населеніе успѣло уменьшиться вдвое. Однѣ путешественники натолкнулись на цѣлое становище, изъ котораго бѣжало все населеніе при появлѣніи осны, оставивъ па произволъ судьбы умирающихъ и больныхъ.

ПОЛОСА ТУНДРЫ.

Тундра зимой и лѣтомъ; растительность, климатъ, почва.

Чѣмъ дальше сквозь густые урманы движается на сѣверъ, тѣмъ все болѣе и болѣе мельчаѣтъ и лѣсъ. Стволы деревьевъ становятся тощѣе, и ихъ вѣтки рѣже и обнаженнѣе; они точно чахнутъ, уменьшаясь въ ростъ. Такъ постепенно густые урманы превращаются въ безлѣсныя, голыя тундры. Переходить эту постепенность, рѣзкой границы между лѣсомъ и тундрой привести нельзя; но возвышенности и склонамъ еще стоять лѣса, а рядомъ на низинахъ уже водворяется тундра. Приблизительной границей можно считать 66° сѣверной широты.

Тундра представляется изъ себя огромную, почти плоскую или слегка волнистую болотистую равнину, которая тянется па много верстъ кругомъ и, точно море, сливается на горизонте съ небомъ. Особенно похожа тундра на замерзшее море зимою. Сѣльгъ необыкновенной бѣлизны покрываетъ собою всю землю. Онъ засыпалъ и болота, и кочки, и небольшіе холмы съ оврагами, и многочисленныя рѣки, изрѣзавшія тундру. Кругомъ не видно ни одного чернаго предмета; только бѣлоснѣжный покровъ окуталъ равнину, и неподвижныя, бѣлыя волны сѣльга, точно

складки савана на исполинскомъ мертвѣцѣ, залегли по всей тундрѣ. Природа какъ будто умерла, зарывшись въ снѣгъ, погрузившись въ девятимѣсячный сонъ. Царитъ полное безмолвіе, могильная тишина. Животныя забились въ берлоги; рѣки, скрывшись подъ снѣгомъ, стали, часто промерзая до самаго дна. Только вороны не боятся летать въ этомъ морозномъ царствѣ, гдѣ деревы и камни трескаются отъ холода; и когда птица ударяетъ по воздуху своими крыльями, за нею слѣдомъ вѣтается дымка пара.

Глазъ устаетъ отъ яркой, сѣжной бѣлизны, и нѣгдѣ ему отдохнуть! Цѣлыми сутками можно ходить по тундрѣ, не встрѣчая ни жилья, ни кустника.

И это однообразное море снѣговъ покрываетъ своимъ лазурнымъ куполомъ бездонное, чистое, иѣжно-голубое, прекрасное небо. На немъ солнце показывается не надолго, едва поднимаясь на горизонтѣ. Косые солнечные лучи чуть ласкаютъ бѣлое одѣяло земли и, отражаясь въ пушнистомъ снѣгу, искрятся и сверкаютъ мелкими блестками.

Ровная тундра, слегка понижаясь, идетъ до самого Ледовитаго океана и тамъ сливается съ прибрежными льдами, которые заполняютъ собою заливы и заливчики, морского берега Западной Сибири. За $66\frac{1}{2}$ градусомъ сѣверной широты, за сѣвернымъ полярнымъ кругомъ, солнце зимою совсѣмъ не воходитъ, и тогда наступаетъ долгая ночь на 60 сутокъ. Въ эти бесконечныя зимнія ночи на небѣ часто играеть и сверкаетъ разноцвѣтное сіяніе — „сполохъ“. Оно дрожитъ въ небесахъ и волнуется точно живое разными красками, красивымя цѣлѣстными лучами. Исто-

мление темнотою люди и животныя чувствуютъ какую-то смутную тревогу и ужасъ въ то время, когда небо покрывается лентами, заревомъ и лучами сполоха, то исчезающаго, то вновь вспыхивающаго. Въ зимнюю ночь луна замѣняетъ солнце, а звѣзды сіяютъ особенно ярко и весело играютъ. Въ холодныя ночи кругомъ какъ будто слышатъ чей-то шопотъ или шелестъ листьевъ; его инородцы называютъ „шопотомъ звѣздъ“. За долгою почтой, когда приходитъ лѣто, насту-

Тундра.

паетъ почти такой же долгій день, когда солнце совсѣмъ не скрывается съ небосклона.

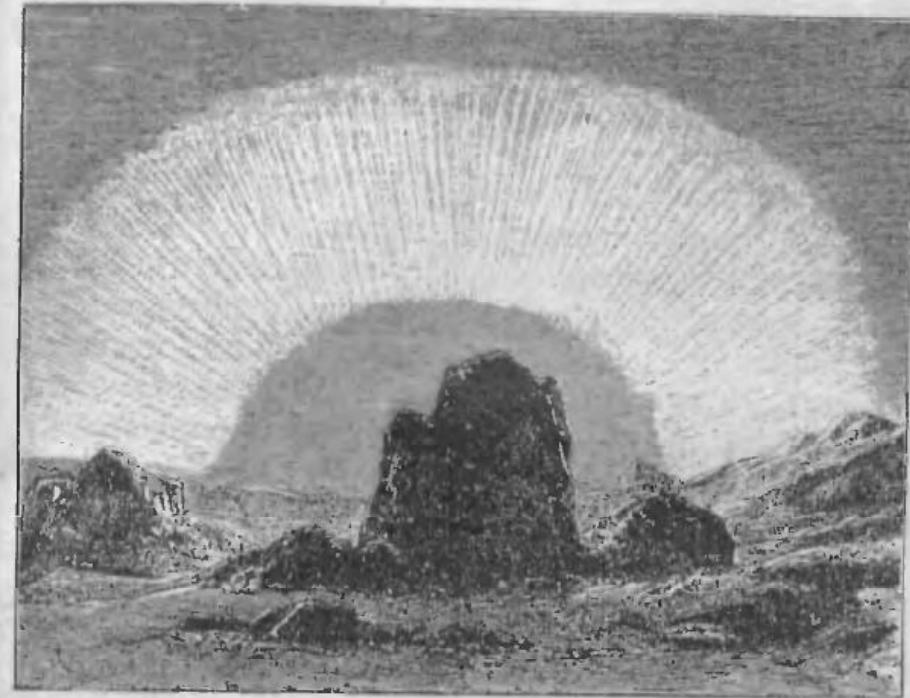
Въ тундрѣ не всегда царствуетъ безмятежный покой, и ея небеса не всегда такъ безоблачны и чисты. Иногда они вдругъ затягиваются тѣмными покровомъ сплошныхъ тучъ; налетить могучій вѣтеръ и съ ревомъ закрутить клубы мелкой сѣжной пыли. Несется она вьюгой по безграничному простору тундры, все застилаетъ вокругъ, скрываетъ сѣть. Милліоны сѣжинокъ обжигаютъ лицо своимъ холодомъ, впиваются въ кожу, колятъ, душатъ, ледятъ въ жилахъ кровь.

Бури царятъ въ этомъ сиѣговомъ просторѣ, иоютъ свои пронзительныя г҃есни, все заметаютъ на своемъ пути и несутъ за собою смерть. Тогда людямъ нѣть спасенія, и развѣ только случайно человѣкъ сохранитъ свою жизнь и выберется цѣлымъ изъ этого ада, холоднаго и непрогляднаго, какъ темная ночь. Наши стениные бураны не такъ ужасны, какъ эта „пурга“ тундры. Чрезъ иѣсколько дней послѣ того, какъ она своимъ ледянымъ дыханiemъ пронесется надъ землею, весь сиѣжий покровъ мѣняетъ свой видъ. Тундра становится еще болыне похожей на взволнованное и застывшее море. Сиѣжие сугробы, называющіеся здѣсь „заструги“, напоминаютъ волны. Эти гребни образуются отъ самыхъ маленькихъ препятствій, отъ подснѣжной кочки, отъ комка глины, даже отъ вѣтки. Заструги располагаются по направлению вѣтра.

На лѣто тундра мѣняетъ свой видъ. Сиѣгъ становится и ручьями стекасть въ рѣки; въ плоской равнинѣ остаются болота и мелкія озерки, которыхъ въ тундрѣ столько, „сколько звѣздъ на небѣ“, какъ говорятъ обѣихъ ипороды. Болота покрыты мхомъ, который дрожитъ и колеблется подъ ногами, и снизу изъ-подъ него выступаетъ вода. Болотца и озерки точно осколки сиѣтлаго зеркала какъ попало разбросаны между кочками, между грязно-зеленыхъ, желтыхъ и бѣлыхъ мховъ, осокъ и лишаенъ. Рѣдко возвышаются холмики, и тамъ и сямъ на кочкахъ и возвышенныхъ мѣстахъ темнѣетъ верескъ бруслики, голубики, морошки, черники и вороньей ягоды.

Характерная черта тундры—это ея безлѣсье; только стелются по землѣ, скрываясь отъ холод-

ныхъ морскихъ вѣтровъ, точно кустарникъ, маленькая, карликовая деревья ивы. Кусты ея по рѣчнымъ долинамъ забираются далеко на сѣверъ. Эти маленькая деревья-вѣточки имѣютъ уродливый видъ. Ихъ корни едва могутъ проникнуть въ верхній, тонкій слой земли, который успѣеть отгаять за короткое лѣто; часто корни несчастной,

Сѣверное сіяніе.

по живучей иве только ползутъ по поверхности, едва за нее цѣпляясь и чуть прикрываясь мхомъ.

Западно-сибирская тундра, лишающая стока, изобилуетъ влагой. Вода застаивается на поверхности и пропитываетъ собою всю почву тундры. Сыростъ поощряетъ сильнѣшее развитіе торфяника. Почти вся западно-сибирская тундра

имѣть болотистый характеръ, и лишь мѣстами встрѣчается глинистая тундра, одѣтая тонкимъ слоемъ торфяника, при чмъ на возвышенныхъ мѣстахъ глина или песокъ выступаютъ изъ торфяника въ родѣ лысеницъ и пятенъ.

Тундра оттаиваетъ за лѣто на очень небольшую глубину: на югѣ арктина на два, а къ сѣверу на полтора, одній и даже на поль-арктина. Близость грунтовыхъ водъ и вѣчно мерзлого слоя земли мѣшаютъ росту деревьевъ, но не уничтожаютъ, однако, совсѣмъ возможности растительной жизни.

Въ короткій лѣтній промежутокъ само растеніе, его корни и верхній почвенный слой земли нагрѣваются гораздо болыне, чмъ воздухъ. Благодаря этому нагреванию возможно существование растеній и деревьевъ. Вегетаціонный періодъ въ тундрѣ продолжается отъ 6 до 8 недѣль.

Лѣтомъ, пользуясь непрерывнымъ солнечнымъ свѣтломъ, сѣверныя растенія живутъ торопливою жизнью.

Холодное дыханіе Ледовитаго океана, сильные морозы, короткое лѣто, сырость почвы,—всѣ эти неблагопріятныя условія тундры отразились на ея растительности.

Сѣверныя растенія отличаются очень короткими корнями, умѣщающимися въ тонкомъ отогревающемся за лѣто слоѣ земли, и невысокимъ ростомъ. Стволы деревьевъ, проникшихъ по прирѣчнымъ уваламъ въ предѣлы тундры или растущихъ на границѣ ея съ лѣсной полосой, мелки, худосочны, хрупки, бѣдны хвоей и листвой, вѣтки сидятъ почти у самой земли, точно стелются по ней; стволы часто лишены коры. Въ весеннеіе дни, когда верхъ дерева оттаиваетъ,

главный стволъ и корни все еще находятся во власти мерзлой земли. И ель, и лиственница, и береза, всѣ эти породы, попадая въ тундру, становятся одинаково уродливыми. Не только отдельные деревья, но даже лѣса, подверженные ея влиянию, прилегающіе къ ней отъ сѣдней полосы, носятъ на себѣ печать мертвящаго холода и убивающей сырости тундры. Лѣса эти рѣдки, съ постоянными прогалами, мало покрыты зеленью, съ обнаженными вѣтвями и верхушками; на стволахъ, точно болячки, пестрятъ наросты моха; они совсѣмъ не даютъ тѣни, и надѣ головой всегда видно небо.

Тонкий слой земли, оттаивающей за лѣтній промежутокъ, дѣлается еще тоньше отъ заболачивания почвы. Со стороны болотистой тундры, по лѣснымъ опушкамъ, появляется осока и иѣкоторая другія растенія съ густыми низко растущими листьями. Они прекрасно впитываютъ воздушную влагу и дѣлаютъ окружающую почву сырой, удобной для торфа. Здѣсь быстро зарастаетъ мохъ, морошка, голубика, клюква и другія растенія, образующія торфяной покровъ. Торфъ полученнію изъ воздуха влагу отдаетъ почвѣ, окончательно ее заболачивая. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ плохо пропускаетъ тепло, и въ короткое лѣто земля отогревается подъ этимъ торфянымъ покровомъ на еще болѣе тонкій слой; корни же негдѣ помѣститься, и деревья гибнутъ. Съ сѣвера же на нихъ мѣсто надвигается тундра, покрывающая торфомъ стволы и пни погибшихъ елей и березъ. Лѣсы, надвигаясь на стени, самъ отступаетъ предъ тундрой.

Область тундры начинается за 64 градусомъ сѣверной широты, занимая сѣверныя части Бере-

зовского и Сургутского округовъ верстъ на 200—300 отъ берега Ледовитаго океана. Эти края изучены еще меньше, чѣмъ лѣсная полоса. За температурой правильно слѣдили, главнымъ образомъ, въ южныхъ частяхъ тундры, но уже по этимъ наблюденіямъ видно, что полоса тундры—край очень суровый. Средняя температура за зиму 23° холода. Лѣтомъ въ самые хорошие дни никогда не бываетъ больше 18° тепла, а зимой, въ самые холодные, морозъ доходитъ до 35 и даже 40 градусовъ. Чѣмъ дальше на востокъ и на сѣверъ, тѣмъ суровѣе и длиннѣе становится зима. Въ Березоѣ, въ южной части тундровой полосы, растительный периодъ продолжается въ теченіе 5 мѣсяцевъ, и температура его едва пре-восходитъ $+9^{\circ}$. На крайнемъ сѣверѣ лѣто, осень и весна продолжаются всего 2 — 3 мѣсяца. А остальное время года стоитъ зима. Въ городѣ Обдорскѣ сорокаградусные морозы—самое обычное дѣло, такъ что на нихъ никто и вниманія не обращаетъ; отъ стужи мерзнетъ ртуть и вино. Лѣтомъ въ этомъ городѣ дней теплѣе 12 градусовъ не бываетъ, но и эта температура считается рѣдкостью.

Самый сѣверный, суровый и пустынnyй край тундровой полосы — полуостровъ Ямалъ. Онъ лежитъ между Карскимъ моремъ и Обской губой; Ямалъ—пространство огромной величины, почти со всю Польшу. Полуостровъ заходитъ за 70° сѣверной широты.

Здѣсь немыслимо никакое земледѣліе. Огородничествомъ кое-какъ занимаются только по южнымъ границамъ тундры. Не только деревья и хлѣба, но и трава не растетъ въ этомъ царствѣ мховъ и лишаевъ.

2) Животныя тундры: олень и собака; рыбы и рыбные промыслы; скупщики и торговля.

Бѣдная растительность тундра не блещеть и разнообразіемъ животныхъ. Суровый климатъ съ длинными зимами, совсѣмъ не благопріятствуетъ существованію звѣрей и птицъ; кормъ для нихъ плохой, нѣть травъ, почти совсѣмъ нѣть и насѣкомыхъ; отъ произительныхъ вѣтровъ некуда скрыться. Водятся только такія животныя, которыя привыкли къ самымъ сѣвернымъ, полярнымъ странамъ. Изъ крупныхъ звѣрей выживаетъ бѣлый медвѣдь. Толстый слой жира, вмѣстѣ съ густымъ мѣхомъ шкуры, защищаетъ его отъ сорокаградусныхъ морозовъ. Бѣлый сѣверный медвѣдь чувствуетъ себя привольно на ледяныхъ пространствахъ полярного океана. Онъ плаваетъ и ныряетъ за рыбой, ловко и быстро схватывая ее подъ водой. Море кормить бѣлыхъ медвѣдей, и переходя съ плавучихъ льдинъ на берега тундры, они постоянно держатся вблизи воды. Это—самые сѣверные обитатели среди всѣхъ сибирскихъ животныхъ.

Въ тундрѣ, и на югѣ и на сѣверѣ, водятся еще песецъ, сѣверный олень и сѣверный заяцъ. Хотя олень и заяцъ постепенно забираются въ урманы лѣсной полосы, но ихъ настоящее обиталище—это тундра. Жиромъ и пушистою шерстью они защищены отъ ея суроваго климата.

Мѣстные обитатели—ипородцы охотятся за всѣми этими животными; самый важный промысел—это охота за песцомъ, шкура которого цѣняется дорого. Этого маленькаго звѣрька стараются

поймать всевозможными капканами и ловушками. Молодыхъ песцовъ прямо вырываютъ изъ норокъ. Теперь уже мало осталось этихъ животныхъ въ тундрахъ Западной Сибири, а самый дорогой песецъ, дымчатый, которого называютъ голубымъ, попадается совсѣмъ рѣдко. Ловушками же и капканами ловятъ и зайцевъ. Охотясь на оленей, инородцы пользуются, такъ же какъ и въ лѣсной полосѣ, ихъ переходомъ на лѣто въ тундуру, а на зиму—въ ея лѣсные, южные края и тайгу; въ лѣсахъ олени зимою скрываются отъ ледянищъ сѣверныхъ вѣтровъ, а въ тундрѣ лѣтомъ—отъ гиуса. Вообще пріемы охоты у всѣхъ западно-сибирскихъ охотниковъ-инородцевъ и даже у русскихъ для каждого звѣря одинаковы въ разныхъ мѣстахъ, какъ бы они ни были удалены одно отъ другого.

Но гораздо важнѣе охоты для инородцевъ дальн资料о сѣвера разведеніе оленей, какъ домашнихъ животныхъ. Прекрасно выживавшій въ тундрѣ, сѣверный олень незамѣнимъ въ тѣхъ краяхъ для человека. На оленяхъѣздятъ, за- пригая ихъ въ легкія санки на высокихъ и узкихъ березовыхъ подозьяхъ, загнутыхъ спереди. Такія санки называются „нарты“. Оленей впряженаютъ въ нихъ одного за другимъ, „гусемъ“, по иѣскольку штуку;ѣздокъ управляетъ переднимъ животнымъ съ помощью вожжей, протянутыхъ по лѣвой сторонѣ оленей, и подгоняетъ ихъ всѣхъ длинной, гладкой палкой съ небольшимъ набалдашникомъ на концѣ. Концы вожжей призваны къ костянымъ дощечкамъ, давящимъ на щеки животнаго. Олени бѣгаютъ необыкновенно быстро, проѣзжая по хорошей дорогѣ въ сутки верстъ 150 и даже 200. Но олени не особенно

сильны, и люди стараются не нагружать нарты тяжелой кладью; даже при очень хорошей дорогѣ большие шести пудовъ въ сани обыкновенно не кладутъ. Оленей пріучаютъ ходить и подъ сѣдломъ или выюкомъ пуда въ три, въ четыре.

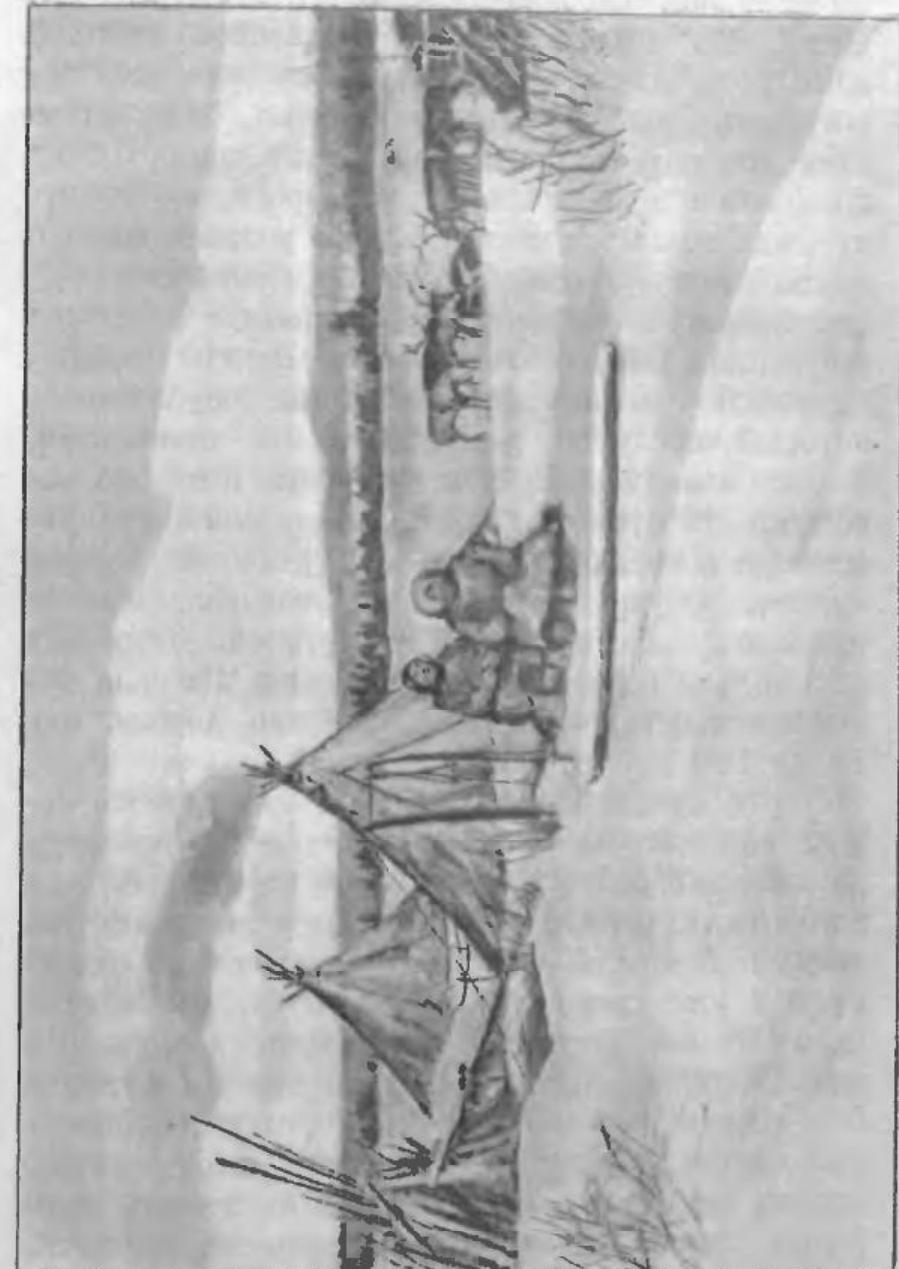
Это неизиходливое и невзыскательное животное есть что попало: олений мохъ, траву, ягоды, грибы, даже древесный мохъ. На зиму олениамъ не дѣлаютъ никакихъ заготовокъ; они сами отыскиваютъ себѣ подъ снѣгомъ кормъ, и на мерзлой тундрѣ пасутся такъ же свободно, какъ наше русскій скотъ на лугу. Олень вообще не требуетъ за собой никакого ухода; только лѣтомъ онъ начинаетъ сильно страдать отъ оводовъ, которые водятся въ Сибири повсюду вмѣстѣ съ другимъ „гиусомъ“. Оводъ кладетъ свои яички въ разѣденную кожу животнаго и причиняетъ ему такимъ образомъ нестерпимую боль; несмотря на то, что лѣтомъ кормъ интателѣе и многочисленнѣе, олень за это время теряетъ аппетитъ и худѣеть.

Лѣтомъ оленей стараются перегонять къ сѣверу на полуостровъ Ялмаль, где отъ суроваго климата даже „гиусъ“ уменьшается въ числѣ и не такъ назойливъ. Животные, спасаясь отъ оводовъ, постоянно держатся недалеко отъ дымокуровъ человека или заливаютъ по горло въ воду, боясь изъ неї показаться. Ранней весной олени стада держатся около лѣсныхъ опушекъ. Въ тундрѣ еще холодно, а въ лѣсахъ ледяная кора слегка подтаявшаго снѣга мешаетъ животнымъ свободно двигаться, ломаясь подъ ударами коней. Русскіе, захватывая лѣсные опушки и лишая инородцевъ весеннаго пріюта для оленей, наносятъ оленеводству огромный вредъ.

Олени выживают до двадцати лѣтъ. Въ по-
следнее время они начали страдать различными
болѣзнями и гибнуть отъ нихъ; воспаленіе се-
лезенки, нагноеніе копытъ, воспаленіе легкихъ—
теперь постоянно мучатъ домашніхъ оленей.
Оленье мясо и жиръ инородцы употребляютъ въ
пищу; изъ шкуръ пьютъ одежду или кроютъ
ими, соединя по несколько штуку вмѣстѣ, свои
жилища. Инородцы оленей держать табунами, и
по количеству головъ скота судятъ о богатствѣ
ихъ владѣльца; олени же служатъ вмѣсто денегъ
для расплаты при торговлѣ у сѣверныхъ сибиря-
ковъ-оленеводовъ.

Есть въ тундрѣ еще одно домашнее животное,
выживающее среди холода и мрака около человѣка вмѣстѣ съ оленемъ. Это—собака; она въ
высшей степени полезна въ бѣдномъ хозяйствѣ
инородца.

Полярная собака совсѣмъ особой породы. Она
небольшого роста съ густой, пушистой шерстью
и пушистымъ хвостомъ. Морда у нея маленькая
и острая, а на затылкѣ торчать стойми заострен-
ные, мохнатые ушки. Это животное замѣчательно
умно, еще смѣтливо, чѣмъ обыкновенные псы,
послушно и выносливо. За собаками такъ же,
какъ и за оленями, ухода совсѣмъ немногого. Ихъ
употребляютъ, главнымъ образомъ, на упряжку
для перевозки домашнаго скарба. Нарты, въ ко-
торыхъ впряжены собаки, особенно легки, не ти-
желѣтъ двадцати фунтовъ; ихъ делаютъ изъ
коры и березовыхъ тонкихъ брусьевъ, перевязаныхъ
между собою ремнями. Несколько штукъ
животныхъ, привязанныхъ попарно за ошейники
къ длинному, толстому кожаному ремню, пробѣ-
гаютъ съ нартами въ сутки верстъ 200. Въ сани

Самоцкіе чумы изъ оленинъ шкуръ.

обыкновенно впрягаютъ штуку десять собакъ, но если они нагружены тяжело, то и шестнадцать. Въ дорогѣ Ѵздоръ управляетъ длиной палкой съ острымъ наконечникомъ изъ желѣза, которымъ онъ упирается въ землю, задерживая сани при спускахъ или поворотахъ, когда собаки ошибаются и сворачиваютъ съ дороги въ сторону, что, положимъ, случается рѣдко; вожжей и нарты ведеть за собой одна передняя собака— „передовикъ“, особенно умная, опытная и хорошо пріученная повиноваться голосу своего хозяина, сидящаго на саняхъ. Покрикивая на „передовика“, который послушно исполняетъ эти приказания, Ѵздоръ можетъ себѣ спокойноѣѣхать и не бояться сбиться съ пути въ глухой, бездорожной тундрѣ; остальные собаки покорно слѣдуютъ за передовикомъ. Обученное передовое животное вообще пріучаетъ собакъ ходить въ упряжѣ, когда они еще только начинаютъ возить сани. За свои достоинства передовики цѣнятся очень дорого: отъ 70 до 100 рублей штука.

Послѣ каждого перегона собакамъ нуженъ самый короткій отдыхъ. Едва инородецъ распрягъ нарты, онъ сейчасъ же можетъ кормить своихъ животныхъ рыбой; а пока люди наладятъ костеръ и заварятъ чай, собаки совершенно отдохнули и уже снова готовы въ путь, проглотивъ предъ самой упряжкой еще по куску рыбы. Въ день каждая собака должна съѣсть фунтовъ семь-восемь суперной рыбы, поэтому на дорогу приходится нагружать несолько нарты только однимъ собачьимъ кормомъ. Зато лѣтомъ инородцы своихъ собакъ совершенно не кормятъ, предоставляя ихъ собственной находчивости и умѣнию отыскивать себѣ пищу. Въ это время

собаки питаются рыбой, выброшенной на берегъ, ловить мышей и даже птицъ. Своимъ хозяевамъ животное, однако, служить и лѣтомъ, таща вдоль берега на лямкѣ нагруженный челинокъ, въ которомъ сидѣть и покрикивать инородецъ.

Чутье и юхъ у полярныхъ собакъ совершенно особенные; во время и тути, когда кругомъ ни зги не видно даже днемъ, и человѣкъ теряетъ всякую способность соображать, гдѣ огнь и куда надоѣхать, только передовая собака чутьемъ угадываетъ, гдѣ можно найти спасеніе себѣ и людимъ. Обыкновенно, конечно, стараются въ бурю не выѣзжать.

Ѣздовая сѣверная собака никогда не лаютъ, а только воютъ. Въ долгія зимнія ночи привязанныя къ веревкѣ, съ двухъ сторонъ прикрепленной къ столбамъ, они подымаются такой дикий вой и ревъ, что жутко становится на душѣ отъ этихъ печальныхъ, зловѣщихъ звуковъ, нарушающихъ могильное молчаніе уснувшей тундры.

Количество полярныхъ собакъ все уменьшается. Повалыны болѣзни губятъ ихъ такъ же безжалостно, какъ и оленей, потому что инородцы не умѣютъ бороться съ заразой и лѣчить заболевшихъ животныхъ. Особенно много ихъ дохнетъ отъ брюшного тифа.

Только благодаря оленю и собакѣ далекая, пустынная тундра, такая негостепріимная и жестокая, можетъ быть доступна человѣку. Они и возятъ, и одѣваютъ, и кормятъ, и даютъ жилища сѣверному человѣку.

Птицы тундры не очень разнообразны, всего несолько породъ: белая куропатка, полярный кречетъ, белая сова, да лѣтомъ съ юга приле-

таютъ гуси и утки, покрывая своими стадами во время весеннихъ разливовъ устья и берега съверныхъ рѣкъ. Инопородцы охотятся на всѣхъ этихъ птицъ, стрѣляя ихъ изъ ружей или ловя силками. Битая дичь частью потребляется самими сибиряками, частью отвозится въ Россію, въ столицы и крупные города.

Зимою большая часть звѣрей и птицъ тундры и вообще съверныхъ странъ бываетъ совершенно благо цвѣта, такъ что непривычный глазъ прі-бѣжаго человѣка не отличить ихъ отъ сибирскихъ равнинъ и сугробовъ.

Ищерицъ и змѣй въ тундрѣ пѣть. Бабочки и другія насѣкомыя водятся въ небольшомъ количествѣ. Изрѣдка порхаютъ бабочки, а въ съверной части тундры не рѣшаются проникать даже „гусь“.

Въ съверныхъ рѣкахъ Западной Сибири живеть огромное количество рыбы всевозможныхъ сортовъ и размѣровъ. Уже начинанъ съ лѣсной полосы, рыбное богатство все увеличивается къ съверу. Чѣмъ рѣже вдоль береговъ становится человѣческое жилье, тѣмъ обильнѣе бываетъ уловъ. Часть рыбы все время остается въ рѣкахъ и озерахъ и называется мѣстной „тундровой“ рыбой; по другая, большая часть, на зиму уходитъ въ море и живеть тамъ до весны. Эта рыба „проходная“, кочевая. Кромѣ рыбъ, известныхъ въ Россіи: осетра, стерляди, сельди, щуки, линя, язя, палами, окуня, срна и карася, въ съверныхъ рѣкахъ водятся совсѣмъ особые сорта, свойственные только тѣмъ мѣстамъ: муксунъ— большая и вкусная рыба, нельма, сырокъ, шокуръ, харіусы, таймени и много всевозможныхъ другихъ. Эти рыбы идутъ по рѣкамъ и рѣчкамъ

изъ Ледовитаго океана, который служить для человѣка огромнымъ садкомъ.

Два раза въ годъ, каждая порода въ свое время, рыба путешествуетъ вверхъ и внизъ по течению рѣкъ. Весною она подымается отъ устья Оби къ источникамъ мелкихъ рѣкъ для метания икры у мелкихъ, илистыхъ береговъ; въ соленой морской водѣ и на глубокихъ мѣстахъ икра не можетъ развиваться и пропадаетъ. Осенью же рыбы снова возвращаются обратно въ море, идя иногда уже подо льдомъ, когда верхніе слои рѣки замерзнутъ. На зиму въ рѣкахъ рыба не остается; въ мелкихъ и чистыхъ рѣчкахъ вода промерзаетъ до дна, а вмѣстѣ съ нею ледятъ и рыба; глубокія же рѣки подо льдомъ портятся отъ притока гнилыхъ струй изъ болотистыхъ мѣсть. Вода становится затхлой; образуется, какъ говорятъ сибиряки, „заморъ“, въ которомъ рыбы дохнутъ отъ недостатка чистаго воздуха. Спасаясь отъ замора, они или спѣшатъ внизъ, къ морю—кочевыя, или уплываютъ въ такія рѣчки, где вода остается несмотря, на толстый ледъ, скѣжей и „живой“, благодаря близости источниковъ и ключей; это—рыбы осѣдлые. Каждая порода имѣть свои обычай и привычки, подробно изученные мѣстными рыболовами, какъ иностранными, такъ и русскими.

Лишь только успѣть растаять ледъ, и солнце немного пригрѣть землю, кочевые рыбы тотчасъ съ моря устремляются въ рѣки. Инопородцы говорятъ, что это „воинъ идетъ!“ Такъ какъ ледъ на югѣ сходитъ раньше, чѣмъ на съверѣ, то въ среднемъ течениіи Иртыши и Оби рыба появляется пѣсколько спустя послѣ того, какъ наступятъ первые весенние дни. Скорѣе другихъ кверху

подымается сырость; обыкновенно это бывает во второй половинѣ мая. Чрезъ двое сутокъ послѣ него показывается нельма, а на пятыя—мукуснъ и осетръ; позже приплывають щокуръ, сельдь, налимъ и другіе. Но чѣмъ выше по течению, тѣмъ первоначальный порядокъ перенутывается все больше и больше; одиѣ рыбы отстаютъ, другія перегоняютъ.

Рѣчное рыболовство въ западно-сибирской деревнѣ.

Такое обиліе рыбного населенія уже въ лѣсной полосѣ доставляетъ порядочный заработокъ осякамъ и русскимъ. Здѣсь же, въ тундрѣ—это главное и самое прибыльное занятіе для малаго населения.

Начинается рыбная ловля съ весны, продолжается все лѣто, осень и оканчивается въ первой половинѣ зимы, когда рыбу перехватываютъ

Ловля рыбы неводомъ.

даже подо льдомъ. Но къ концу зимы Обь совсѣмъ замираетъ и ея безпредѣльныхъ сиѣговъ уже не тревожить беспокойный человѣкъ. Самая доходная работа идетъ весной, когда рыба бываетъ жирная, полна икрой. Осенью она возвращается похудѣвшей, усталой отъ длиннаго пути. Существуетъ много всевозможныхъ способовъ рыбной ловли. Невода и сѣти пускаются, главнымъ образомъ, на большихъ и широкихъ рѣкахъ. Тамъ, гдѣ берега постепенно опускаются подъ водой, безъ ямъ и бугровъ, какъ говорятъ сибиряки, безъ „задѣвовъ“, мѣшающихъ ходу невода, тамъ и устраиваются рыболовы. Эти мѣста называются „песками“. Плоскіе берега Оби, заливаемые во время разливовъ водою и называемые „сорами“, тоже удобны для ловли сѣтями и неводомъ.

Этотъ способъ рыбной ловли — самый прибыльный, но и самый дорогой. За невода приходится платить очень много. Цѣна ихъ зависитъ отъ величины и материала; сѣти плетутъ изъ конопли, тальниковой бечевки и конскаго волоса, дѣляя ихъ отъ 25 до 500 саженъ длины. Кроме того, на ловлю сѣть неводомъ требуется много рабочихъ, такъ что она доступна состоятельнымъ людямъ, преимущественно русскимъ промысленикамъ, живущимъ въ Тобольскѣ, Томскѣ и другихъ городахъ Западной Сибири, не особенно удаленныхъ отъ мѣстъ рыболовства.

Владѣютъ прибрежными песками, главнымъ образомъ, инородцы, но имъ самимъ устроить ловлю неводомъ, не имѣя средствъ, очень трудно; поэтому инородцы сдаются свои рыболовныя угодья въ аренду откупщикамъ-рыбопромысловщикамъ. Когда же инородцамъ удается обзавестись нево-

домъ, то они рыбачатъ всѣмъ обществомъ со-обща.

По теперешнимъ законамъ всѣ пески принадлежать казнѣ, а инородцамъ остается право пользоваться ими или сдавать въ аренду, но не продавать. Если же инородцы документами смогутъ доказать, что земля дѣйствительно ихъ, то казна признаетъ инородцевъ хозяевами. Но, ко-

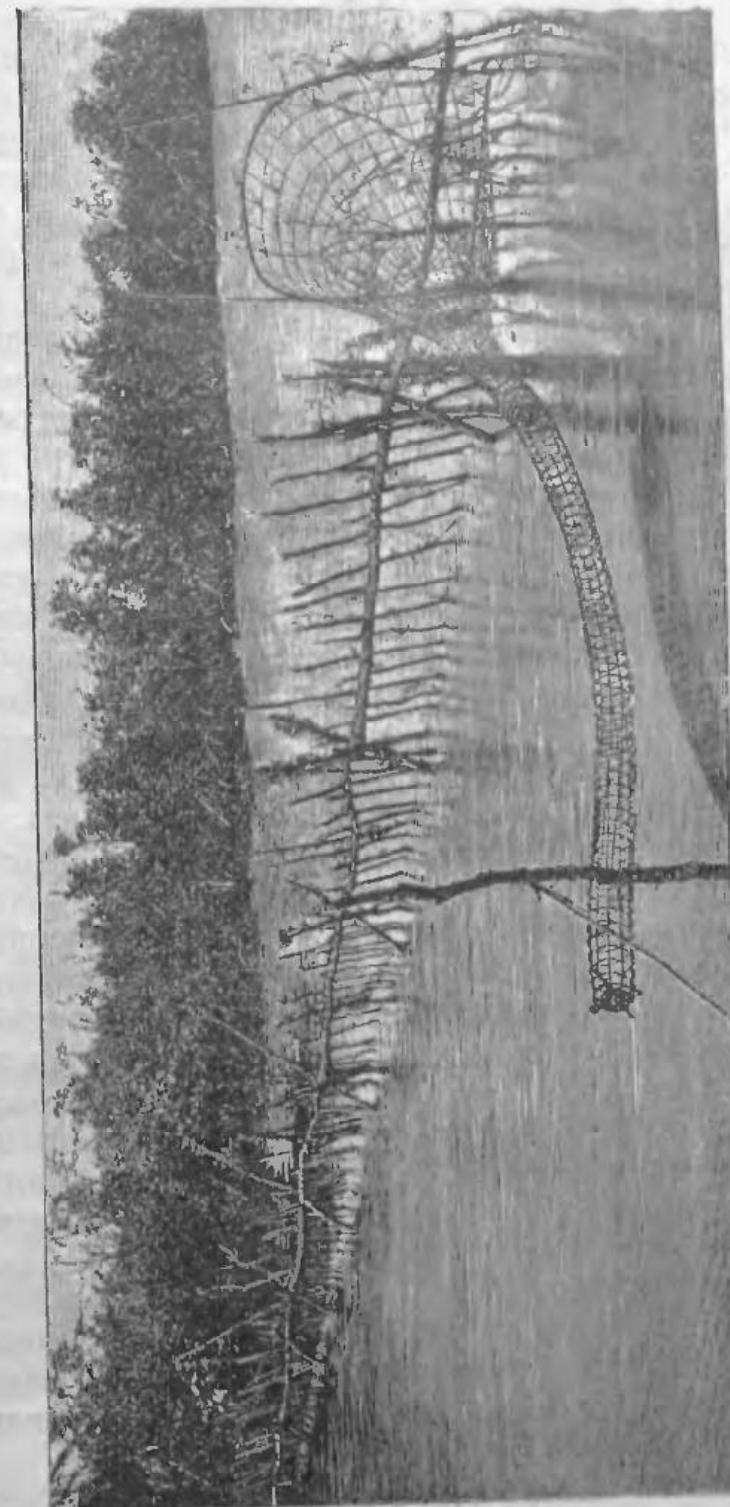
Рыболовный песокъ въ низовьяхъ Енисея.

ично, дикие обитатели сибирскаго сѣвера не сохранили, да и не имѣли никакихъ доказательствъ, такъ что угодья — казенное владѣніе. Бываетъ, что инородцы берутъ у промысловщика необходимыя снасти, отдавая ему въ видѣ оплаты одну половину улова даромъ, а другую, продавая ему по заранѣе установленнымъ цѣнамъ. Конечно, купцы не упускаютъ своей выгоды и платятъ за рыбу совсѣмъ дешево.

При ловлѣ неводомъ необходимы еще очень легкіе челноки, сдѣланные изъ выдолбленнаго дерева. Ими управляютъ съ помощью двулопастнаго весла. Въ лодочкѣ лежать: колотушка для глущенія рубы, крючокъ, чтобы ее подхватывать изъ воды, и корзина, куда ее сбрасывать; какъ только хоть одинъ изъ поплавковъ заведеннай сѣти опускается въ воду, къ нему сейчасъ же подплываютъ на челнокѣ, потому что въ этомъ мѣстѣ, значитъ, запуталась рыба; сѣть подымаютъ и берутъ пойманную добычу въ лодку.

Во время повального осенняго бѣгства рыбы въ Ледовитый океантъ, рыболовы на ея пути ставятъ большія загражденія изъ кольевъ и плетеныхъ щитовъ, среди которыхъ ставить верши всевозможныхъ размѣровъ для всякой рыбы. Такіе сплошные запоры съ ловушками устраиваютъ чаще всего на Оби, между Березовомъ и Обдорскомъ. Отъ нихъ гибнетъ масса мелкой „молоди“, попадающей въ ловушку вмѣсть съ крупной рыбой. Большия запоры такъ же, какъ и невода, стоять очень дорого, иногда до 1.000 р. Ни крестьянамъ ни, тѣмъ болѣе, бѣднымъ инородцамъ они, очевидно, недоступны; ими пользуются только крупные промышленники. Но верши опускаютъ и безъ загражденій, стави въ одиночку или по пѣсколько штукъ, даже подо льдомъ. Большия верши для осетра называются „гимгами“.

По всемъ сибирскимъ рѣчкамъ пользуются всевозможными крючками и самоловами. Самый распространенный между рыболовами „переметь“ состоить изъ пѣсколькихъ крючковъ, привязанныхъ коротенькими бечевками къ одной общей веревкѣ; веревка имѣть грузъ и пѣсколько

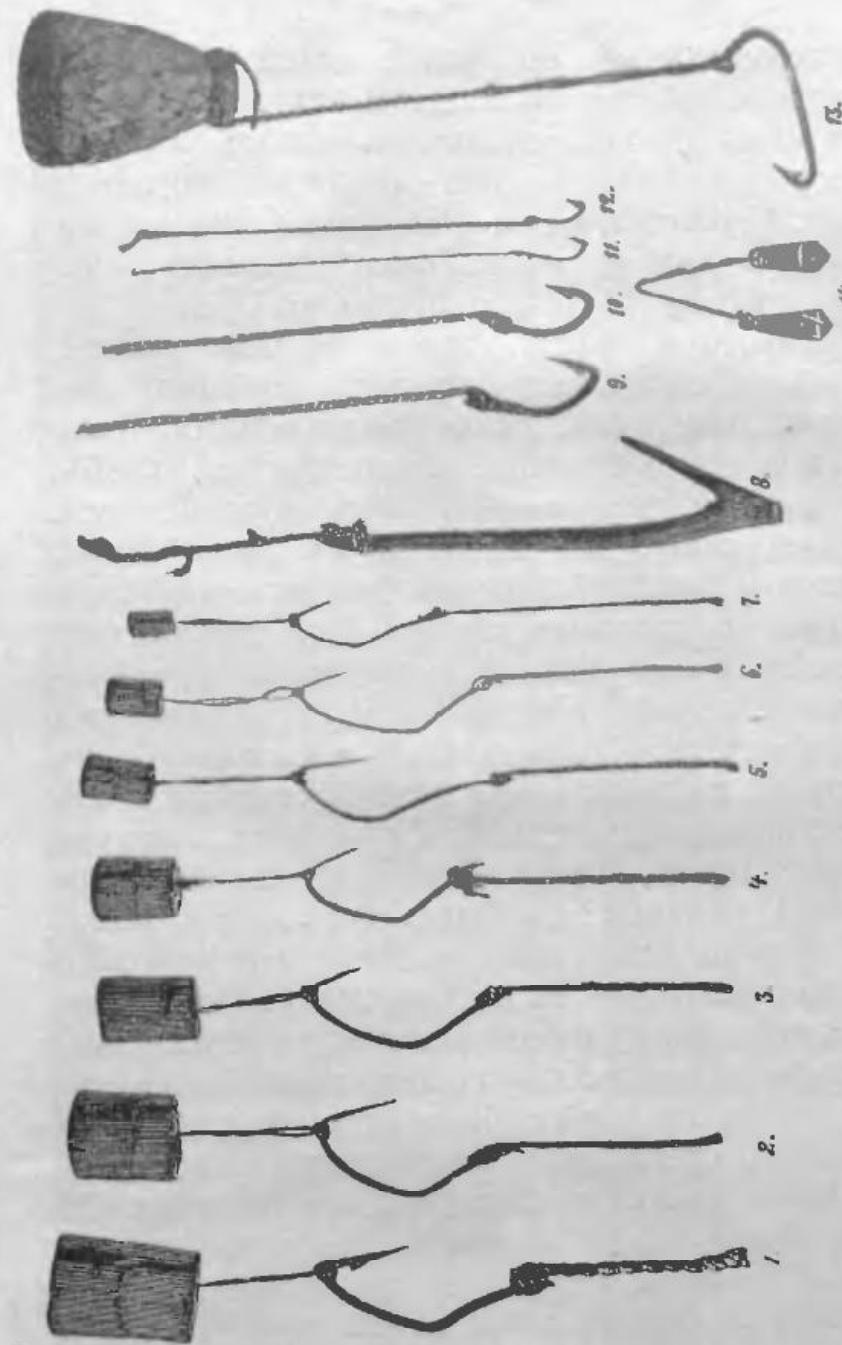
Рѣкавъ и загражденіе для его постановки.

поплавковъ; съ ихъ помощью крючки можно держать на любой глубинѣ. Крупная рыба, идя противъ теченія, очень легко попадается на приманку, но очень много рыбы только наносить себѣ раны и гибнуть даромъ тутъ же или на пути подальше безъ всякой пользы для рыболова.

На Иртышѣ зимой въ ямы, лежащія на днѣ рѣкъ съ цеиспорченной водой, набивается масса рыбы. Каждая такая яма предоставляетъ въ распоряженіе одной крестьянской семьѣ, смотря по размѣрамъ — отъ двухъ до двадцати человѣкъ. За ночь все приготавливаются къ ловлю и предъ разсвѣтомъ несколько рыболововъ стоять уже на льду по намѣченнымъ раньше мѣстамъ. Послѣ зари все начинаютъ быстро пробивать проруби и опускаютъ въ отверстіе самоловы. Испуганная рыба въ ужасѣ мечется изъ стороны въ сторону и попадается на крючки. Такимъ образомъ, въ теченіе несколькиихъ дней ловить массу рыбы.

Больше всего процвѣтаетъ рыболовство на самой Оби. Главнымъ образомъ, промыселъ находится въ рукахъ крупныхъ рыбопромышленниковъ, которыхъ насчитываютъ тамъ до 350 человѣкъ. Они снимаютъ въ аренду инородческія угодья, такъ называемые „пески“, уплачивая за нихъ въ лѣто рублей двѣсти; вылавливаютъ кучи за лѣто рыбы по мѣстнымъ цѣнамъ па четыре-восемь тысячъ, а въ продажѣ выручаютъ сумму въ два раза большую. Сами же хозяева песковъ,—инородцы нанимаются на работу, какъ простые рабочіе.

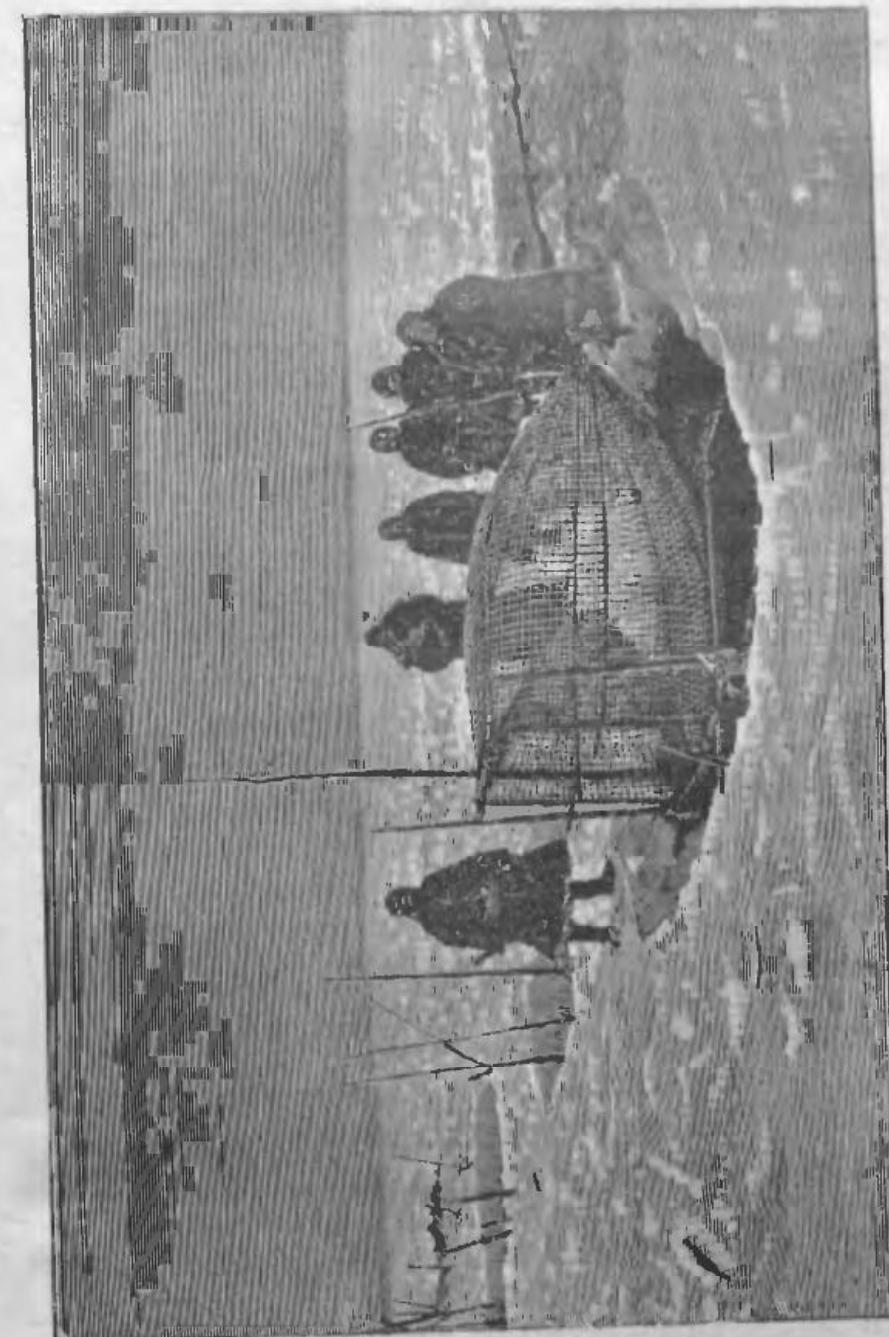
Вообще всего рабочихъ на обскихъ промыслахъ считаются тысячу шесть. Кроме обыкновенныхъ рабочихъ, есть еще рабоче-найщики,

Различные крючковые снасти: 1—5. Осетровые самоловы. 6—7. Стерляжий самоловы. 8. Деревянный крючокъ для лова налима. 9—10. Осетровые переметы. 11—12. Стерляжий переметы. 13. Озерная блесна. 14. Дѣв блесны.

заинтересованные въ уловѣ. Они получаютъ вознаграждение въ зависимости отъ добычи, при чемъ самъ промышленникъ за неводъ и другія счастія удѣрживаетъ себѣ иѣсколько крупныхъ наевъ. Устраиваются въ Западной Сибири и рыболовные артели, но въ нихъ, главнымъ образомъ, участвуютъ только русскіе рабочіе.

Не красную жизнь ведутъ наемные рабочіе. За цѣлое лѣто они получаютъ двадцать два, двадцать три рубля, рѣдко двадцать пять. Хозяинъ выдаетъ слѣдующее продовольствіе: хлѣбъ, чай два-три раза въ день изъ общаго котла, вареную рыбу, а, вмѣсто масла, рыбий жиръ. Промышленникъ обыкновенно имѣеть иѣсколько песковъ, на которыхъ ставятъ свои „промыслы“: деревянные постройки и необходимыя приспособленія. Постройки поменьше и обдѣлье называются „станками“. На „промыслахъ“ и „станкахъ“ въ тѣсныхъ, съ землянымъ поломъ, грязныхъ казармахъ, гдѣ не освѣжается воздухъ, живутъ рабочіе. Кромѣ платы и содержанія, вмѣ еще выдаютъ кожаныя рукавицы, портники и кожаныя бродни, всегда пропускающія воду. Проводя сплошь цѣлые дни въ водѣ на стужѣ и на вѣтру, промачивая ноги, рабочіе наживаютъ ревматизмы, простуживаются и болѣютъ легочными болѣзнями. Отъ нечистоты помѣщений и скучной, однообразной пищи среди нихъ свирѣпствуетъ тифъ. Въ послѣднее время въ Западной Сибири обратили вниманіе на дурное положеніе рыболовныхъ рабочихъ и стали отправлять въ „станки“ и на „промыслы“ фельдшеровъ, даже врачей, устраивая на мѣстахъ небольшія больнички. Все-таки ихъ еще мало и чѣмъ дальше къ востоку и сѣверу, т.-е. чѣмъ дальше отъ глазъ и надзора городовъ

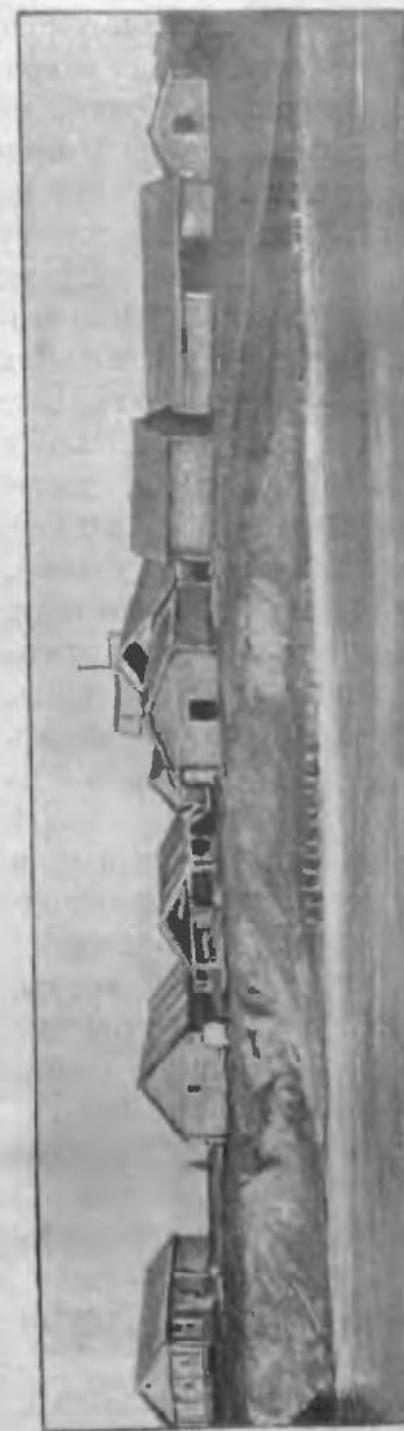

Осетръ осетровой гиммы.

и образованныхъ людей, тѣмъ промышленники своихъ рабочихъ держать хуже. Земства же, которое могло бы въ уѣздахъ и въ глуши слѣдить за рыбопромышленниками и устраивать рабочихъ, въ Западной Сибири нѣть.

Многіе рабочіе за всѣ свои лишенія стараются всячески отплатить купцамъ. Рабочіе не исполняютъ своихъ договоровъ съ промышленниками и, забравъ задатки, совсѣмъ не являются въ станки или уходятъ съ нихъ раньше времени, не дослуживая до окончанія контрактовъ. Во многихъ мѣстахъ, въ глуши, купцы стараются совсѣмъ не наиматъ русскихъ рабочихъ, замѣнивъ ихъ инородцами; эти бѣдные, дикие люди хотя и работаютъ хуже русскихъ, но безропотно переносятъ всякия лишенія и притѣсненія. Большинство инородцевъ на работу къ рыбопромышленнику идутъ даже не добровольно, а по принужденію волостныхъ правлений и инородческихъ управъ, просто отдающихъ ихъ въ паемъ купцу за недоимки. Среди всѣхъ рабочихъ на промыслѣ только главные руководители при каждомъ неводѣ такъ называемые „башлыки“ да засольщики рыбы получаютъ жалованіе побольше, и вообще ихъ положеніе лучшее.

Сибирская рыба считается очень хорошей. Она жирна и крупна, но послѣ улова такъ неумѣло и перешливо заготовляется впрокъ, что всѣ ея хорошия качества пропадаютъ даромъ. Когда просаливаютъ, то экзальтуютъ соли; складываютъ рыбу плохо очищенную и совсѣмъ не промытую въ грязныхъ, тухлыхъ бочки. Поэтому сибирская рыба скверно пахнетъ, отдавая гнилью; не привычнымъ людимъ не только есть ее непріятно, но даже взойти на баржу, нагруженную соленою рыбой,

Рыбные промыслы на р. Оби: Шиллярский Плотникова (наверху) и Брошникова (внизу).

возможно, только зажавъ носъ. На Оби около Березова солятъ „становую“ рыбу. Она сохраняется дольше, чѣмъ упакованная въ бочки, но до того солона, что ее не всякий сможетъ проглотить. Июродцы приготовляютъ рыбу иначе, по-своему. Ее разрѣзаютъ отъ головы къ хвосту на нѣсколько полосъ такъ, что у хвоста онѣ не держащіи и соединены между собою. Приготовленную такимъ образомъ рыбу подвѣливаютъ безъ соли. Обскіе июродцы устраиваютъ еще „варку“, переваривая въ котлахъ очищенный кинки, брюшину и жирные части рыбы, получая, въ концѣ-концовъ, изъ нихъ густое, жирное тѣсто. Зимою эта „варка“—ихъ любимое кушаніе.

Рыбу не всегда сразу пускаютъ въ заготовку. Иногда для нея приготовляютъ „сады“, въ которыхъ держать пойманную осенью рыбу до зимы. Тогда ее вылавливаютъ и въ замороженномъ видѣ отправляютъ гужомъ на югъ Западной Сибири. Такіе „сады“ очень удобны на сѣверѣ тундры, где доставка саними—самый удобный и дешевый способъ. Вредятъ „садамъ“ бѣлые медведи. Они воруютъ рыбу обыкновенно подвое: одинъ залѣзаетъ въ садокъ и начинаетъ мутить воду, пугая сидящую въ ней рыбу; другой же стоитъ на землѣ и просто лапой хватаетъ рыбъ, когда они въ страхѣ подплываютъ къ берегу. Вылавливаютъ изъ садковъ рыбу и орлы, выглядывая въ ясный, солнечный день съ высоты свою дообычу, всипывающую понгратъ на поверхность воды; орель быстро падаетъ къ садку, ударомъ клюва убиваетъ памѣченную жертву и уноситъ вверхъ.

Въ Западной Сибири добыча всевозможныхъ рыбъ бываетъ огромна. По меньшей мѣрѣ съ

сѣвера Тобольской и частью Томской губерній добываются ежегодно до 1.500.000 пудовъ крупной и мелкой рыбы. Увозятъ рыбные товары главнымъ образомъ въ Тобольскъ и Томскъ. Соленая и сущеная доставляется на баржахъ буксируемыми пароходами, а мороженая—гужомъ по первому сиѣгу.

Для улучшения рыбного дѣла въ сель Самаровѣ на рекѣ Оби существуетъ рыбопромышленная школа, а въ Тобольскѣ выстроено первый заводъ для заготовленія рыбы въ маслѣ, въ запаянныхъ на глухо коробкахъ. Въ такомъ видѣ, (такъ называемые „консервы“) рыба бываетъ вкусна и можетъ пролежать не портясь очень долго. Отдѣленіе этой фабрики устроено и около Обдорска.

Июродцы сами на продажу рыбу не приготавливаютъ, потому что къ ихъ хозяйствѣ соль всегда покупная у купцовъ и стоить очень дорого. Поэтому весь июродческій уловъ идетъ къ тѣмъ же нѣсколькимъ рыбопромышленникамъ за невысокую цѣну и въ обменъ на товары русского производствъ или водку.

Благодаря своимъ дурнымъ качествамъ сибирский рыбный товаръ не имѣть большого распространенія. Онь не только грязенъ и невкусенъ, но и быстро портится, не выдерживая долгихъ перевозокъ. Больше всего ск与否аютъ рыбу для содержания низыскательныхъ сибирскихъ рабочихъ.

Рыболовство ведется въ Западной Сибири такъ же неразумно, какъ и другие промыслы. Рыбу массами истребляютъ по веснѣ, когда она еще идетъ погнаная икрой; много пропадаетъ вмѣстъ съ взрослой рыбой и мелкой „молоди“, которую

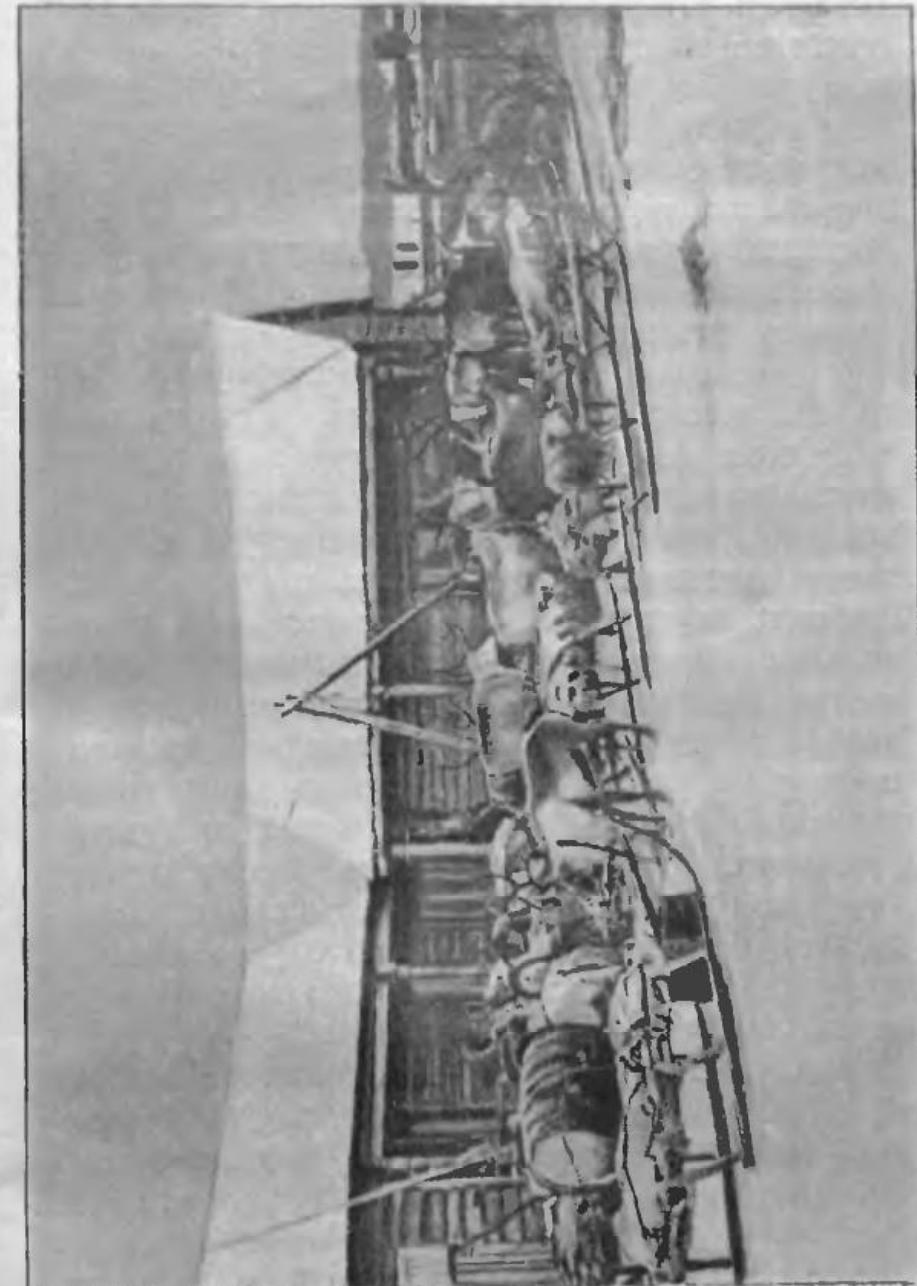
потомъ выкидываютъ. Самоловами и повсюду разставленными крючками рыба наносить себѣ раны и гибнуть отъ нихъ; пароходы загрязняютъ рѣку и пугаютъ рыбъ. Отъ всѣхъ этихъ причинъ вмѣстѣ рыба скоро пропадаетъ и отступаетъ къ сѣверу, гдѣ меныше людей, меныше опасности.

Выгода отъ хищническаго истребленія рыбы и отъ тяжелыхъ трудовъ, затраченныхъ рабочими, достается такъ же, какъ и въ охотничьемъ промыслѣ, богатымъ купцамъ. Ихъ власть надъ населеніемъ тундры, особенно надъ инородцами, еще сильнѣе, чѣмъ въ лѣсахъ.

Тундра отъ желѣзной дороги и человѣческаго жилья лежитъ еще дальше глухихъ урмановъ. Пробраться въ нее еще труднѣе. Лѣтомъ нѣть никакихъ дорогъ, кромѣ рѣкъ; а зимой пурга такъ заноситъ всѣ пути, что правильнаго направлѣнія держаться очень трудно; людимъ приходится полагаться на чутые упряженыхъ собакъ, которыя и мчать сани отъ одного инородческаго стана къ другому. Часто по иѣсколько дней не встрѣчается даже такихъ инородческихъ поселковъ, и ищутъ люди въ одиокихъ, занесенныхъ снѣгомъ, покинутыхъ срублѣхъ, въ которомъ можно развести огонь и съ грѣхомъ пополамъ защитить себѣ отъ стужи.

Въ отрѣзанности сѣвернаго края отъ населенной земледѣльческой полосы, соединяющей Сибирь съ Россіей, и заключается причина тяжелаго положенія местнаго населенія, которое всецѣло попало въ руки крупныхъ промышленниковъ.

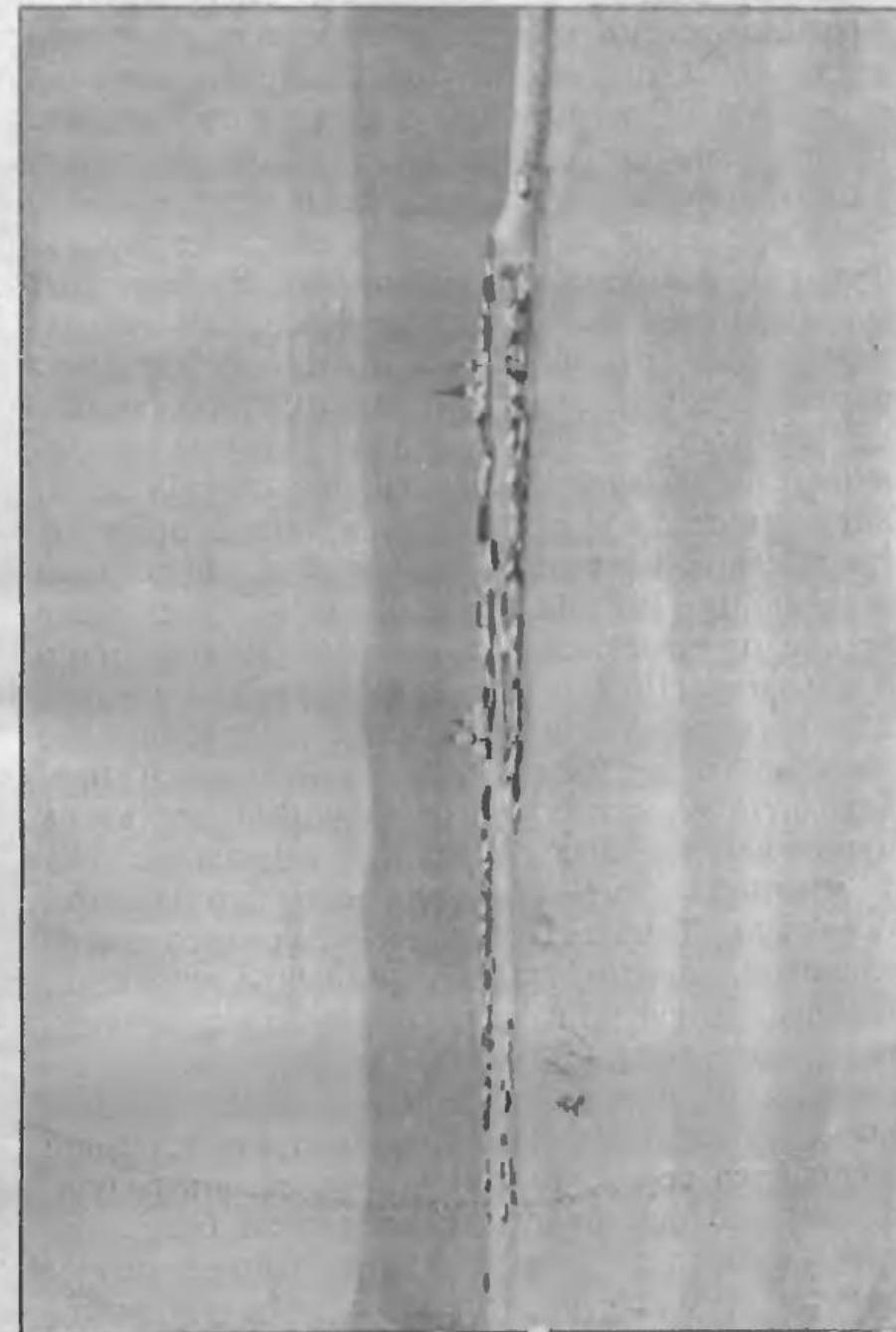
Торговля на сѣверѣ ведется на ярмаркахъ, и главнымъ образомъ обмѣномъ, а не съ помощью

Отправка сомольскаго обоза изъ г. Сургута на р. Пуръ.

днейгъ. Купецъ нагружаетъ барку всевозможными товарами и везетъ ихъ весною на сѣверъ. Тамъ обмѣниваетъ онъ привезенное добро на рыбу, которую ему волей-неволей продаютъ и русскіе мелкіе рыбопромышленники и инородцы: все равно некуда ее сбыть. За свои товары купецъ беретъ дорого, конкурентовъ кругомъ иѣтъ. Темный, постоянно нуждающійся инородецъ съ радостью бѣжитъ къ богатому купцу, который прѣѣхалъ къ нему изъ далекихъ южныхъ странъ и привезъ много чудныхъ вещей и особенно прекрасный, горячій напитокъ — водку, отъ котораго легко становится на душѣ бѣднаго дикаря и голодная жизнь кажется краше. Привезенный товаръ, конечно, бываетъ самого низкаго сорта и называется „остинскимъ, самойскимъ товаромъ“. При торговлѣ идутъ въ ходъ фальшивыя гири, неправильные вѣсы; инородцамъ называются совершенно для нихъ ненужный, но дорогой товаръ, въ родѣ металлическихъ жетоновъ, медалей, пріучая къ украшениямъ. Не такъ давно водкой запасались не только купцы, казаки и путешественики, но даже священники. Послѣ каждого торга несчастный, ницій и несмышеный обитатель сѣвера остается еще болѣе одурченнымъ и обобраннымъ, чѣмъ въ предыдущій годъ. Растутъ долги, и иѣтъ имъ впереди конца.

Чтобы помочь инородцамъ и защитить ихъ отъ притѣсненія купцовъ, правительство стало заводить казенные магазины, въ которыхъ продаютъ порохъ, дробь, соль. Но магазинами управляютъ по-казенному; содержаніе ихъ обходится дорого, а за товары съ инородцевъ берутъ не меныше, чѣмъ купцы. Кромѣ того, приказчики въ этихъ магазинахъ мошенничаютъ. Но самая большая

торговля ведется на ярмаркахъ. Такія ярмарки устраиваются въ каждомъ населенномъ сѣверномъ мѣстечкѣ. Одна изъ крупныхъ проходитъ въ Обдорскѣ. Открывается она второго января. Предъ амбарами обдоринъ, стоящими въ концѣ улицы, идущей въ тундру, выставляютъ прѣзжіе инородцы свои парты, нагруженныя товаромъ. Тутъ, кромѣ осяковъ, присутствуютъ самоѣды, вогулы и зыряне. Торговцы предлагаютъ инородцамъ свой „остинкій“ и „самоѣдскій“ товаръ: кирпичный чай, сукно для цвѣтныхъ прошивокъ на мѣховой одеждѣ самоѣдовъ, мѣдные побрикушки, которыми убѣживаются инородческія жены, котлы, ножи, топоры, ящики и прочіе предметы самоѣдскаго обихода. Зыряне привозятъ свои деревянныя издѣлія, ложки и чашки; даже осяки продаютъ свои травянины цыновки, жиръ и морошку. Повсюду толкуются самоѣды въ своихъ неуклюжихъ, мѣховыхъ костюмахъ, похожіе на бѣлыхъ медведей. На самой ярмаркѣ проходитъ мелкая торговля, крупный же торгъ пушиной, главнымъ образомъ, ведется на дому у мѣстныхъ жителей, куда они приглашаютъ самоѣдовъ. Тамъ хозяева угощаютъ своихъ гостей олениной, мерзлой рыбой, рыбьимъ жиромъ и, главное, водкой. Инородцы усаживаются на полу, наѣдаются досыта, потомъ напиваются, а напившись начинаютъ выкрикивать свои безконечныя, дикия, рѣзкія прѣснія. Когда послѣ угощенія начинается торгъ, то самоѣды въ свое мѣсто расположениіи духа сбываются за безцѣнокъ дорогіе пушинные товары, хотя раньше они и рѣшили выгодно продать свою добычу, доставшуюся послѣ трудной и опасной охоты. Выйдя на улицу, инородцы веселы и довольны; обняв-

шись со своими женами, приплясывая и распѣвали, возвращаются обманутые дикари къ своимъ пустымъ партамъ.

Такимъ образомъ, изъ года въ годъ торговля остается все въ одиѣхъ рукахъ богатыхъ скупщиковъ.

Оснаривая другъ у друга барыші, получаемые отъ торговли съ инородцами, куницы приѣгаютъ къ самымъ разнообразнымъ хитростямъ. Они, напримѣръ, съ ярмарки выѣзжаютъ навстрѣчу къ осякамъ и самоѣдамъ, устраивая на нихъ настоящую оолову; тамъ скучники уверяютъ, что на ярмаркѣ совсѣмъ нѣтъ сироса, что цѣны стоятъ на все низкія и такъ далѣе... Затѣмъ начинаютъ соблазнять инородцевъ водкой. Самоѣды и осяки, долго не вѣдавши этого любимаго ими напитка, набрасываются на него тутъ же, будучи не въ силахъ удержаться отъ соблазна; напиваются и, напившись, продаютъ всѣ свои товары, еще не дѣлажая до ярмарки, еще не зная ни настоящаго сироса, ни цѣнъ... Некоторые куницы, какъ мы уже разсказывали раньше, заѣзжаютъ въ инородческіе поселки и еще до начала ярмарки скучаютъ товаръ на мѣстахъ.

Но если бы инородцы сумѣли побороть свою страсть къ водкѣ и захотѣли попридержать товаръ до конца ярмарки, чтобы поднять на него цѣну, то и это было бы невозможно. Дѣло въ томъ, что русское начальство, сейчасъ же, по прїѣздѣ инородцевъ на ярмарку, требуетъ съ нихъ уплаты казенныхъ сборовъ и налоговъ, а для того, чтобы исполнить это требование, инородцамъ опять-таки необходимо какъ можно скон-

рѣе продать привезенное добро за что дадутъ, потому что другихъ средствъ у бѣдныхъ дикарей не припасено.

3) Положеніе русскихъ, ихъ хищничество; самоѣды, зыряне; разореніе и вымираніе инородцевъ.

Въ полосѣ тундры русское населеніе до крайности рѣдко. На каждые сто человѣкъ населенія русскихъ приходится не больше пяти. Живутъ они охотой и особенно рыбной ловлей, скупая, кромѣ того, такъ же какъ и въ лѣсной области, рыбу и пушину у остяковъ и самоѣдовъ. Торговлей съ инородцами заняты иногда цѣлые деревни. Мелкие промышленники и рыболовы сами въ полномъ распоряженіи крупныхъ. Несмотря на свою малочисленность, русскіе тутъ еще большиѳ хозяева и хищники, чѣмъ въ остальной Западной Сибири. Землю и рыболовиціи угодья они часто отбираютъ у инородцевъ хитростью и даже силой!

Живя вдали отъ своихъ современниковъ русское населеніе сѣверныхъ окраинъ сильно поддается влиянию окружающихъ дикарей. Сибиряки перенимаютъ отъ прежнихъ хозяевъ сѣвера приемы охоты и рыбной ловли, ихъ защиту отъ трескучихъ морозовъ и произительныхъ выногъ, ихъ способы передвиженія по тундрѣ и такъ далѣе... Русскіе носятъ одежду изъ звѣриныхъ шкуръ по инородческому покрою; даже привыкаютъ къ инородческой пище; многие изъ нашихъ соотечественниковъ, проведя нѣсколько лѣтъ на дальнемъ сѣверѣ, съ восторгомъ рассказываютъ о мерзлой, сырой рыбѣ, которую Ѵдить въ такомъ видѣ, строгая пожомъ на мелкія стружки; въ

Избушка дроворубовъ на р. Погутъ близъ Обдорска.

Обдорскъ жители пытаются сырой замороженной олениной, сырыми почками, осетровымъ жиромъ и тому подобное...

Заброшенные на дальний северъ, отрѣзанные отъ культурной жизни, въ соѣдѣствіи дикарями, сибиряки тундровой полосы сами опускаются и дичають. Водка и пьянство играютъ въ ихъ жизни огромную роль; прѣѣзжіе изъ Россіи отыкаютъ отъ книгъ, отъ религіи и превращаются въ какихъ-то грубыхъ и темныхъ людей. Пытъ обыкновенію всѣ, вилоть до свинценика, при чмъ пьянство бываетъ особенно разнудашо и сопровождается безобразіями и скандалами.

Сближеніе въ обычаяхъ увеличивается браками между русскими и инородцами. Женщины - русскихъ тамъ очень немнога, такъ что на браки христіанѣ съ язычницами строго не смотрятъ. Потомство получается смуглос, съ осятско-самоѣдскимъ лицомъ. Русскіе уменьшаются въ ростѣ, теряютъ силу и плодовитость; ихъ умственныя способности становятся хуже и сильно портится языкъ. Сибирики стали шепелявить, слюсокать, точно маленькая дѣти. Букву и произносятъ какъ е, букву же коверкаютъ въ з, а з передѣлаиваютъ въ ж. Напримѣръ, они, вместо „уже наши пришли“, говорятъ: „узѣ наси писли!“ Буквы р и л имъ плохо удаются, и они говорятъ въ этомъ родѣ: „тли любля“. Нѣкоторымъ трудно произносить букву г и т. д.

И чмъ дальше къ северу и востоку, тѣмъ сильнѣе на русскихъ отзыается соѣдѣство съ инородцами. Въ городахъ еще жители имѣютъ хоть свое общество, но когда судьба забрасываетъ человека въ инородческий поселокъ, то онъ всецѣло предоставляетъ вліянію мѣстныхъ дика-

рей. Особенно часто въ такомъ положеніи приходится быть политическимъ ссылкамъ. Правительство ссылаетъ ихъ въ полномъ одиночествѣ куда-нибудь въ осятское или самоѣдское поселеніе, где ни однѣ человѣкъ не знаетъ русского слова. Уйти некуда. Кругомъ глухая тундра или урманъ, где безъ инородца шагу ступить нельзя; да и инородцы приглядываются,

Низовые самоѣды.

чтобы ссыльный отъ нихъ не ушелъ. Поживеть такой несчастный годъ, другой, и или умреть отъ непривычки къ суровому климату, грязи и дурному питанію, или, еще хуже, съ ума сойдеть, покончить самоубийствомъ. Нѣкоторые женятся на дикаряхъ.

Главные жители тундры — самоѣды. Всего самоѣдовъ въ Западной Сибири около 10.000,

большинство изъ нихъ кочуетъ въ тундрѣ. Они по своей привычкѣ къ тундрѣ и съверу такъ же отличаются отъ остальныхъ людей, какъ олень и полярная собака — среди другихъ животныхъ.

Самоѣды очень похожи на остяковъ, по выглядятъ здоровѣе ихъ. Какъ и всѣ съверные инородцы, самоѣды низки и широкоплечи. Ихъ лицо круглое, желтоватое, съ выдающимися скучлами и косыми глазами. Голова небольшая. Низкий лобъ, черные жесткие волосы. Многіе путешественники смѣшиваютъ самоѣдовъ и остяковъ другъ съ другомъ и часто не могутъ разобраться, гдѣ предъ ними одно племя и гдѣ другое. Такая ошибка очень возможна еще потому, что въ некоторыхъ мѣстахъ остяки и самоѣды, действительно, сильно перемѣнились и даже слились между собой, образуя смѣшанное племя остяко-самоѣдовъ. Языкъ остяковъ и самоѣдовъ различенъ. Остяки слюлюютъ, а самоѣды слова произносятъ грубо, съ горланиными звуками и рѣзко выговариваютъ р. Между языками самоѣдовъ и остяковъ иѣть ничего общаго, такъ что они не понимаютъ другъ друга.

Происхожденіе у нихъ совершенно разное. Самоѣды пошли сюда съ юга, откуда ихъ вытеснили сначала татары, а потомъ и русскіе. Теперь самоѣды лѣто проводятъ среди тундры, а на зиму кочуютъ въ лѣсную полосу, гдѣ они находятъ себѣ защиту отъ вѣтровъ и дерева для топлива. Самоѣды, главнымъ образомъ, — кочевники, они самые отсталые изъ всѣхъ инородцевъ Западной Сибири.

Характеръ самоѣдовъ — суровый и малообщительный, не такой открытый, какъ у остяковъ.

Самоѣды не носятъ нижней одежды. Свой костюмъ, такъ называемую „малицу“, они надѣваютъ прямо на тѣло. Только въ послѣднее время начинаютъ привыкать къ холщевымъ рубашкамъ. „Малица“ состоитъ изъ рубашки съ рукавицами

Женская рубаха, вышитая шерстью салымской остячкой.

изъ оленѣаго мѣха, шитаго шерстью внутрь. Подъ „малицей“ носятъ кожаные штаны, сверху для тепла надѣвается другая шуба — „гусь“, мѣхомъ уже наружу. „Гусь“ весь разукрашенъ белой и черной собакой, вперемежку съ разноцветными суконными прошивками. Особенію любятъ принарядиться женщины; ихъ „гусь“ — его покрой и у мужчинъ и у женщинъ одинаковъ —

такъ и пестрить, такъ и бѣть въ глаза; на головѣ у самоѣдокъ огромныя шапки въ родѣ капоровъ; капоры вокругъ лица обшиты широкими отворотами изъ пушистаго собачьяго мѣха. Сзади на шапкахъ у женщинъ подвѣнено иѣсколько фунтовъ колокольчиковъ, мѣдныхъ кружковъ и всякихъ побрякушекъ, такъ что когда они двигаются, кругомъ далеко разносится звонъ и трескъ. На ногахъ самоѣды носятъ мѣховые чулки—“чижи”, шерстью внутрь на босую ногу; изъ болѣе грубаго мѣха шьются сапоги—“пимы”.

Самоѣды гораздо чистоплотнѣе остальныхъ инородцевъ. Изъ деревянныхъ колецъ, обыкновенно 28 штука, они ставятъ себѣ палатки—“чумы”, похожіе на широкую сахарную голову. Чумъ въ два часа можно совершиенно разобрать или разставить; перевозить свои жилища самоѣды на нартахъ, а сборомъ и разстановкой обыкновенно занѣдуютъ женщины. Внутри по бокамъ раскладываютъ доски, покрытыя одеялами шкурами; никурами же закрывается входъ и на чуму обтягивается весь чумъ; лѣтомъ жилище покрывается вываренной въ кинятѣ берестой. На серединѣ чума кладется желѣзный листъ для очага, а наверху оставлено отверстіе для выхода дыма.

Самоѣды їдятъ, главнымъ образомъ, сырью мороженую рыбу и оленину. Оленье мясо съѣдаются даже еще теплымъ, сейчасъ же посль того, какъ заколютъ животное, при этомъ куски мяса мають въ кровь. Отъ жирной и сырой пищи самоѣды болѣютъ желудочными и кишечными заболеваниями. Въ киникахъ, напр., часто бываютъ мучительныя язвы.

Самоѣды совершиенно предоставлены самимъ себѣ. Во всѣхъ своихъ невзгодахъ имъ неоткуда ждать помощи. Въ годы голода или поваленныхъ болѣзней инородцы, какъ и всегда, должны помогать себѣ собственными средствами. Ни врачей ни какой-нибудь общественной или правительственної продовольственной организаціи для инородцевъ нѣть и помину.

Русскій языкъ почти никому изъ самоѣдовъ не известенъ. Школь, конечно, не существуетъ. По своей вѣрѣ самоѣды—такіе же язычники, какъ вогулы и остыки. Христіанѣ среди нихъ совершиенно нѣть. Представление о загробной жизни у самоѣдовъ еще болѣе смутное, чѣмъ у другихъ инородцевъ. Первое время послѣ смерти душа, какъ полагаютъ они, еще продолжаетъ существовать; поэтому трупъ снабжаютъ всякими предметами, бывшими необходимыми человѣку еще при жизни. Но, какъ только тѣло окончательно истѣваетъ, прекращается и загробная жизнь души. Неключеніе составляютъ шаманы, называемые у самоѣдовъ тадибелями, души которыхъ обладаютъ полнымъ бессмертіемъ.

Жертвоприношенія, молитвы, врачеванія и другіе обряды, совершаемые тадибелями, мало чѣмъ отличаются отъ такихъ же дѣйствій другихъ инородческихъ шамановъ.

Вотъ, напр., закликаія тадибеля: „Придите, придите, духи волшебства, если вы не придете, то и самъ къ вамъ отправлюсь. Проснитесь, проснитесь, духи волшебства, я принесъ къ вамъ, проснитесь отъ спа!“

На это духи отвѣчаютъ словами тадибеля: „Скажи, по какому дѣлу ты прибѣгаешь, зачѣмъ приходишь ты нарушать нашъ покой?“ и такъ далѣе.

При этомъ тадибей напѣваетъ простыя заунывныя мелодіи, настраивающія простодушныхъ самоѣдовъ на мистической ладѣ.

Сибирскіе инородцы, окруженные хмурой, суховой природой, выработали у себя хмурую и бѣдную религію. Они боязливы и беспомощны; всякия темные силы преслѣдуютъ ихъ и носылаютъ на ихъ голову всевозможныя несчастія; поэтому все свои молитвы и помыслы инородецъ направляетъ къ этимъ безжалостнымъ темнымъ духамъ, молить ихъ о милости, о сихожденіи.

Какъ и въ борьбѣ съ природой, инородецъ и въ религіи только защищается.

Самоѣды занимаются разведеніемъ оленей, охотой и рыбной ловлей; на побережье Ледовитаго океана бываютъ тюленей, продавая товары скунцикамъ, тратя все на водку, которую они такъ же любятъ, какъ и все сибирскіе инородцы. Часть самоѣдовъ поселилась въ лѣсной полосѣ; тамъ они перемѣнились съ остыками, частьюбросили кочевья и осѣли по рѣчнымъ берегамъ. Всѣхъ самоѣдовъ насчитываютъ тысячу десять. Самые богатые среди нихъ кочуютъ на сѣверо-востокѣ западно-сибирской тундры, заходя иногда даже въ предѣлы соединеній Енисейской губерніи, добывая тамъ голубого песца.

Самоѣды и остыки дѣлятся на роды, т.-е. на группы людей, которыхъ происходятъ отъ одного родоначальника. Между родами и русскими властями посредничаютъ старосты или старшины, которыхъ для этого избираетъ сходъ. Инородцы обложены податями— „ясакомъ“ по рублю пятидесяти копеекъ съ души каждого кочевника. Кромѣ того, они обязаны исполнять почтовую

гоньбу: лѣтомъ въ лодкахъ, а зимой на оленяхъ и собакахъ.

Кромѣ самоѣдовъ и остыковъ, па сѣверѣ Западной Сибири поселились еще зыряне. Они пришли изъ сѣверныхъ частей Архангельской и Вологодской губерній.

Зыряне—народъ смѣтливый, предпріимчивый и работящій; они выносливы, здоровы и по наружности походятъ на великоруссовъ. Эти пришельцы принадлежать къ самымъ способнымъ „ижемскимъ“ зырянамъ изъ села Ижмы, Архангельской губерніи. Отъ другой зырянской группы—вологодскихъ зырянъ они отличаются, главнымъ образомъ, своимъ языкомъ, сильно отразившимъ на себѣ русское влияніе.

Появились они въ Западной Сибири сравнительно недавно, но быстро начали устраиваться и находить себѣ заработка. Часть ихъ занялась торговлей и стала спорить съ русскими купцами, которые до тѣхъ поръ всю торговлю въ краѣ держали въ своихъ рукахъ; зыряне стали покупать у инородцевъ товары дороже, а свои продавать имъ дешевле; это, конечно, поубавило доходы русскихъ кулаковъ и пришло имъ не по вкусу. Русские купцы, чтобы нынѣшнему развязать себѣ руки, стали жаловаться начальству и просить выселить зырянъ обратно въ Россію; эти просьбы имъ иногда удавались.

Другая часть зырянъ стала держать оленей, прогоняя свои стада мимо Обдорска и продавая обдорянамъ оленье мясо и шкуры. Въ оленеводство зыряне еще не такъ опыты, какъ самоѣды; допуская своихъ оленей сѣѣдать весь подножный мохъ, зыряне этимъ самымъ истощаютъ тундру, превращая се въ пустыню; самоѣды же перего-

О присоединеніи Сибири и ея прошломъ.

Западная Сибирь лежитъ ридомъ съ Европейской Россіей, на востокъ отъ Уральскихъ горъ. Она занимаетъ сравнительно небольшую часть нашихъ огромныхъ азіатскихъ владѣній. Всѣ русскія земли въ Азіи извѣстны подъ одинимъ общимъ названіемъ Сибирь. Слово „Сибирь“ произошло, вѣроятно отъ одного маленькаго народца „сывири“ или „сибирь“, который когда-то очень давно пришелъ изъ Монголіи и поселился на рекѣ Иртышъ, гдѣ теперь Тобольская губернія. Потомъ этотъ народецъ совершенно исчезъ, и память о немъ осталась въ названіи большого татарскаго города Сибирь (Искерь), гдѣ жили въ старину татарскіе ханы. Теперь и отъ этого города слѣда не осталось. Нѣкоторые предполагаютъ, что Сибирь обозначаетъ испорченное слово „сѣверье“, т.-е. страна, лежащая къ сѣверу отъ Московскаго царства, какъ говорили въ старину на Руси.

Раньше намъ Сибирь не принадлежала. Русскіе постепенно, посѣтъ долгихъ и часто страшнѣ кровопролитныхъ войнъ съ инородцами, овладѣвали одной сибирской мѣстностью за другой и проникали на востокъ все дальше.

Начало этого покоренія относится къ глубокой старинѣ. Древніе лѣтописцы говорятъ въ своихъ записяхъ, что еще въ 1032 году предпріимчивые новгородцы ходили за Ураль къ востоку, т.-е.